

Научно-информационный центр «Мемориал»
Санкт-Петербург

Европейский университет
В Санкт-Петербурге

Шестые чтения
памяти Вениамина Иофе

Право на имя Биографика 20 века

16–18 апреля

2008

Санкт-Петербург
2009

Чтения проведены при поддержке:

Международного историко-просветительского
правозащитного и благотворительного общества «Мемориал»

Генерального консульства Республики Польша
в Санкт-Петербурге

ООО «Роботрон»

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Генерального консульства Республики Польша
в Санкт-Петербурге

© НИЦ «Мемориал», 2009

Мартин Малек

Военная биография Гюнтера Грасса или (Не)преодоление собственного прошлого

Мартин Малек

политолог, научный сотрудник
Национальной Академии Обороны,
Австрия, Вена

Введение

Два года тому назад я в этом же зале рассказывал «военную биографию» Генерального Секретаря ООН (1972–1981) и Президента Австрии (1986–1992) Ку́рта Вальдхейма. На этот раз я хочу ознакомить вас с «военным прошлым» другого известного человека, который политиком никогда не был, но всегда считал политику важной составной частью своей деятельности. Речь идет о «военном прошлом» немецкого писателя Гюнтера Грасса, которого знают и уважают в России. Среди задач нашей сегодняшней конференции я нашел и такую: она должна, помимо всего прочего, рассматривать «то, что не попадает в биографию», и – почему не попадает. Этот вопрос я себе задавал и в отношении Вальдхейма, и в отношении моего нынешнего героя.

Всемирно знаменитого лауреата Нобелевской премии, признанного социал-демократа (то с партийным билетом, то без) и, что в данном контексте особенно важно, антифашиста и непримиримого

martin.malek@bmlv.gv.at

борца с историческим забвением многие и в Германии, и за рубежом считают «состыдью (немецкой) нации». Правда, возникает вопрос, стал ли бы Грасс «моральным авторитетом», если бы уже раньше было известно то, что Германия и мир узнали только в 2006 году, накануне выхода его новой книги «Beim Häuten der Zwiebel» («Луковица памяти»¹; нечто вроде художественных мемуаров): Грасс служил в Ваффен-СС (войсках СС Третьего Рейха).

Гюнтер Грасс: «голос совести»?

Грасс начинал свою литературную карьеру как член так называемой «Группы 47» (по году ее создания – 1947), возглавляемой писателем и бывшим коммунистом Гансом Вернером Рихтером. С начала шестидесятых Грасс агитировал за Социал-демократическую партию Германии (СДПГ), принимал активное участие в её предвыборных кампаниях (например, в качестве оратора) и выступал на партийных съездах. С 1982 по 1992 год он был её членом.

В 1959 году Грасс опубликовал роман «Жестяной барабан», который – по праву или нет, остаётся нерешённым – считается одним из самых значительных произведений послевоенной литературы Германии. Он был переведён на многие языки (в том числе и на русский) и принёс своему автору мировую славу. В 1999 году Грасса в первую очередь за эту книгу наградили Нобелевской премией, что было неплохо для человека, у которого были проблемы со школой и который аттестата зрелости так и не получил.

Грасс всегда любил «поучать» политически других. Начиная с 60-х годов он выступал со всякими программными заявлениями по образовательной реформе, по ключевым вопросам внешней и внутренней политики, по таким глобальным темам, как экология или помочь развивающимся странам, по религии и даже по экономике, т.е. по вопросам, в которых совершенно не разбирался. Видимо, он думал, что его писательские успехи наделили его большей дальновидностью, чем «средних» граждан. Многие, действительно, обращали на заявления Грасса внимание и доверяли его мнению (это были в основном левые), другие же считали его не более чем словоохотливым агитатором, который судит о вещах, в которых ничего не смыслит (это были в основном правые). В 1989 и 1990 годах именно последние раскритиковали Грасса за его позицию в вопросе объединения Германии: Грасс считал, что после Холокоста Германия «не заслуживает» воссоединения, и выступал за сохранение «идентичности ГДР».

¹ Дословный перевод с немецкого гласит: «Счищая с луковицы шелуху».

Нацистское прошлое Германии и Грасс

Тема нацистского прошлого присутствует в творчестве Грасса постоянно, начиная с «Жестяного барабана», где автор выступил с резкой критикой политики Германии в первой половине XX века. В вышедшем в 1963 году романе «Hundejahre» («Собачьи годы») Грасс пишет новейшую историю Германии в бурлескных чертах, ставит в центр своего внимания не Гитлера, а его собаку (отсюда и название романа), а в одном эпизоде считает нужным издеваться над философом Мартином Хайдеггером и его своеобразным языком, ссылаясь при этом на связи Хайдеггера с нацистским режимом².

Постепенно Грасс приобрел славу непримиримого борца за «преодоление прошлого» (*Vergangenheitsbewältigung*) и стал считаться стойким поборником раскрытия правды. При этом он всегда демонстративно выражал непреклонную уверенность в собственной правоте и судил других, как казалось, – ему самому и его сторонникам, – с высоты некоторого «морального превосходства». Так, скорее всего, не получилось бы, будь уже тогда известно, что Грасс служил в Ваффен-СС.

Некоторая часть читателей Грасса была удивлена, когда в 2002 году вышла его новая новелла «Im Krebsgang» («Траектория краба»), посвященная крушению лайнера «Вильгельм Густлофф» в результате торпедной атаки советской подлодки 30 января 1945 года. Несмотря на гибель около 9000 беженцев из Восточной Пруссии в послевоенной Германии об этом событии почти не вспоминали, боясь, видимо, упрёков в реваншизме и попытках «представить себя жертвой» войны, которую развязал Гитлер. Поэтому многие не понимали, почему именно левый Грасс поднял вдруг эту щекотливую тему. Тот же объяснил это тем, что «не хотел уступить её правым»³, и вообще он, по собственному признанию, старается не отдавать «правым» тему нации. При этом он себя сам с гордостью называет «товарищем без отечества»⁴. Как бы то ни было, новелла «Траектория краба» завоевала в Германии большой успех. В 2004 году она вышла и в России.

Признание службы в Ваффен-СС

В отношении «военной биографии» Грасса десятилетиями полагалось – и так было написано во всех его биографиях, – что с 1944 года он служил

² Rüdiger Safranski. Ein Meister aus Deutschland. Heidegger und seine Zeit. Frankfurt a.M. 1994/2001. C.462; Dieter Thomä (Hrsg.). Heidegger-Handbuch. Leben-Werk-Wirkung. Stuttgart/Weimar 2003. C.511.

³ Heinrich Vormweg. Günter Grass. Überarbeitete und erweiterte Neuausgabe, Reinbek 2002. С.158.

⁴ Michael Jürgs. Günter Grass. Eine deutsche Biographie. München 2007. С.378, 415.

помощником в отрядах противовоздушной обороны, потом в танковых войсках, был ранен и попал в плен к американцам⁵. Но теперь это что-то вроде «бывшей биографии», потому что в августе 2006 года в интервью газете «Frankfurter Allgemeine Zeitung» Грасс рассказал, что в юности был призван на службу в войска СС. «Со мной случилось то, что и со многими другими в моем возрасте, – объяснял писатель. – Мы проходили трудовую службу, и однажды, год спустя, на стол легла повестка. И только когда я оказался в Дрездене, я узнал, что это была СС». Грасс не испытывал тогда (в 17 лет), по его собственным словам, никакого морального дискомфорта от этого факта своей биографии. Для него войска СС не были чем-то ужасным, «это было просто элитное подразделение, которое бросали на тот участок, где было особенно горячо, и которое, – так говорили, – несло самые тяжелые потери»⁶.

Итак, после этого признания открылась следующая картина «военной биографии» Грасса: в пятнадцатилетнем возрасте, то есть в 1943 году, он решил уйти добровольцем в подводники. Подводником его не взяли по малолетству, но заявлению, видимо, дали какой-то ход, поэтому, когда подошел призывной возраст, он получил повестку. Тут Грасс – в 2006 году – пожаловался на пробелы в памяти. Он не мог вспомнить, какой была повестка, явствовало ли из нее, что его призывают в войска СС, или это выяснилось уже на призывном пункте. Многие усомнились в искренности писателя.

По словам Грасса, в сентябре 1944 года он был направлен в учебное подразделение войск СС. Тут, похоже, его подвела память: документально зафиксировано, что в 3-е учебно-резервное подразделение он поступил лишь 11 ноября 1944 года. В конце февраля 1945 года он был приведен к присяге и получил военную специальность «заряжающий танковое орудие». Затем Грасс попадает в разные подразделения 10-й танковой дивизии войск СС «Фрундсберг», которые настех формировались и переформировывались, чтобы прикрыть участок фронта между населенными пунктами Мускав и Форст на левой стороне Нейссе, где войска Первого Украинского фронта Советской Армии готовили прорыв, начинавший Берлинскую операцию. Грасс заявил, что во время службы в войсках СС он не совершил военных преступлений и даже не сделал ни единого выстрела. Но Грасс признался, что он до конца войны не сомневался в правоте немецкой стороны⁷.

20 апреля 1945 года, в последний день рождения Гитлера, Грасс получил при орудийном обстреле два осколочных ранения. Ему сильно повезло – ране-

⁵ Vormweg, C.17.

⁶ «Warum ich nach sechzig Jahren mein Schweigen breche» (Günter Grass im Interview). Frankfurter Allgemeine Zeitung, 12.08.2006, c. 33, <http://www.faz.net/s/RubCF3AEB154CE64960822FA5429A182360/Doc-ED1E99E51572441E696FB0443CA308A56-ATpl-Ecommon-Scontent.html> (17.11.2008).

⁷ Jürgs, C.54.

ния были не слишком тяжелыми, его увезли с передовой в тыловой госпиталь. Оттуда он угодил 8 мая 1945 года прямиком в американский плен. Он ничего не скрывал – в американских документах Грасс значится рядовым дивизии «Фрундсберг». В лагере для военнопленных баварского Бад-Айблинга он пробыл до 24 апреля 1946 года, и его отпустили на свободу. О Грассе-эсэсовце, скорее всего, других немецких документов уже не существует, поскольку СС к концу войны уничтожала все личные дела своих бойцов⁸.

В 2006 году Грасс сказал: «Пусть те, кто хотят судить, судят. Я скажу только, что необходимость хранить эту тайну долгие годы угнетала меня и что вся моя зрелая жизнь отмечена чувством стыда»⁹. Однако он, якобы, уже рассказывал о своей службе в СС лет за 20 лет до нынешнего публичного признания, в частных разговорах с коллегами, в том числе австрийскими авторами Робертом Шинделем и Петером Турунни¹⁰.

С момента признания ни один из литературоведов не смог соотнести какие-нибудь конкретные места из литературного творчества Грасса с его службой в СС. Например, в книге «Mein Jahrhundert» («Мой век»), которая рассказывает для каждого года с 1900 по 1999 трагические, смешные и трагикомичные истории, не содержится ни одного даже намека на этот эпизод в жизни писателя¹¹. Но некоторые письменные и устные заявления Грасса выглядят теперь совсем в другом свете, чем это было до 2006 года. Так, в книге «Tagebuch einer Schnecke» («Дневник улитки»; 1972) мы читаем: «О кое-чём я умалчиваю: о моих белых пятнах»¹². А в одном разговоре Грасс как-то упомянул: «Судя по тому, как я рос до 1945 г., родясь я на три, четыре года раньше, я мог бы, пожалуй, быть замешанным в преступлениях. Я не уверен, что у меня хватило бы сил противостоять этому. Скорее всего, нет, я не был достаточно образован и оснащен всем необходимым для сопротивления»¹³.

Некоторые наблюдатели указывали на всякие нестыковки между политической деятельностью и уже «новой» военной биографией Грасса. Так, в 1969 и 1970 годах он потребовал от социал-демократа Карла Шиллера (1911–1994), на тот момент министра экономики, признаться публично в факте его членства в НСДАП и СА. Это требование, если учесть, что самому Грассу потребовались

⁸ Klaus Wiegrefe. Grass räumte als Kriegsgefangener Waffen-SS-Mitgliedschaft ein. Spiegel Online, 15.08.2006. <http://www.spiegel.de/kultur/gesellschaft/0,1518,431823,00.html> (18.11.2008).

⁹ Юрий Арпишкин. Гюнтер Грасс рассказал о службе в СС. Московские новости. 2006. №31. <http://www.mn.ru/print.php?2006-31-59> (08.10.2007).

¹⁰ Björn Hengst. «Es ist ein Armutszeugnis, wie Grass behandelt wird». Interview mit Robert Schindel. Spiegel Online, 15.08.2008. <http://www.spiegel.de/kultur/gesellschaft/0,1518,druck-431855,00.html> (12.11.2008).

¹¹ Günter Grass. Mein Jahrhundert. Göttingen: 1999.

¹² Vormweg. C.105.

¹³ Там же. С.15

потом еще три с половиной десятилетия для подобной «открытости», выглядит более чем своеобразно¹⁴. Грассу напомнили и то, как он в 1985 году публично обрушился на канцлера ФРГ Гельмута Коля и Президента США Рональда Рейгана, посетивших военное кладбище в немецком городе Битбурге, где среди прочих захоронений имеются и захоронения солдат СС – т.е. бывших сослуживцев Грасса.

Кроме того, не могли не удивить утверждения Грасса в «Луковице памяти», что он только в американском плена узнал о преступлениях нацистов и что именно там он впервые столкнулся с явлением расизма, увидев дискриминацию чернокожих солдат со стороны их белых сослуживцев. Грасс, воевавший в армии самого расистского государства в мировой истории, именно у американцев познакомился с расизмом!

Некоторые реакции

Откровения Грасса, естественно, вызвали живой отклик и в Германии, и за рубежом. Биограф Гитлера и известный исследователь проблем нацизма Иоахим Фест недоумевал: «Совершенно непонятно, как кто-то может в течение 60 лет постоянно взывать к якобы большой совести нации, причем именно в вопросах нацизма, в то время как сам глубоко опутан сетями этого нацизма?»¹⁵ Влиятельный публицист Арнульф Баринг заметил: «Грасс всегда подчеркивал, что преодоление прошлого несовершенно в Германии. При этом он должен эту вину, по крайней мере наполовину, принять и на себя»¹⁶. Драматург и публицист Рольф Хоххут обявил Грасса «морально дискредитированным»¹⁷. Писатель Вальтер Кемповский реагировал особенно остро: «Если Грасс не понял, как аморальна банда СС, он, несомненно, идиот»¹⁸. Правда, сильная неприязнь

¹⁴ Günter Grass gewinnt gegen «FAZ». Spiegel Online, 01.04.2008. [Http://www.spiegel.de/kultur/literatur/0,1518,544721,00.html](http://www.spiegel.de/kultur/literatur/0,1518,544721,00.html) (10.11.2008); Grass forderte Wirtschaftsminister Schiller zur NS-Beichte auf. Spiegel Online, 29.09.2006, <http://www.spiegel.de/kultur/gesellschaft/0,1518,druck-439977,00.html> (11.11.2008).

¹⁵ Григорий Крошин. Просроченное признание. Бюнтер Грасс состоял в СС. Культурапортал №35 (7545). 2006. 7–13 сентября. [Http://www.kultura-portal.ru/tree_new/cultpaper/article.jsp?number=667&rubric_id=209&crubric_id=100423&pub_id=776204](http://www.kultura-portal.ru/tree_new/cultpaper/article.jsp?number=667&rubric_id=209&crubric_id=100423&pub_id=776204) (17.11.2008).

¹⁶ „Einglobaler Schock“ FAZ.NET, 13.08.2006. [Http://www.faz.net/s/Rub117C535CDF414415BB243B181B8B60AE/Doc-E81987736265B46A6910B4A7866CD11CC-ATpl-Ecommon-Scontent.html](http://www.faz.net/s/Rub117C535CDF414415BB243B181B8B60AE/Doc-E81987736265B46A6910B4A7866CD11CC-ATpl-Ecommon-Scontent.html) (13.11.2008).

¹⁷ Debatte über Grass wird hitziger. FAZ.NET. 14.08.2006. [Http://www.faz.net/s/Rub1DA1FB848C1E4485BC87A0FE6AD1B68/Doc-EF21683E58D8848768F19D55D5FEAEDD6-ATpl-Ecommon-Scontent.html](http://www.faz.net/s/Rub1DA1FB848C1E4485BC87A0FE6AD1B68/Doc-EF21683E58D8848768F19D55D5FEAEDD6-ATpl-Ecommon-Scontent.html) (13.11.2008).

¹⁸ Hendrik Werner. Kempowskis Leben als Sammler und Dichter. Die Welt Online. 05.10.2007. [Http://www.welt.de/kultur/article1236998/Kempowskis_Leben_als_Sammler_und_Dichter.html](http://www.welt.de/kultur/article1236998/Kempowskis_Leben_als_Sammler_und_Dichter.html) (17.11.2008).

ушедшего из жизни в 2007 году консерватора Кемпновского к левому Грассу была общеизвестна.

Грасса раскритиковали не только некоторые писатели и публицисты – с моральной точки зрения, но и историки – с точки зрения фактов. Так, левый Ханнес Хеер, организовавший выставки о военных преступлениях Вермахта, сказал, что он раньше ни разу не слышал, чтобы человека, который хотел бы добровольно служить на флоте, «передавали» войскам СС. Кроме того, Хеер сказал, что ему ничего не известно и о том, что флот летом 1944 года не принимал уже добровольцев¹⁹.

Откровения Грасса вызвали живой интерес и за рубежом. Бывший президент Польши Лех Валенса и ряд других польских политиков от имени жертв СС потребовали, чтобы Грасс возвратил своему родному Гданьску присужденное ему в свое время звание «Почетного гражданина города».

Некоторые критики Грасса потребовали даже лишить его Нобелевской премии. Но и Нобелевский комитет, и гданьская мэрия немедленно ответили, что никаких «репрессивных мер» по отношению к немецкому «классику» принимать не намерены. В этом вопросе Грасс поддержало немало известных политиков, общественных деятелей и писателей, как, например, писатели Норман Мейлер (США), Мартин Вальзер (Германия), Вальтер Йенс (Германия) и Роберт Менассе (Австрия), председатель немецкого ПЕН-клуба Йохано Страссер, польский журналист Адам Михник и социал-демократический политик Эгон Бар (который сам служил в Вермахте с 1942 по 1944 год). Грасс же публично выражал жалость к самому себе и представлялся жертвой несправедливой критики. Журналист Михаэл Юрс, автор одной из биографий Грасса, безусловно корректно описал настроение писателя: он очень обиделся на своих критиков, потому что предполагал, что его похвалят за искренность в отношении «эсэсовского прошлого»²⁰.

Некоторые даже придерживались мнения, что Грасс специально выступил с признанием о Ваффен-СС накануне выхода «Луковицы памяти», чтобы таким образом подогреть интерес к книге. Шумиха вокруг сделанного признания, конечно же, не могла не привести к увеличению спроса на книгу. И действительно, весь стартовый тираж в количестве 150 тысяч экземпляров был распродан за неделю, а вскоре были распроданы и следующие 100 тысяч. Таким образом, исповедальные признания о службе в Ваффен-СС сделали нобелевского лауреата Грасса сразу значительно богаче.

¹⁹ «Wie hat Grass damals zum Holocaust gestanden?» Spiegel Online. 15.08.2006. [Http://www.spiegel.de/kultur/literatur/0,1518,431646,00.html](http://www.spiegel.de/kultur/literatur/0,1518,431646,00.html) (12.11.2008).

²⁰ Jürgs. С 437.

Грасс против своего биографа

Первое, вышедшее в 2002 году, издание книги Юргса про Грасса, конечно, содержало о военном времени только всем известные «официальные» сведения. Но после событий 2006 года Юргс переиздал книгу, добавив главу, где было дословно сказано, что Грасс «в 17 лет ушёл добровольцем в войска СС»²¹. В ответ рассердившийся Грасс потребовал удалить эту фразу из текста. Юргс, в свою очередь, выразил обиду на Грасса: во время долгой работы над биографией он молчал про СС²². Издательство Юргса защитило своего автора, сославшись на «Луковицу памяти». По версии издательства, «из этой книги вытекает, что Грасс после полученного на флоте отказа, без сомнения, согласился «пойти и в танкисты», точнее, в новое подразделение, которое оснащалось танками типа «Тигр». [...] И Грасс при этом должен был знать, что в 1944 г. в основном именно танковые дивизии войск СС получали танки этого типа»²³. Грасс подал в суд на издательство с требованием прекратить распространение книги Юргса. Получилась своеобразная ситуация: писатель обратился к фемиде, чтобы та «официально» подтвердила ту версию его жизни, которую он считает нужной, и защитила его от «вдруг неправильной» биографии Юргса²⁴.

До процесса дело не дошло, потому что стороны заключили мировое соглашение: Юргс пообещал письменно, что он больше не будет утверждать, что Грасс добровольно ушёл в СС, а издательство обязалось изъять из нового, доработанного издания книги «спорную» фразу. Таким образом, Грасс мог праздновать «победу».

Скандал в России?!

В России за скандалом вокруг Грасса следили все информационные агентства, о нем извещали новостные программы российского радио и телевидения и писала пресса. Писатель Владимир Войнович прокомментировал эти события так: «Грасс меня удивил, потому что изображал из себя такого человека, который всегда может сказать правду-матку, который говорит поперец общему мнению, – и часто, кстати, не слишком умно говорит, – и при этом создал образ

²¹ Jürgs. C.430–431.

²² Там же. С.433.

²³ Günter Grass verlangt Streichung eines Satzes aus Biografie. Der Standard Online. 12.10.2007. <http://derstandard.at/?url=/id=3071696> (16.10.2007); Stefan Schultz: Grass und Jürgs ringen um SS-Formulierung. Spiegel Online. 12.10.2007. [Http://www.spiegel.de/kultur/literatur/0,1518,511100,00.html](http://www.spiegel.de/kultur/literatur/0,1518,511100,00.html) (17.11.2008).

²⁴ Thorsten Dörting: Günter Grass klagt gegen SS-Vorwurf. Spiegel Online. 23.11.2007. [Http://www.spiegel.de/kultur/literatur/0,1518,518926,00.html](http://www.spiegel.de/kultur/literatur/0,1518,518926,00.html) (16.11.2008).

такого честного человека»²⁵. Но Войнович оказался в меньшинстве. В большинстве откликов на поведение Грасса отсутствовали критика или даже возмущение, несмотря на то, что в составе СС он воевал именно на восточном фронте, т.е. против Советской Армии. Некоторые опубликовали даже откровенно оправдывающие комментарии и защищали Грасса от нападок. Это, например, сделал его переводчик Борис Хлебников, усомнившись в том, что можно утверждать, что Грасс злонамеренно утаивал от всех этот факт собственной биографии. Грасс «заговорил о прошлом по собственной воле, никто его не принуждал»²⁶, писал Хлебников. В интервью немецкой прессе он сослался на опрос одной российской радиостанции. Слушателям был задан вопрос: «Вы против или вы за Грасса?». Из 3000 звонков 95 процентов поддержали писателя. На вопрос, не разочарован ли он сам поведением Грасса, переводчик ответил: «Ох, знаете, у нас в России легко найти понимание заблуждению, сознательному или невольному забвению. Наш президент был агентом КГБ, чего вы ожидаете?!

Сам Грасс, видимо, тоже не боялся реакции российской публики на его «эсэсовские откровения». В мае 2007 года он читал в Санкт-Петербурге из «Луковицы памяти» и «Траектории краба» и обсуждал со своими российскими читателями историю и литературу.

Заключение

По поводу восьмидесятилетия Грасса был устроен торжественный прием в его честь в присутствии Президента Германии. Это и многие другие обстоятельства явно свидетельствуют о том, что «эсэсовский скандал» уже почти забыт; Грассу простили «даже это». Не нанес он ущерба Грассу и в России.

Но если не исходить из того, что общественность «всегда права», трудно не согласиться с Романом Бухели, литературным критиком авторитетной швейцарской газеты «Neue Zürcher Zeitung»: «Прежде всего пострадало доверие к человеку, который никогда не держал язык за зубами и не уставал выступать с обвинениями, если ему казалось, что человеческое достоинство в опасности. Похоже, за его нравственным ригоризмом скрывалось, как сказали бы психоаналитики, замещение: т.е. не только само дело разогревало всегда его полемическое рвение, но и энергия замалчиваемых вины и стыда»²⁷.

²⁵ Игорь Шевелев, Павел Басинский. По ком звонит Гюнтер Грасс. Скандал с признаниями нобелевского лауреата. Российская газета. 21.08.2006. [Http://www.rg.ru/2006/08/21/grass-skandal.html](http://www.rg.ru/2006/08/21/grass-skandal.html) (17.11.2008).

²⁶ Борис Хлебников. Феномен Грасса. Иностранная литература №1. 2007. [Http://magazines.russ.ru/inostran/2007/1/hl9-pr.html](http://magazines.russ.ru/inostran/2007/1/hl9-pr.html) (17.11.2008).

²⁷ Roman Bucheli. Das Geständnis als Selbstinszenierung. Günter Grass» spätes Bekenntnis zu seiner Mitgliedschaft in der Waffen-SS. Neue Zürcher Zeitung. 14.08.2006. [Http://www.nzz.ch/2006/08/14/fe/articleEDQHN.html](http://www.nzz.ch/2006/08/14/fe/articleEDQHN.html) (15.08.2006).

Борис Беленкин

Смерть в окружении: Ополчение как способ «исправления» биографии

Борис Исаевич БЕЛЕНКИН

НИПЦ «Мемориал», Москва

«Не то более всего угнетало в окружении, что я мог каждую минуту расстаться с жизнью, а то, что никто и никогда не узнает, где и при каких обстоятельствах это произошло. Вот уж не предполагал, что человека может так ужасать перспектива бесследного исчезновения. Умереть – что ж, на то и война... Но сгинуть, начисто выпасть из бытия, бесшумно раствориться в его неведомом водовороте – не дай Бог! Ведь это вроде аннигиляции, превращения в ничто...»

Борис Рунин «Мое окружение: Записки случайно уцелевшего»

Тема моего сообщения родилась случайно. Несколько лет тому назад в Интернете благодаря автору «Русского журнала» Леониду Рузову (он же Александр Черкасов, мой коллега по «Мемориалу») появилась небольшая статья «Берлин–Москва. Ex profundis»¹. Написанная на основании интервью

belenkin@memo.ru

¹ [Http://old.russ.ru/columns/dartoftime/2004030-9-bod.html](http://old.russ.ru/columns/dartoftime/2004030-9-bod.html)

со мной, она вкратце, но вполне адекватно передает суть «семейной истории». В том числе, историю моего деда-ополченца: как и почему ушел он добровольцем на фронт (речь идет о повлиявших на этот шаг определенных биографических факторах), как погиб, как стало об этом известно. Источником моей информации, которой я делился с журналистом, были неопубликованные «Воспоминания» моей мамы – Лоры Борисовны Беленкиной (урожденной Фаерман, 1923–1999)².

Начиная с осени прошлого года, я предпринимаю попытки выяснить некоторые подробности пребывания деда в ополчении. Сделать какие-то заключения о том, – в какой именно дно (дивизии народного ополчения) служил дед, по тем данным, которые имеются в «Воспоминаниях» мамы, – невозможно. Я не смог сделать даже самого простого – обратиться в архив учреждения, в котором дед работал до ухода в ополчение – в «Станкоимпорт», – не так давно он был продан с торгов... Дальнейший поиск в этом направлении возможен, но усложняется...

В московском издании: «Книга памяти погибших и пропавших без вести в Великой Отечественной войне...» дед есть:

Фаерман Борис Львович, род. 1888 в г. Хасавюрт, Дагестан. Призван Московским РВК. Красноармеец. Пропал без вести в январе 1942³.

В интернетовских базах данных павших в ВОВ до недавнего времени сведения о деде вообще отсутствовали. (Уже после того, как было сделано настоящее сообщение, «Обобщенный электронный банк данных «Мемориал» – проект Министерства обороны России⁴ – пополнился сотнями тысяч новых записей и публикаций документов. Есть материал, связанный и с Борисом Фаерманом, и с Иваном Шустовым⁵. Оказалось, дед попал в 7-ю дно, чего никак невозможно было вычислить «логическим путем». Теперь, благодаря сведениям из базы данных, я знаю, что место призыва – Бауманский РВК, последнее место службы – п/п 328 в/ч 1298, транспортная рота.)

Информация, в какой именно части служил дед, нужна скорее для строки в краткой биографической справке; к финалу его пребывания в Вязьминском котле и смерти номер армии и дивизии, в которых он значился до окружения, никакого отношения не имеют...

Тем не менее, в процессе поисков сведений о том, в какой части мог служить дед, обнаружилось много любопытного. Для меня, неискушенного в истории

² Беленкина Л. Б. Воспоминания. 1923–1985. – Рукопись. Архив автора.

³ Книга Памяти погибших и пропавших без вести в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов. Т.13. – М., 1994. С 207.

⁴ <http://www.obd-memorial.ru>

⁵ О Шустове см. ниже.

ВОв, было открытием, что первая монография, посвященная непосредственно катастрофе под Вязьмой, вышла только в прошлом году⁶... Собственно о московском ополчении опубликовано очень и очень мало (та же картина в Интернете). Что касается мемуаров ополченцев, выживших в котле под Вязьмой, число их публикаций также крайне незначительно. Но именно знакомство с мемуарами «спровоцировало» появление на свет настоящего сообщения.

Речь идет о книге Бориса Рунина «Окружение: Записки случайно уцелевшего»⁷ и мемуаров, но уже не ополченца, а дочери ополченца – Ирины Глинки «Далее – молчание»⁸. То, чтоказалось в «Воспоминаниях» моей мамы нетипичным, сугубо частным случаем, и то, что, казалось, останется навсегда не проясненным, не откомментированным, приобрело, во всяком случае для меня, несколько иное звучание, иное значение. Среди мотиваций записи в ополчение «исправление» биографии играло не последнюю роль, стремление к «перемене участия» вовсе не было исключительным.

Итак, я осмелился предложить чтение фрагментов из неопубликованных «Воспоминаний» мамы. Фрагменты будут комментироваться или дополняться моими собственными замечаниями, касающимися исторических или внутрисемейных реалий, цитатами из книг Рунина и Глинки.

Из воспоминаний мамы:

А фашисты все наступали. Это вызывало все большую тревогу и растерянность у людей. 3 июля выступил по радио Сталин и объявил о создании отрядов Народного ополчения. Папа сразу принял решение записаться. Посоветовался с дядей Элей, тот горячо поддержал это решение, и с 6-го июля наш Бильчик стал ополченцем⁹.

История создания московского ополчения в общих чертах в исторической литературе описана. Здесь интереснее – о чем советовались братья: «дядя Эля», Илья Львович – младший (на 2 года) брат Бориса Фаермана – известный московский хирург, профессор, крупнейший специалист по заболеваниям селезенки (в августе 41-го он уедет в Омск, где станет главврачом эвакогоспиталя¹⁰),

⁶ Лопуховский Л. Вяземская катастрофа 41-го года. – М., 2007.

⁷ Рунин Б.М. Мое окружение: Записки случайно уцелевшего. – М., 1995.

⁸ Глинка И.Г. Дальше – молчание: Автобиографическая проза о жизни долгой и счастливой, 1933–2003. – М., 2006.

⁹ Беленкина Л.Б. Указ. соч. С 175.

¹⁰ В 1951 г. заведующий кафедрой общей хирургии III Московского Медицинского института И.Л.Фаерман оказался в числе врачей, попавших в составленный подполковником следственной части по особо важным делам Рюминым списке «еврейских националистов», «единомышленников» арестованного к тому времени профессора Я.Г.Вовси (см.: Костыренко Г.В. Тайная политика Сталина:

«Билльчик» (исключительно так называли Бориса Фаермана родные, в своих «Воспоминаниях» мама только так называет своего отца). Что касается предположения, о чем беседовали – то об этом чуть ниже.

Из воспоминаний мамы:

Я поехала к Шустовым, узнать, что слышно у них и сообщить про папу... дома я застала дядю Ваню в довольно бодром и веселом настроении собирающего какие-то вещи в мешок:

«Всё! Скажи отцу – я ушел в ополчение!». Он очень удивился, что папа тоже уже ополченец. «Он-то что, с больным сердцем...» [Обрываю фразу Шустова. Ее продолжение см. ниже – Б.Б.]

<...> Мы долго просидели с ним, впервые поговорили по-взрослому, серьезно, и тепло разошлись. «Может, сведет опять судьба, встретимся с Борисом...»¹¹

Иван Шустов – донской казак, друг и сослуживец Бориса Фаермана. Познакомились они в 1914 году в Германии, куда занесло их еще до первой мировой войны, в концлагере Гольцминден, где находились интернированные гражданские лица – подданные государств, воюющих с Германией. После освобождения вместе были в одной компании, ухаживали и женились на подругах, вместе приняли советское гражданство, вместе работали в Торгпредстве в Берлине, почти одновременно приехали в СССР.

Из воспоминаний Ирины Глинки:

Отец, через два дня после нашего отъезда из Москвы, ушел добровольцем в народное ополчение. Ему было 38 лет и его не скоро бы «призвали», а в ополчение записывали сразу. Было это в традициях семьи...¹²

Глинка попал в знаменитую (единственную в мировой истории войн) «писательскую роту» ополчения Краснопресненского района (8-я дно). Рота – целиком из одних писателей!

Из «Записок» Б.Рунина:

Одно время командиром моего отделения был прозаик и поэт Глеб Глинка <...> Глинка был старше меня лет на восемь-десять. К тому же он был охотник, то есть человек, приученный к полевым условиям, и его покровительство на первых порах очень облегчало мою ополченскую участь.

¹¹ власть и антисемитизм. – М., 2001. С. 632.).

¹² Беленкина Л.Б. Указ. соч. С.175.

¹² Глинка И.Г. Указ. соч. С.39.

Он умел выбрать и в поле, и в лесу хорошее место для ночлега, он приучил меня к строгому питьевому режиму на марше, он помогал мне преодолевать дневной зной и ночные стужу <...> Уже в первые дни я по-настоящему привязался к Глинке и очень сожалел, когда перевод в роту ПВО разлучил меня с ним¹³.

Здесь могли бы иметь место рассуждения на тему «человек идет на войну», «человек идет воевать». Казалось бы, мотивы, по которым он идет воевать, – весьма и весьма различны. Но именно в отношении «мотивов» начинаются «исследовательские лакуны», фиксируется только: «мобилизован» или «ушел добровольцем на фронт». Единственная обязательно упоминаемая мотивация – патриотизм. Да, казалось бы, запись в народное ополчение свидетельствует прежде всего о патриотическом порыве. О чем же еще свидетельствует добровольность? О добровольности – чуть ниже. Пока ставлю под сомнение то, что – «свидетельствует прежде всего».

Вернемся к разговору двух братьев. Конечно, пятидесятидвухлетний Борис Львович вряд ли обсуждал с братом градус своего патриотического порыва. Порыв, конечно, был. И, вне всякого сомнения, «градус» этого порыва был чрезвычайно высок. Как, наверное, у подавляющего большинства ополченцев. И, наверное, без всяких «но». Только вот жизнь, жизненные обстоятельства добавляли к патриотической мотивации нечто еще. Подчас совершенно неожиданное. И всегда совершенно индивидуальное...

Еще до интересующего нас разговора братьев мама запомнила такой эпизод:

В тот день [22 июня 1941 года – Б.Б.] мои родители еще волновались из-за того, что мама – немка, и папа умолял ее не говорить больше на улице по-немецки. «Почему? – возмутилась мама, – ведь я же против фашистов!»¹⁴

Умный, многоопытный профессор Илья Львович и «по жизни» достаточно осторожный Борис Львович (оба – никогда в партии не были, «политики» чурались!), конечно, обсуждали, в первую очередь, фактор моей бабушки, т.е. жены Бориса Львовича. Марта Хенни Мария Лизбет, урожденная Бютов, не только плохо говорила по-русски, но до самого начала войны вела интенсивную переписку с сестрой, живущей в Германии. То, что может ожидать ее в ближайшее время, как обезопасить ее от неминуемой репрессии, – я уверен – и было в центре обсуждения братьев...

¹³ Рунин Б.М. Указ. соч. С.88, 89.

¹⁴ Беленкина Л.Б. Указ. соч. С.175.

Обсуждали и пришли к соответствующему решению, как мы сейчас увидим, не зря.

Из воспоминаний мамы:

В конце августа и начале сентября из Москвы стали выселять немцев. Выслали семью Мили Шульц, учившейся в соседнем классе – какой-то далекий предок ее отца был из немцев Поволжья; ни она, ни ее родители даже не знали ни слова по-немецки. Выслали в Казахстан после месяца учебы на нашем курсе Луизу Мюллер – тоже такую же «немку»; выслали, дав всего срока на сборы 24 часа, всех маминых знакомых старушек, гулявших когда-то с детскими группами на Сретенском бульваре. Им всем было уже лет под 70, все были вдовы, и они были в полной растерянности, – не знали, куда ехать, денег у них тоже не было <...> Все просили маму взять на хранение некоторые дорогие для них вещи, но мама отказалась – ведь мы сами не знали, что нас ждет. Но нас не тронули...¹⁵

Итак, одна из мотиваций ухода в ополчение Бориса Фаермана нам теперь понята. А что его друг – донской казак? – Вернемся к прерванной фразе Шустова из воспоминаний мамы:

Он [Шустов – Б.Б.] очень удивился, что папа тоже уже ополченец. «Он-то что, с больным сердцем. Я так иду не только Москву защищать, или Дон свой, но и ради Ирки – легче ей так будет жить. Мать в ссылке, так хоть отец будет – герой!¹⁶».

Ирка – мамина ровесница и подруга – в июне, еще до начала войны, уехала к репрессированной маме (арестована в 1937) в ссылку в Оренбург... Итак, мотивация (истинная? основная?) Шустова также не вызывает сомнения.

А как обстоят дела с мотивацией у Б.Рунина и Г.Глинки?

Из «Записок» Б.Рунина:

Помню, когда... остановились возле писательского клуба, к моему соседу по шеренге [речь идет о Глинке – Б.Б.] метнулась с тротуара молодая женщина. Они успели сказать друг другу лишь несколько слов и обняться на прощание, ибо колонна сразу двинулась дальше.

– Ваша жена как-то, значит, просыпалась, что нас отправляют, – удивился я. – А мне свою уведомить не удалось...

¹⁵ Беленкина Л.Б. Указ. соч. С.182.

¹⁶ Там же. С.175.

— В том-то и дело, что это была не жена, — не сразу отозвался мой сосед. Я невольно смущился: не желая того, вызвал человека на откровенность. Но он был не на шутку взволнован и испытывал потребность выговориться, чтобы хоть как-то облегчить душу. — В том-то и дело, что есть еще жена с дочкой... — Он помолчал немного и добавил: — Это, конечно, ужасно, но меня война избавила от неотложного решения неразрешимой задачи...¹⁷

Мотивация самого Рунина — тем более очевидна. Он — родной брат той самой «Реснички», жены сына Льва Троцкого — Сергея Седова¹⁸. К началу войны Седов уже несколько лет как расстрелян, сестра на Колыме. Жизнь Рунина с момента рокового замужества сестры превратилась в сплошной кошмар — кошмар ожидания расплаты (в лучшем случае ареста с последующей отправкой вслед за сестрой) за родственную связь — самую неуместную в тогдашнем Советском Союзе. Запись в ополчение для Рунина — очевидная и удачная возможность исправления собственной биографии...

Повторю, патриотический порыв был пусть и первой, но не единственной строкой в перечне мотиваций добровольца. Полагаю, побудительные мотивы записи в народное ополчение были не столь однозначными не только у наших героев. Усложненность мотивации записи в ополчение присутствовала далеко не в единичных, исключительных случаях.

Но и с добровольностью, оказывается, тоже не все так однозначно.

Из «Записок» Б.Рунина:

Из доверительных рассказов моих новых товарищей, из их откровений на привалах мне постепенно стала открываться истинная картина записи литераторов в ополчение. Оказывается, эта процедура далеко не всегда была добровольной и далеко не все писатели сделали этот шаг по собственной инициативе. Таких людей <...> «неблагополучных» в национальном и социальном плане лиц, с сомнительной (с точки зрения парткома) биографией или нехорошими родственными связями, после третьего июля вызывали в Союз [писателей — Б.Б.] <...> либо повестками, либо по телефону с просьбой явиться, имея на руках членский билет <...> Они [руководители оборонной комиссии Союза писателей — Б.Б.] предлагали явившемуся присесть, брали у него членский билет, после чего советовали уважаемому товарищу записаться по призыву Сталина в ополчение, недвусмысленно давая понять, что в противном случае данный билет останется у них в столе.¹⁹

¹⁷ Рунин Б.М. Указ. соч. С.88–89.

¹⁸ «Милая моя Ресничка!..» Сергей Седов. Письма из ссылки. — СПб., 2006.

¹⁹ Рунин Б.М. Указ. соч. С.91.

История московского ополчения не является предметом моего исследования. Остановимся лишь на некоторых проблемах, связанных с ситуацией, когда осенью 41-го на сравнительно небольшой территории оказались в окружении западнее Вязьмы почти миллион советских солдат и офицеров.

Из воспоминаний мамы:

Начались мрачные дни неопределенности. Где Бильчик? В течение сентября изредка приходили от него открытки; номера полевых почт несколько раз менялись, видно, их перебрасывали с места на место. Подробностей о себе он не писал, – это были почти одни вопросы: о мамином здоровье, о моей учебе в институте, и просьбы – прислать папиросы, теплые носки... Мы отправили ему несколько посылок; последнюю он почему-то не получил. Он сообщил, что служит теперь в транспортной роте и имеет дело с лошадьми, что лошадей он полюбил, но работа трудная. После этого мы ничего от него не получали <...> Я аккуратно заводила папины любимые наручные часы, с которыми он не расставался уже много лет, считала, что пока они идут, и с ним ничего не случится...²⁰

Из воспоминаний Ирины Глинки:

Он [Г. Глинка – Б.Б.] сумел в последнем дошедшем до нас письме... предупредить о надвигающейся беде, процитировав начало фразы из любимой всеми дома «Конармии» Бабеля: «Есть такая надия, товарищ комиссар, шо не отъемся...» Папа написал: «есть такая надия, Мурочка...» И мама поняла, что писем больше не будет...²¹

К 7 октября 41-го года в окружение попало более шестидесяти дивизий, среди них одиннадцать дивизий народного ополчения – все, кроме одной. Численность «ополченских» дивизий на момент окружения составила приблизительно 122 тысячи человек. Из них из окружения к концу октября вышло всего несколько тысяч человек²².

Судьба московского ополчения – трагическая еще и в своей нелепости. Люди, пошедшие добровольно (или почти добровольно) защищать страну, точнее свой город, а еще точнее свой дом/семью, оказались в условиях, когда им пришлось защищать... исключительно себя самих. Ополченцы оказались в ситуации, не когда «впереди – враг, позади – Москва», а когда и враг – впереди и Москва – впереди. Необходимость «разворота» на 180 градусов не могла не

²⁰ Беленкина Л. Б. Указ. соч. С. 184–185.

²¹ Глинка И. Г. Указ. соч. С. 40.

²² См.: Лопуховский Л. Указ. соч.

отразиться на моральном, психологическом состоянии совершенно неопытных бойцов.

Б.Рунин вспоминает об одном из самых страшных, переворачивающих душу эпизодов за четыре года войны. На вторые сутки окружения он увидел поле, усеянное трупами и ранеными, в большинстве своем совершенно беспомощными, агонизирующими. Это было даже не поле боя, а поле истребления: отступающая часть наткнулась здесь на танковую засаду гитлеровцев, которые, дабы не обременять себя пленными, забавлялись, гоняясь за бросившимися врасыпную бойцами, расстреливая их из пулеметов и давя гусеницами.

Я и сейчас содрогаюсь, – пишет Рунин, – вспоминая нас троих, неопытных в военном деле интеллигентов, оглушенных военной катастрофой, голодных, потерянных, изнемогающих, двух евреев и армянина, безнадежно бредущих куда-то на восток и вот волею судьбы попавших на это поле смерти. Видеть все это, ходить среди страдальцев, испытывающих адские муки, и не иметь возможности не только спасти, но хоть как-то облегчить их участь, – что может быть ужаснее! Тогда я впервые осознал, что обреченность на бездействие в подобных обстоятельствах разрушительна для сознания²³.

В окружении – т.е. в замкнутом пространстве. Что означала эта «замкнутость»? Невозможность обороняться (заканчивались боеприпасы), голод (невозможность раздобыть пищу, к тому же в условиях рано наступившей зимы, т.е. рано выпавшего снега), вынуждение к постоянной смене места дислокации (к чему побуждали непрерывные в течение всех дней существования еще хоть в какой-то степени боеспособных частей танковые атаки, бомбекки и артобстрел противника), и потому невозможность хоть как-то согреться, обсушиться в условиях непрекращающихся дождя, мороси, снега... Боевые порядки нарушены, воинские части перемешались. Москвичи-ополченцы (в возрасте от 17 до 55 лет) оказались рядом с солдатами-призывниками, последние же по своему социальному происхождению в основном крестьяне. Полуграмотные парни, с одной стороны, более приспособленные к выживанию в походных условиях, с другой – вовсе не горящие столичным патриотизмом. С неба – листовки про «жидов и комиссаров». А жиды – интеллигенты и коммунисты – их рядом в избытке... – ополченцы! В замкнутом пространстве вязьминского котла много чего обнаруживалось. Среди прочего, насколько эфемерным может быть понятие «свои–чужие» (имеются в виду массовые случаи выдачи оккупантам своих товарищ по плечу – евреев и коммунистов). Оказалось, что свои могут оказаться

²³ Рунин Б.М. Указ. соч. С. 152–153.

столь же опасны, как и враг!.. Для большинства эти «обнаружения», эти открытия стали предсмертными.

Всё же кому-то, как Борису Рунину, повезло. Через месяц блужданий он вышел из окружения. Поэтому попрощаемся со «случайно уцелевшим».

А что другие?

Из воспоминаний мамы:

Официального сообщения о гибели папы мы так никогда и не получили, так же, как, впрочем, и большинство семей ополченцев, попавших в окружение. Из Министерства обороны на наши запросы приходил ответ: «пропал без вести», и только лет через десять после войны ответили: «Пропавшего без вести <...> считать погибшим»²⁴.

Из воспоминаний Ирины Глинки:

Много лет отец числился пропавшим без вести <...> Еще много лет я тосковала по нему. Особенно в первые послевоенные годы, когда стали возвращаться после «проверок» (таким эвфемизмом заменяли слово «лагерь») отцовские товарищи по писательской роте в Ополчении. Мы с мамой пытались узнать хоть что-нибудь о его судьбе у тех, кто вернулся. Но все безуспешно...²⁵

Теперь ключевой эпизод в маминых воспоминаниях. Приведу этот достаточно объемный фрагмент целиком. По ходу чтения – только самые необходимые комментарии:

«Вечером [31 января 1942 – Б.Б.], часов в 8, раздался стук в дверь...
 «Алиев Юсуп Ахметович – в этой квартире?»
 «Вы ошиблись, здесь таких нету».
 «Его-то нет, а родные его есть кто? Откройте, я хочу Вам что-то сказать». Мы боялись открыть: бог знает кто это, а мы в квартире одни.
 «Вы ошибаетесь, здесь не живет Алиев – какая вам нужна квартира?»
 «Дом два, квартира пятнадцать. Ну есть у вас кто на фронте?»
 «Есть, но его не так зовут».
 «Да что вы открыть-то боитесь! У него жена должна здесь жить, дочка восемнадцати лет...»

Мы наконец отперли дверь. Вошел молодой парень лет двадцати пяти в телогрейке. «Умер он, Юсуп Ахметович, – погиб. Вот его вещи – хоть их-то вы признаёте?». И он достал папины очки в футляре.

²⁴ Беленкина Л. Б. Указ. соч. С. 188.

²⁵ Глинка И.Г. Указ. соч. С. 124

«Там еще были – бритва его, хорошая иностранная какая-то, ножик перочинный, так то ребята другие себе взяли, – не взыщите, время такое...»

Мама стояла белая как полотно, а у меня тряслись руки и стучали зубы, и я долго не могла вымолвить ни слова. Потом сказала, заикаясь:

«Но он, мой отец, – его зовут не Юсуп Ахметович. Он Борис Львович Фаерман, он...».

Мы не догадывались даже предложить этому человеку сесть. Он сам подошел к столу в передней, сел и стал нам рассказывать. Между Вязьмой и Смоленском очень большая группа наших войск попала в окружение, парень этот был легко ранен и попал в наспех созданный маленький госпиталь, разместившийся в школе одной маленькой деревеньки; раненых было много, а врач всего одна, да одна медсестра. Там рядом с ним лежал ополченец Юсуп; ему раздробило плечо, врач сделала ему операцию, вынула осколки, вроде бы уже ему становилось лучше, да вдруг, 29 октября под утро, ему стало плохо с сердцем, – ничего не могли сделать, и он умер. «Хороший был человек, все вспоминал дочку свою и жену. Там и выкопали могилу, похоронили его около той школы. Он говорил, чтобы называли его Юсуп – с Кавказа он, кажется. А что он Ахметович, и фамилия Алиев, и адрес его, – то мы прочитали в его патронке.

Прервем цитату.

Итак, мой дед назывался кавказцем... Интересно, в какой момент он это сделал. Ведь не просто назывался, он заранее в патронку вложил соответствующую записочку, скорее всего, еще до ранения в плечо: забинтованному (одна рука бездействует) на людях – рискованная затея. А значит, ранен он был не сразу, не в первых боях с наступавшим и окружавшим наши части противником. То есть, ранен он был не в своей части, не среди тех, с кем служил, а уже в условиях окружения, когда все перемешалось, когда он оказался среди бойцов других частей. Почему написал? Знал, что ждет евреев в плену? Но он не просто знал, он был уверен, что его еврейство не станет секретом для немцев – не из-за внешности – из-за фамилии: выдадут свои! (Об этом и у Рунина достаточно подробно и страшно!). Уверенность, что выдадут – из-за общего настроения окружавших – нечто висело в воздухе, высказывалось неоднократно и многими вслух. Наверное, спрашивали деда, нехорошо спрашивали... вот он и решился стать Юсупом... А ранило – потом?

Верил ли в его «кавказскость» сосед по госпиталю? Если и верил, не особо удивился, узнав настоящее имя «Юсупа». Видимо, тоже наслышался в окружении про жидов и потому не особо удивился такой маскировке.

Продолжим чтение фрагмента воспоминаний:

Я на всякий случай себе все это переписал, потому что собрался прорваться и выбраться к своим. Больше двух месяцев пробирался к Москве;

дошел и сразу в военкомат. Послезавтра отбываю опять на фронт. Думаю – зайди надо сюда и рассказать, чтобы напрасно не ждали.

Опять прервем цитату.

В литературе по истории ВОВ мне еще не попадался случай выхода из вязьминского котла позже декабря месяца. Получается: человек попал в начале октября в окружение, а через три месяца в конце января объявляется в Москве – то есть через линию фронта, по советским тылам, по столице так запросто себе шагает окруженик, без формы, без документов...

Он <...> продиктовал нам название той деревни на большаке Вязьма– Смоленск, где похоронили папу. У меня так тряслись руки, что выходили какие-то каракули, – написала «Вязьма»...

Нам бы чаю предложить тому парню, – и это не догадались сделать. Хотелось, чтобы он поскорее ушел, а, когда мы остались одни, то долго стояли, обнявшись у печки. Бедный, бедный наш Бильчик. Юсуп! Мы вспомнили, что когда-то папа говорил, что Юсупом его хотела назвать его мама (то есть, не Юсупом, конечно, а Иосифом), и, может быть, он думал, если вдруг попадет в руки фашистам, сойти за татарина, чтобы его не уничтожили сразу как еврея. Ведь его всегда принимали за кавказца.

<...> На следующий день надо было послать всем родным телеграммы. Помню, я никак не могла придумать текст. «Папа погиб Марга Лора». Но он же маме не папа, – могло быть недоразумение. «Борис погиб» – тоже как-то странно: ни мы, ни из родных его никто так не называл, – все знали, что он Бильчик. Наконец, я остановилась на «Боря погиб Марга Лора»²⁶.

Назвавшись Алиевым, Фаерман не смог спастись сам – но спас хотя бы память о себе. Правда, то, что узнали близкие, не имело никаких формальных последствий – чтобы засвидетельствовать гибель красноармейца, необходимы были свидетельства двух человек, иначе он считался «пропавшим без вести».

Немецкая семья продолжала жить в центре Москвы, хотя были и доносы, и вызовы в госбезопасность. Пойдя добровольцем в ополчение, Борис Фаерман заплатил за их свободу. Даже числился не погившим, а пропавшим без вести. Государство поступило с ним честно²⁷.

Кстати, судьба Ивана Шустова, который, по словам его соседей по квартире, удачно устроился штабным писарем, ничем от судьбы большинства ополченцев не отличалась. Шустов погиб, точнее «пропал без вести». Его жена, точнее вдо-

²⁶ Беленкина Л.Б. Указ. соч. С.187–188.

²⁷ Этот и предыдущий абзацы взяты почти без изменений из статьи Л.Рузова «Берлин - Москва. Ex profundis» (см. Примечание 1).

ва, после войны жила на 101-м километре от столицы, дочь, как и надеялся ее отец, институт закончила...

Последняя цитата из воспоминаний мамы:

*Многие другие «пропавшие без вести» были в плену и позже нашлись, и мама сокрушалась: зачем приходил тот человек с печальной вестью – мы бы еще долго ждали, надеялись... Не знаю, что было бы лучше!*²⁸

Последняя цитата из воспоминаний Ирины Глинки:

Я узнала [весной 1956 года – Б.Б.], что отец, числившийся «пропавшим без вести», – жив, находится в Америке и работает в русском издательстве имени Чехова... Я тихо забрала из МОСХа заявление о приеме и постаралась «лечь на дно и не высказываться» <...> Письмами с ним мы обменялись позже. Сначала я сумела переслать ему образок Николая-угодника, именно ему прежде принадлежавший, который он 2 июля 41-го, в канун нашей с мамой эвакуации, отдал мне в обмен на мой самшитовый крестильный крестик <...> Через некоторое время от отца пришло первое – и единственное – письмо. Оно поразило меня... Там ни единого вопроса нет про то, как мы прожили все эти годы, как выжили!!! <...> На то письмо его ответила я жестко, может быть, слишком жестко, – даже жестоко...²⁹

На моем ответном письме контакты наши прервались... .

Итак, четыре ополченца. Четыре судьбы. С уходом в ополчение у каждого из них были связаны определенные надежды:

Б.Фаерман и И.Шустов должны были исправить биографии своих домочадцев, Б.Рунин – исправить собственную, Г.Глинка – разрешить личную (любовную) коллизию (что, собственно, также есть ни что иное, как исправление собственной биографии).

Всеми ими поставленные задачи (цели) были выполнены. Двоим это стоило жизни, один расплатился плenом и эмиграцией, четвертый, ежеминутно рискуя жизнью, месяц выходил из окружения. Что же. На фоне общей статистики потерь в катастрофе под Вязьмой – не такая уж плохая картина.

²⁸ Беленкина Л. Б. Указ соч. С. 188.

²⁹ Глинка И.Г. Указ. соч. С. 147, 148, 346, 347.

Петр Митцнер

Русские писатели в довоенной Польше: Проблема польских источников

Петр МИТЦНЕР

профессор истории литературы
и театра Университета
Кардинала Стефана Вышинского,
доктор театроведения,
заместитель главного редактора
журнала «Новая Польша»

Поначалу я собирался представить свой доклад несколькими эпиграфами, от чего, однако, отказался. Это было бы слишком похоже на погоню за эффективностью. Ведь должны были прозвучать цитаты из произведений выдающихся польских поэтов: Константы Ильдефонса Галчинского и Збигнева Херберта, которые использовали стереотип русского эмигранта и отчасти способствовали его укоренению. Достаточно просто знать, что такой стереотип существовал.

Однако от этой цитаты я отказался не могу. Вот она: «В комплектах по желательных газет разбросаны десятки рассказов умершего писателя. Кто собирает их? Надолго ли память переживет того, кто горячо и упрямо возвращался к своей теме, кто находил для нее все более точное, все более неоспоримое выражение? Не будем требовательны. Жизнь приучила нас к скромности. Излечила от собственнической психологии, от мечты о «бессмертии» – относительной, конечно – нашего имени,

pmitzner55@gmail.com

нашего труда»¹. Так писала Евгения Вебер-Хирьякова в 1938 году, после смерти Антона Домбровского.

Тут следует добавить, что два русских писателя, работавших в предвоенной Польше, чьи судьбы особенно меня интересовали, а именно: упомянутый Домбровский и Лев Гомолицкий, – были по происхождению поляками, а принадлежность к русской литературе стала их выбором.

Надо признать, что русская литературная эмиграция в Польше была и остается предметом исследований не только русских, но и польских литературоведов. Основной источник тут, конечно, – сохранившиеся публикации (книги, периодика) и крупицы переписки.

Несомненно, одним из важнейших источников может быть варшавский дневник Философова, принадлежащий Джону Стюарту Дюрранту, однако он еще не опубликован. Что касается самого Философова, надо признать, что он присутствует в польских публикациях – как в первичных источниках, так и в работах, посвященных межвоенному двадцатилетию. О нем писали в дневниках Мария Домбровская и Зофья Налковская, вспоминали Юзеф Чапский и Ярослав Ивашкевич. Особая легенда связана с польско-русским дискуссионным клубом «Домик в Коломне», который был основан Философовым в Варшаве и действовал в 1934–1936 годах. Этот клуб привлекал внимание польской интеллигентской элиты и через некоторых посетителей был связан с духовно близкой средой – к примеру, с кругом католического журнала «Вербум» или литературного ежемесячника «Камена». Через несколько месяцев после открытия «Домика» Философов сказал Чапскому: «Ну, хоть это нам удалось».

Есть основания считать, что Зинаида Гиппиус ошиблась, когда эффектно заявила, что жизнь ее друга распалась на две части: первая прошла под знаком красоты, вторая (в Польше) – под знаком политики. Надо уточнить, что Философов уже в конце двадцатых годов от политики отошел. Тогда начался третий период его жизни – под знаком культуры и поиска польско-русской общности на этой территории. Именно слово «культура» выводит нас еще на одного человека, в чьей биографии Философов сыграл немалую роль – на Ежи Гедройца. Гедройц был частым гостем Дмитрия Владимировича и, видимо, многому у него научился. А может, они просто были схожи своей психической конструкцией: начиная от сочетания сухости с впечатлительностью и до умения отыскивать ценных сотрудников – иногда среди людей особых, маргиналов, потерпевших фиаско. Сходство находим и в политических взглядах: в уважении к независимому государству, императиве свободной Украины. Гедройц до конца жизни сохранил сыновнее почтение к русскому мастеру своей юности.

¹ Е.С. Вебер. Писатель (Памяти А.С. Домбровского) // Меч. 1938, №34.

Таким образом, биография и творчество Философова известны в Польше, по крайней мере в общих чертах, хотя несправедливо обойдено вниманием сформировавшее его дореволюционное время. Жизнь Философова в «польский» период можно реконструировать на основе польских свидетельств. Хуже обстоит дело с остальными фигурами русской литературной среды, особенно в тех случаях, когда они не поддерживали столь интенсивных контактов с поляками, как Дмитрий Владимирович.

Говоря об «остальных», я имею в виду конкретных людей и фамилии. Фамилии из списка членов Союза русских писателей и журналистов в Польше (далее – СРПиЖП). Сейчас этот список находится в РГАЛИ. Как он туда попал? Очевидно, был послан из Варшавы в Прагу (Альфреду Бему или Валентину Булгакову), а оттуда после войны увезен в Москву. В списке 33 фамилии, и что очень важно – с адресами. О некоторых персонах (прежде всего об их творчестве) известно больше, о некоторых почти ничего или совсем ничего, особенно если они мало публиковались. Поскольку иные из них жили на окраинах Варшавы, которые не были разрушены во времена войны, я попытался пройтись по этим адресам. Увы, результат ничтожен. Уже почти нет людей, которые бы их помнили. Есть еще те, кто помнит тех, кто помнил...

Трагически символична история Владимира Михайлова. Пожилая женщина, явно последний человек, который помнит его, рассказала мне, что встречала его в мясной лавочке в Анине под Варшавой. Она была тогда маленькой девочкой и обратила внимание, что он носил перчатки, уже вытершиеся, хотя когда-то элегантные, и всегда просил «обрезков на двадцать грошней, не очень вонючих», объясняя, что это для собаки. Все отлично знали, что никакой собаки у него нет. Вот и все, что мы о нем знаем. Что с ним стало, куда девались рукописи?

Однако иногда полевые изыскания дают результат.

Читая годовые комплекты варшавского «Меча», я наткнулся на некрологи (в том числе на тот, что цитировал в начале) Антона Домбровского. Каково же было мое удивление, когда я открыл, что умерший в 1938 году писатель и редактор похоронен на кладбище моего родного городка Бринов под Варшавой, а жил неподалеку, в Милянувеке. Я немедленно поехал на кладбище, где обнаружил ухоженную могилу Домбровского и его жены. Местный ксёндз дал мне адрес, по которому много лет назад жила госпожа Домбровская. У меня было название улицы и номер дома. Номера квартиры я не знал, а дом, как назло, оказался единственным на весь городок многоквартирным домом. На лавочке сидела старушка. – Домбровские? Второй подъезд, третья дверь.

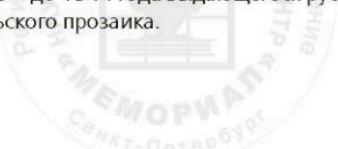
Так я попал к дочерям Антона Домбровского, которые все послевоенные годы скрывали историю своего отца. Огромный сундук, в котором хранились рукописи и архив редактора «Меча», вдова уничтожила. Под ящиком в буфете она хранила только тетрадь с вырезками (его новелл, опубликованных

в эмигрантской печати) и фотографию. Этот снимок, видимо, был сделан в тридцатые годы в редакции; на нем запечатлена редколлегия и сотрудники русского еженедельника. Фотография не подписана, но первым, кого я на ней узнал, был Философов. В течение двух лет понемногу выяснились личности других. У каждого эпизода своя история.

В тридцатые годы в варшавской русской среде было двое авторитетных людей. Одним был Философов, а другим – Александр Модестович Хирьяков, журналист, поэт, а главное – человек из круга Толстого. Известно, что, бежав из России, он вывез с собой рукописи Льва Николаевича, которые позднее опубликовал. Что с ними стало? Всё указывает на то, что незадолго до смерти, в самом начале войны, он передал их советскому посольству в Варшаве. Отношения между Хиряковым и Философовым были, мягко говоря, напряженными. Дмитрий Владимирович редактировал газеты, Александр Модестович был председателем СРПиЖП – союза, в котором Философов никогда не состоял. Была еще Евгения Вебер-Хирьякова, тридцатью годами младше мужа, великолепная публицистка, печатавшаяся в русской и польской прессе, подруга Марии Домбровской. Хирьякова совершила самоубийство после прихода немцев, в октябре 1939 года, а ее муж умер в 1940-м. Их дочь Хелена пережила войну и так же, как дети Домбровского, скрывала свое происхождение даже от друзей. Только одной из подруг она однажды вклеила в альбом две фотографии, не подписав их и отказавшись что-либо объяснять. Я отыскал эти портреты. Это были, разумеется, родители – Евгения и Александр Хирьяковы. Так – после сравнения снимков – были идентифицированы еще две личности с коллективной фотографии. Следующий эпизод состоялся внезапно. Моя студентка готовила к печати дневник поэта Ежи Камиля Вайнтрауба, относившийся к периоду оккупации. Там оказалась запись о встрече с русским поэтом-эмигрантом Соломоном Бартом (Копельманом), и столь выразительное описание его внешности, что на этой основе очередная персона с коллективной фотографии обрела имя. Сам Барт, которого заключили в Варшавское гетто, погиб там в августе 1941 года. Это единственная сохранившаяся его фотография.

Таким образом, имеются разные источники, на основании которых мы можем реконструировать биографии русских писателей, живших в Польше в годы II Речи Посполитой. От воспоминаний, через официальные списки и фотографии, до устной традиции и традиции умолчаний. Есть еще чисто литературные тексты, на которых, невзирая на возмущение иных исследователей, мы можем основываться. Эти свидетельства отбросить невозможно, надо только применять особую стратегию их чтения и проверки. Иногда, признаем это, приходится руководствоваться интуицией. Так обстоит дело в случае Льва Гомолицкого – до 1944 года выдающегося русского поэта и критика, а после войны – польского прозаика.

Прежде всего следует отметить, что уже до войны были случаи перехода писателей с русского языка на польский. (Конечно, мы помним и о том, что ранние стихи выдающихся польских поэтов написаны по-русски: достаточно вспомнить Болеслава Лесьмьяна или Ярослава Ивашкевича). В конце двадцатых годов в польскую литературу входят Мария Бехчиц-Рудницкая и Михал Хороманский, ранее русскоязычные.

После войны те из членов СРПИЖП, кто остался в Польше, в силу обстоятельств перешли на польский язык. Виленский журналист Сергей Поволоцкий (пройдя через Колыму) стал литератором Станиславом Поволоцким, хотя и в конце пятидесятых еще публиковался в эфемерной русскоязычной польской прессе. Ксения Костенич начала работать как польский литературовед, а молодой многообещающий поэт Георгий Клингер принял сан священника и стал выдающимся православным богословом (чьи труды, однако, написаны по-польски).

Проблемы с раздвоением биографии писателя (и сменой языка) лучше всего видны на примере Гомолицкого, который в конце жизни заметил, что современная медицина умеет пришивать оторванные конечности, но никто не в силах пришить отрезанную память или воображение².

Перед войной Гомолицкий – об этом мы не прочтем ни в одной из его биографий – был не только писателем, которого высоко ценили Философов, Альфред Бем, Юрий Иваск и Соломон Барт, Юlian Тувим и Юзеф Чехович. Он был еще и редактором «Меча», инициатором создания антологии и словаря русских писателей-эмигрантов³, учредил издательство «Священная лира», книги для которого сам набирал и (будучи профессиональным графиком) сам иллюстрировал. Кроме того, он исполнял обязанности секретаря СРПИЖП и секретаря «Домика в Коломне». Был своего рода связным между Философовым и остальной русской интеллектуальной средой в Польше. Надо, разумеется, помнить и то, что еще до войны он опубликовал по-польски несколько статей о русской поэзии, в том числе первое в нашей стране эссе о Цветаевой и Пастернаке⁴.

После войны он остается в Польше, немедленно вступает в Польскую рабочую партию и Общество польско-советской дружбы, пишет соцреалистический роман. Изучает русский период жизни Мицкевича. Как настоящий писатель, польский прозаик, рождается в 1959 году. До смерти (в 1988) написал 25 книг, высоко оцененных критикой, новаторских по форме, мы бы сказали – постмодернистских. О довоенном периоде он почти не вспомина-

² L.Gomolicki. Autobiogram. Warszawa, 1989. S.34.

³ Собранные материалы он передал Валентину Булгакову, который продолжил работу (до 1940-х годов). «Словарь русских зарубежных писателей» вышел в Нью-Йорке лишь в 1993 году.

⁴ L.Gomolicki. Ze wspaniejszej poezji rosyjskiej (B.Pasternak, M.Cwietajewa) // Kamera. 1935. Nr 1.

ет, редактора «Словаря современных польских писателей» просит, чтобы из его библиографии исключили некоторые позиции, объясняя это тем, что они вышли библиофильтским тиражом и не имели никакого значения. Некоторым исследователям литературы он дает информацию, к примеру, о Философове. Однако просит, чтобы его имя как информатора не упоминалось. Только в восьмидесятые годы Гомолицкий отваживается написать «в стол» воспоминания о «Домике в Коломне»⁵, а перед самой смертью в письмах отвечает на вопросы Вячеслава Нечаева⁶, но отвечает по-польски. Утверждает, что забыл русский язык.

Его польские книги – это и не романы, и не воспоминания, а многоуровневая, многосюжетная конструкция, иной раз запутанная; в ней перемежаются античный, современный и мемуарный планы. Воспоминания обрывочны, с явными пропусками, свидетельствующими либо о провалах в памяти, либо об умолчаниях, либо о сомнениях в собственной правдивости, в том, что вспоминать вообще имеет смысл. О необходимости умолчаний (по политическим соображениям) Гомолицкий писал так: «“Бегство”, – это, по своей композиции, типичный межвоенный социальный роман с ключом. Досталось бы мне за этот «ключ», кабы не то, что он значил не более, чем ключи от моей варшавской квартиры в доме, взлетевшем на воздух»⁷. Гомолицкий применил к себе типичную политическую автоцензуру, вспоминая Рафала Блюта. Этот выдающийся русист уже в двадцатые годы редактировал вместе с Философовым бюллетень «Русс-пресс», содержащий информацию об СССР для польских журналистов, и Гомолицкий, видимо, познакомился с ним сразу по приезде в Варшаву, в 1931 году. Однако, дабы случайно его имя не связали с этим бюллетенем, безопасности ради, он сообщает, что познакомился с Блютом перед самой войной, то есть тогда, когда бюллетень уже не выходил.

Иногда писатель пользуется хорошо известным приемом «найденной рукописи», вдобавок поврежденной, или использует знаки, наводящие на мысль о пропуске из цензурных соображений. Умолчания Гомолицкого знаменательны. Например, в «Гороскопе» есть одна фраза, относящаяся к личности Философова, а вышеупомянутый двадцатистраничный текст о «Домике в Коломне» представляет собой примечание и дополнение к этой загадочной фразе.

В какой-то момент Гомолицкий пишет: «Зачем вводить лишние имена?». И это «лишние» звучит весомо – словно речь идет о «лишних людях». Единственный межвоенный приятель, упомянутый по фамилии, это Александр

⁵ Л. Гомолицкий. Воспоминания о Дмитрии Философове / Перевод Н. Горбаневской // Новая Польша. 2006. №9.

⁶ Копии этих писем находятся в архиве Леона Гомолицкого в варшавском Музее литературы.

⁷ L. Gomolicki. Autobiogram. Warszawa, 1989. S. 15.

Кондратьев, поэт с башни Вячеслава Иванова, живший после революции в Ровно на Волыни. Рассказ о нем, о его демонологических изысканиях звучит в нескольких эпизодах, в отступлениях ряда книг Гомолицкого. Кроме того, есть русско-эмигрантские мотивы, которые не сразу бросаются в глаза. Почти никогда автор не определяет национальность героев своих воспоминаний. Некоторые крохи воспоминаний, отдельные сценки (подлинность которых кажется несомненной), оказываются безумно важны для локального колорита интересующих нас событий. Так, например, есть упоминание о том, что во время собраний «Домика в Коломне» Юзеф Чапский рисовал, иногда на картонках от упаковки пирожных, портреты участников дискуссии. Понятно, что мы этих набросков никогда не увидим, что они горели во время войны, но приведенный факт оживляет наше воображение и, зная манеру Чапского, зная по фотографии лица гостей Философа, мы можем представить себе пропавшие портреты. Может, Гомолицкий этого и хотел? Нечто подобное возникает и при чтении его рассказа о первой встрече с Альфредом Бемом, когда тот еще не был духовным вождем пражского «Скифа», а владел в Варшаве русским книжным магазинчиком, который, как оказалось, помещался неподалеку от нынешнего Дома литературы на улице Краковское Предместье.

Однако не надо забывать, что Гомолицкий в мемуарных фрагментах не пытается быть объективным. И подчеркивает это. Его текст живет, он весь – чувство и внутренняя борьба, он бывает горьким. Например, когда писатель дезавуирует свое довоенное поэтическое творчество, именуя его «нашинкованной капустой». Кажется, он делает это оттого, что к стихам для него уже возврата нет. Есть и драматические личные счёты. В неопубликованной автобиографической поэзии, написанной по-русски во время войны, Гомолицкий так вспоминает смерть Философа:

я обошёл пугливо стол
где труп нарядный серебрился
я в темный угол сел на пол
и трепетно беззвучному молился
коротких мигов чёрная рука
меня схватила за лопатки
и тонкий запах паука
напомнил мне что время кратко⁸.

И вот через двадцать лет, вспоминая о том, какие «нелепые» ему когда-то случалось писать стихи, он приводит именно этот фрагмент, в польском – нарочито смехотворном – переводе⁹, но кажется, бьет не по форме, а по содержанию, по собственным глубочайшим тайнам.

⁸ Архив Л. Гомолицкого в Музее литературы в Варшаве.

⁹ L.Gomolicki. Czasobranie // Tenie. Proza. T.1. Jyd, 1976. S.271–272.

Разумеется, в прозе Гомолицкого есть целое мистифицированное пространство воспоминаний. Особенно это касается детства и ранней юности. За идеализированным портретом отца скрыта трудная правда – то, что перед революцией он был офицером жандармерии, откомандированным для конвоирования заключенных. Отсюда, видимо (в качестве бунта или покаяния), – участие четырнадцатилетнего Льва в революции. Детали неизвестны; сам он утверждает, что, по поручению какого-то провинциального органа большевистской власти, занимался спасением книг из покинутых дворянских усадеб. Только ли этим? И руководила ли им исключительно любовь к книгам? В 1936 году в письме к Эмилии Чегеринцевой он писал об Октябрьской революции с нескрываемым восторгом: «анаrchistская свобода и неожиданная высокая дорога к вещам невещественным»¹⁰...

Биография Гомолицкого, особенно довоенная, доступна нам лишь во фрагментах, и прежде всего – в тех, которые он сам нам открыл. Лишь изредка есть материал для сопоставлений, позволяющий дать убедительную критику источника. Но ведь иногда сама фрагментарность – метафора, не требующая дополнений. Я уже упоминал, что полный текст варшавско-отвоцкого дневника Философова пока не опубликован. Однако мне удалось найти его лаконичные заметки¹¹. Они довольно выразительны, не так ли?

+ Пилсудского 12.V.1935

я слёг в Варшаве 20.I.1936

Отвоцк 1.V.1936

флегмона (рука правая) 8.XI.1937

операция 12.I.1938

возвращение Отвоцк 7.III.1938

опять флегмона (правая нога) 2.VI. 1938

1.IX.1939 война

1.X.1939 конец войны

На склоне лет Гомолицкий опубликовал очень важное, продолжающее его довоенные критические тексты эссе о поэзии Хлебникова и его «заумном языке»¹². Он искал путь к пониманию этого языка. Предлагал анализировать его в сравнении с фольклорными текстами, но с опорой на рациональные основания, а не на поэтическую интуицию. Похоже, что и нам во многих случаях ничего другого не остается. Особенно когда мы имеем дело с такими трудными случаями, как судьбы русских писателей-эмигрантов в довоенной Польше.

¹⁰ Поэты пражского «Скита». С.-Петербург, 2007. С.449.

¹¹ Карандашом на книге Ю Фельзена «Письма о Лермонтове» (Париж, 1935).

¹² L.Gomolicki: Chlebnikow – na marginiesie «BoguW» // Literatura na Hwicie. 1977. Nr 10.

Анна Шор-Чудновская

До мельчайших подробностей:

Роман-документ «Дневники» как пример сопротивления

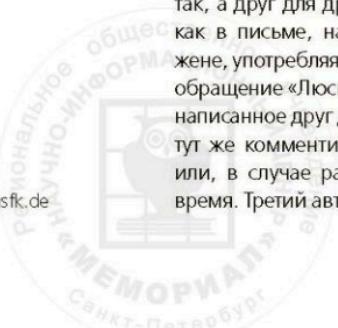
Анна ШОР-ЧУДНОВСКАЯ

Университет Зигмунда Фрейда (Вена),
Гессенский Фонд по изучению мира
и конфликтов (Франкфурт-на-Майне)

В 2006-м году в московском из-
дательстве «Время» вышли в трех томах
«Дневники» А.Д. Сахарова и Е.Г. Бон-
нэр, охватывающие 1977–1989 годы.
Безусловно изданные, они состав-
лены, отредактированы и оформлены
с удивительной для сегодняшнего дня
добротой. На обложке указан
жанр: «роман-документ». Почему же
дневники – роман?

У «Дневников» сразу два автора,
если быть совсем точным, – три. Первый
авторский голос – Сахаров, делавший
записи вплоть до 1989 года, до послед-
него своего дня. Второй – Боннэр, бок о
бок с мужем пережившая все отражен-
ные в «Дневниках» события. Огромное
количество записей делалось не просто
так, а друг для друга. Сахаров нередко,
как в письме, напрямую обращался к
жене, употребляя местоимение «ты» или
обращение «Люсинька». Супруги читали
написанное друг другом или сразу же (и
тут же комментировали и дополняли),
или, в случае разлуки, через какое-то
время. Третий авторский голос – Боннэр

schor-tschudnowskaja@hsfk.de

сегодняшняя, спустя почти 20 лет, пережившая смерть мужа, бесславный конец Перестройки и ознакомившаяся со ставшими доступными делами (своим делом и делом Сахарова). Ее комментарии и пояснения к подробностям собственной биографии превращаются зачастую в многостраничные истории. При подготовке издания ею же написана (очень увлекательно!) глава «До дневников», охватывающая первые семь лет совместной жизни с Сахаровым (1970–1976).

Все три голоса, – набранные для различия разными шрифтами, – тесно сплетены друг с другом. Благодаря причудливому переплетению монологового текста с диалоговым, а дневниковых, по сути, автобиографических записей с биографическими комментариями и дополнениями (подчас целыми главами) чтение получается горячее, живое, передаваемые события, записанный опыт – осозаемыми. Уже от одного от этого создается впечатление, что имеешь дело с литературой, беллетристикой. Но авторское многоголосье – не единственная тому причина.

Записи отражают не только такие значительные этапы судьбы, как ссылка в Горький и возвращение в Москву после обозначившего новую эпоху телефонного звонка Горбачева, не только голодовки, принудительные госпитализации, пытки насильственным кормлением, преследование детей и многие другие элементы травли, организованной государством. Отражены буквально все мало-мальски значительные события, будь то первое в жизни интервью иностранному корреспонденту (ночью, у себя на квартире, корреспонденту «Ньюсвик») или ставшая знаменитой пощечина во время суда над Кронидом Любарским (1972 г.). Кроме того, «Дневники» содержат «разговоры на записках» (способ разговаривать в прослушиваемых квартирах), научные наброски, списки планов, важные мысли и догадки, некоторые официальные документы, стихи (довольно много), письма и телеграммы (очень много), подробные рассказы о судьбах родственников и друзей, и даже сноски, сообщающие о том, какие решения принимались в это время в КГБ.

При таких авторах тесное переплетение дневников с политической и культурной историей страны и всего мира – неудивительно. И все-таки... Поражает насыщенность именами, судьбами, подробностями. Указатель имен в конце книги занимает 124 страницы! По большей части – это имена людей, бывавших у Сахарова и Боннэр дома. Писатели, поэты, художники, барды, журналисты, правозащитники, политики – прошлые и будущие, советские и зарубежные. Весь космос советской общественной, научной и культурной жизни. По понятным причинам «Дневники» представляют собой и подробную летопись всего, что связано с правозащитным движением в СССР, содержат сведения о многочисленных процессах, судах и арестах, приговорах и насилистенных эмиграциях, передают кухонные разговоры и споры, мучительные раздумья, поиски

и решения. Наконец, на страницах «Дневников» слышно плавное нарастание гула Перестройки.

Для исследователей советского образа жизни брежневских лет «Дневники», безусловно, представляют собой ценный источник многочисленных примечательных подробностей. «Я вдруг вспомнил», – записывает Сахаров, – «[...] как в июле 1985 [...] мы были с тобой на кладбище и как-то стали говорить, как плохо будет тому, кто переживет другого. Он, может, не будет иметь возможности даже ходить на могилу, как-то ухаживать за ней. ГБ может не допустить этого, опасаясь демонстрации.» (Т. III, стр. 101.) Так представлялось будущее в марте 1986 года!

Но как быть с такими записями:

Я пришла с работы около 9 часов. Принесла кофе, [...] сыр и пачку печенья «Юбилейное». (Т. I, стр. 65.)

Пришли в мое училище, купив в гастрономе напротив булку и творожные сырки. (Т. I, стр. 67.)

Из рассказа о поездке в Киев в связи с судом над поэтом Лупыносом:

Суд отложили на неопределенное время почти сразу после появления Сахарова в зале заседаний. Но мы познакомились в эту поездку с несколькими киевскими диссидентами. А потом, несмотря на серый с мокрым снегом день, когда неба как будто не существует, я таскала Андрея по городу, показывая ему все булгаковские места. В прошлом он один раз был в Киеве, но ничего этого не видел. И еще мы купили там обои для намечавшегося дома ремонта. В Москве в этот год обои были дефицитом. (Т. I, стр. 82.)

Вчера в одиночестве – но мысленно с Люсей – встретил Новый год. Старался соблюдать традиции (помылся – при этом конч[илась] горячая вода, кот. перед этим включили лишь в 9 ч. вечера, убрал дом, устроил «красоту» на столе в большой комнате, парадно переоделся, произнес несколько тостов – о Люсе, о всех нас, включая и ее, и злосчастных моих детей). (Т. III, стр. 7.)

Я не только вымыл ванну, но и ведро пласт. (на случай, если придется идти на колонку за питьевой водой) и постирал рубашку. (Т. III, стр. 100.)

Проверил облигации. Выиграли две облигации по 10 и 20 р., получу 20 и 40 р. Еще 5 облигаций остались непроверенными (я их пропустил,

т.к. спешил на переговоры). После разговора с Люсей зашел в универмаг, купил духи «Елена» Люсе в подарок. Еще зашел в хозяйственный, хотел купить красивую чашку, но не было. Купил две дешевенькие. Мыльниц нет. Шел пешком [...]. (Т. III, стр. 22.)

Последние несколько дней мучает невралгия, теперь справа спереди. Схема развития, как 3 года назад. Невозможно прдохнуть, каждый вздох болезнен и вдыхаешь только поверхностно. Надо терпеть... Затяял стирку. (Т. III, стр. 66.)

Пока занимался, сжег свеклу вместе с кастрюлей. В 9 часов уже была готова, а сейчас 0 ч. 30 минут. Как я так забыл, жалко свеклу и кастрюлю. Р.С. (кастрюлю отчистил). (Т. III, стр. 24.)

И так далее. Подобная дотошность, трепетное, почтительное, любовное отношение к каждой вроде бы и пустяшной подробности своей жизни бросается в глаза сразу и, наверное, является самой интересной особенностью «Дневников».

Вот как отражено 22 января 1980 года (арест и высылка в Горький):

В 14:10 поехал в ФИАН на семинар на акад. машине. Не доехая Павелецкого вокзала, заметили, что милицейская машина подает нам сигналы остановиться. Водитель, удивленно пробормотав, что он ничего не нарушил, остановился вслед за срезавшей нам угол милицейской машиной. Милиционер вышел из своей машины, акад. водитель тоже, милиционер пошел к нему навстречу, приложив руку к козырьку, и что-то сказал, академич. водитель повернулся обратно. Я сидел на переднем сиденье и смотрел на эту сцену и вдруг услышал, что задние дверцы открылись. В машину залезли с двух сторон гебисты (лет 35 каждый) и показали мне и водителю красные книжечки. «МВД! Нам поручено доставить вас в прокуратуру СССР. Водитель, следуйте за милицейской машиной!» Мы поехали, свернув направо. В этот момент я увидел телефонные будки и попросил водителя остановиться около них, «мне необходимо позвонить жене». Но гебисты на заднем сиденье резким окриком запретили водителю останавливаться, и один из них прижал ладонью кнопку замка моей дверцы. Когда машина остановилась во дворе прокуратуры, это движение повторилось – «Подождите, Вас встретят». Я попросил водителя подъехать к жене и рассказать ей о случившемся, а затем вернуться: «На семинар я опоздал, но продукты еще, может, успею получить». Один из гебистов молча вынул из машины сумку для продуктов и сунул мне в руки. Конечно, до дома машина не доехала. (Т. II, стр. 11 – 12.)

Чем не приключенческий роман?!

Скупулезно сообщающие все подробности, «Дневники» являются центральным источником данных для изучения почерка КГБ, его нравов, методов и, так сказать, «манер» (или «замашек»), как например, что и как выкрадывалось и потом вновь подбрасывалось, «возвращалось» (так Нобелевский диплом был украден при обыске в 1980 году и оказался на месте 6 лет спустя, после возвращения в Москву). «Сегодня в доме были некоторые признаки, что кто-то побывал», – записывал Сахаров, вернувшись с прогулки (т. III, стр. 99). Можно было выйти из душа и столкнуться в коридоре с двумя мужчинами в плохо сшитых серых костюмах. Застигнутые врасплох, они нередко выпрыгивали в окно, благо квартира находилась на первом этаже. Можно было выйти из дома и обнаружить, что за какую-то провинность (попытку кому-то позвонить или отправить письмо) у машины разбито стекло или спущены шины. Вмешательство хулиганствующего государства могло произойти (и происходило) в любой момент.

Вчера не записал, т.к. не было вечером света. Ужин готовил и ел при свечах (зажег две свечи из 6-и). Когда почистил зубы и лег, зажегся свет. Утром [...] начал делать (укреплять) стул, но не нашел сверла (потом нашел). Заехал в хоз. магазин по дороге в Зел. город. Поставил машину на бугре (два раза не включалась задняя передача). Когда, взяв сумку, пошел к магазину, заметил, что через стекло салона микроавтобуса (окрашенного в защитный цвет) кто-то снимает меня в упор из довольно большой (не любительской) кинокамеры с светофильтром. Я замахал рукой и крикнул: «Что Вы делаете, кто Вам разрешил?» Снимавший тут же убрал камеру и отпрянул в глубь микроавтобуса. Я подошел к водителю, спросил: «Зачем меня снимаете? Вы не имеете права без моего разрешения!» Он что-то проговорил. «Из какой вы организации?» – «Из НИИ автоматизации» (или, кажется, химизации, я забыл). Он тут же нажал на газ и стремительно уехал. Из этого же «НИИ» был якобы один из наблюдавших за мной в больнице.

В магазине я купил набор сверл за 2 р. 40 к. (зря) и 10 ламп по 100 ватт (их давно не было в магазине, а у нас кончились, я уже поставил в коридоре две по 25 ватт, теперь одну заменил). (Т. III, стр. 159-160.)

Невозможно не удивиться количеству подмеченных и записанных подробностей из будней очень нелегкой жизни, пропитанной, наполненной эпохой. В этой жизни свирепствует травля (Сахарова, его жены, их близких и друзей), разные формы лишения прав и свобод, подглядывания и подслушивания, хамские, бесцеремонные вторжения, – а автор дневников задумчиво, но со вкусом варит суп и потом записывает, какие овощи в него бросил, что в итоге получилось и осталось ли немного вкусного супа и на следующий день. (И Сахаров, и Боннэр

неоднократно хвалят на страницах «Дневников» то, что самим себе или своим гостям приготовили.)

В своем предисловии Боннер подчеркивает «отношение к Дневнику как к работе» (т. I, стр. 13). Как мне представляется, этот дневник был для его авторов еще и актом сопротивления разнужданной государственной травле. Работой являлось в том числе и Сопротивление.

Эта догадка высказана и в единственном известном мне читательском отклике – журналиста Геннадия Жаворонкова. Он пишет: хроника «унылых дней человека, наказанного Родиной за все его заслуги перед ней. [...] Но отчего же я прочитал все три томика взахлеб, возвращаясь и возвращаясь к каким-то эпизодам, событиям? Да оттого, что это потрясающая хроника сопротивления огромной и преступной государственной машине, против которой считалось бесполезным возвышать голос. [...] Убить унижением, сломив гордость и человеческое достоинство. Чтобы супротив державы выступать другим было неповадно. Однако глядя на стойкость этих двух уже немолодых людей, выставали и распрямлялись многие»¹.

Примеров стойкости на страницах «Дневников», действительно, очень много. Вот один из них (день задержания и высылки в Горький):

В самолете ТУ-134 кроме нас летело еще человек 10 гебистов, может, больше. ... Нас обслуживали по правительльному классу. Обед был супер-ресторанный. Мясо отличное. Я набрал пригорюнию леденцов. Нам сказали, что летят мужчина-врач – для меня и женщина-врач – для Люси. В самолете мы сидели рядом с Люсей и были счастливы, что мы вместе. Я сказал, что чувствую «облегчение от бремени». Люся была очень красивой. При посадке в Горьком вышла заминка – не сразу вышло посадочное колесо, и мы сделали пару кругов над Горьким на низкой высоте. Но все обошлось. Они испугались! (т. II, стр. 24, выделено в оригинале).

В стойкости главных героев (роман!) читателю открывается сильнейшая (и глубокая, глубочайшая) любовь к жизни. Может быть, потому так увлеченно и читаешь эту хронику (с жаром, запом – присоединяюсь и в этом к Г. Жаворонкову), невольно заражаясь этой влюбленностью. Авторам «Дневников» свойственно прилежное и заботливое отношение как к своему внутреннему, так и внешнему космосу. Травящий их режим оказывается мельче и незначительнее горячего, трепетного отношения к миру, к людям, к своему дому, ко всему. И именно это отношение превратило записи в роман. Потому что роман, согласно словарю, – это «эпическое произведение большой формы, в котором повествование сосредоточено на судьбе отдельной личности и ее отношении к окружающему

¹ Г. Жаворонков. Роман-документ на два голоса // Новая газета. 2006. 16 октября.

миру...»². Если спросить себя, о чем этот роман, то ответом будет «о любви и сопротивлении» – любви друг к другу и общему делу, любви к бытию и о сопротивлении злу.

Внимание к деталям, любовь к каждому штриху своей жизни, отчет за каждый свой шаг (напекор и травле, и изоляции, и запугиваниям, и насилию), внутреннее постоянное сопротивление Злу (которое, конечно же, отражалось и на сопротивлении «внешнем») – все это позволяет сказать, что «Дневники Сахарова и Боннэр очень целомудренная книга. Ведь целомудрие – это такая «характеристика человека, которая раскрывается в соблюдении (сознательного само) запрета на познание, переживание и совершение всего того, что может ослабить или разрушить способность противостоять и сопротивляться злу»³. Именно эта «способность» и стала причиной всех многочисленных подробностей, кропотливо собранных на каждой страничке.

Перед нами роман, позволяющий глубоко прочувствовать Сопротивление как целомудренное отношение к жизни и самому себе, как определенный способ видеть, понимать и поступать. Вооруженные целомудрием люди остаются при любых условиях свободными, целомудрие наделяет их силами и способностью давать отпор. Занятие это кропотливое, нередко мучительное, но спокойное, располагающее к вниманию к подробностям, т.к. целомудрие несовместимо ни с паникой, ни с истерией, ни с угодничеством, ни с нежеланием называть вещи своими именами и видеть их таковыми, каковы они есть.

Социолог Лев Гудков, директор Левада-Центра, говоря о сегодняшнем российском обывателе, делает одно очень важное аналитическое обобщение: «Самая серьезная социологическая проблема, на которую мы наталкиваемся на протяжении 15 лет, – это наш человек с его опытом приспособления к препрессивному режиму»⁴. Дневники Боннэр и Сахарова, переполненные именами и подробностями, учат обратному – целомудренному взгляду, опыту сопротивления и свободы.

² Словарь иностранных слов и выражений. – М., 2002.

³ Энциклопедия «Кругосвет», цит. по: <http://slovari.yandex.ru/dict/krugosvet/article/6/69/1010732.htm>.

⁴ См. Фоторобот российского обывателя // Новая газета. 2008. 3 апреля.

Анна Колдушко

Биография репрессированного партийца

Анна КОЛДУШКО

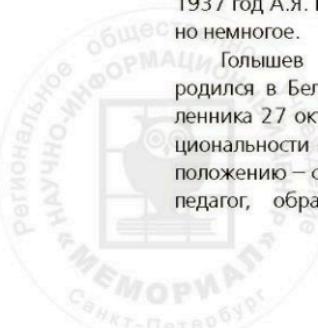
Пермский Государственный
Технический Университет

Проблема реконструкции биографий партийных работников городского звена, функционировавших в первой половине тридцатых годов, заключается в характере источников. Речь идет об архивно-следственных делах, в которых собраны наряду с фальсификатами и подлинные сведения о жизненном пути, социальных сетях и настроениях репрессированных чиновников партийного аппарата.

Насколько мы можем доверять сведениям, имеющимся в архивно-следственном деле, и партийным документам? Как отделить биографические факты от сочинений следователей? Рассмотрим проблему на примере реконструкции биографии первого секретаря Пермского горкома ВКП(б) с 1934 по 1937 год А.Я. Голышева. О нем известно немногое.

Голышев Александр Яковлевич родился в Белгороде в семье ремесленника 27 октября 1896 года, по национальности еврей. По социальному положению – служащий, по профессии педагог, образование неоконченное

koldushko@mail.ru

высшее. Как сообщалось в газетной статье, посвященной утверждению Голышева на должность первого секретаря Пермского горкома ВКП(б), «с осени 1915 года начинает вести культурно-политическую работу среди рабочих Днепропетровского (тогда Екатеринославского) и Нижне-Днепропетровского трубных заводов, где и знакомится с революционным движением. После занятия Екатеринослава немецкими оккупационными войсками (апрель 1918 г.) тов. Голышев переезжает в Киев и продолжает вести культурно-политическую работу среди рабочих Киева»¹.

В феврале 1919 года вступил в партию на Украине во время службы в Красной Армии. Во время военной службы, до окончания Гражданской войны «тов. Голышев находился в рядах Красной Армии, принимая непосредственное участие в боевых операциях против банд Деникина, Петлюры, Махно, выполняя в разные периоды функции от рядового бойца до заместителя начальника Политического управления Харьковского военного округа и политического отдела Украинской запасной армии. Последний период пребывания в рядах Красной Армии тов. Голышев был начальником политко-просветительного отдела Политического Управления всех вооруженных сил Украины и Крыма»².

После демобилизации из Красной Армии в 1921 году А.Я. Голышев был направлен в Донбасс, где до осени 1925 года руководил советским просвещением, был избран членом губернского исполнительного комитета Советов (IV–VIII созывов), а в последний период членом Президиума. В сентябре 1925 года, после районирования Украины, Голышев был направлен в Сибирь в качестве уполномоченного Народного Комиссариата просвещения при Сибирском революционном комитете и до июня 1928 года руководил просвещением в Сибирском крае, состоя одновременно председателем Сибирского краевого дисциплинарного суда и членом президиума Сибирского Краевого Исполнительного Комитета Советов (I и II созывов).

В июне 1928 года Голышев был отозван в Москву и до февраля 1930 года работал первым заместителем председателя Главполитпросвета РСФСР, членом Государственного ученого совета и членом коллегии Народного комиссариата по просвещению РСФСР, работал с Буновым, Крупской.

В феврале 1930 года А.Я. Голышев приехал на Урал. Несколько месяцев работал ректором Уральского политехнического института, а с мая 1930 года возглавил отдел культуры и пропаганды марксизма-ленинизма Уралобкома ВКП(б). С сентября 1934 по март 1937 года он работал первым секретарем Пермского горкома ВКП(б).

Дальше начинается следственное дело, состоящее из нескольких документов. По первому из них – Справке: Голышев – скрытый троцкист. По обвинительному

¹ Звезда. 1934. 24 сентября.

² Там же.

заключению, напротив – член контрреволюционной организации правых, ее идеолог. В посмертных документах он становится членом повстанческого штаба.

В анкетных данных Голышев указывал, что он некоторое время состоял в партии левых эсеров. Однако позднее, на заседании VIII пленума Пермского горкома 25 марта 1937 года, выяснилось, что в действительности левым эсером А.Я. Голышев никогда не был. Стенограмма сохранила содержание диалога между Голышевым и Пшеницыным (в то время он был вторым секретарем Свердловского обкома ВКП(б)):

Голышев: Я в партии 18 с половиной лет. Меня все время передвигало ЦК партии и местные органы, никогда и нигде я не скрывал, что я левый эсер, это же было известно. Я на партийной работе 10 лет, в армии был на политработе 2 года, нигде не скрывал, ни при проверке, ни при обмене, ни при чистке, никогда я этого не скрывал.

Пшеницын: Но при проверке партдокументов и обмене вы же утверждали и доказывали, что не были эсером, а только стояли на платформе учительской группы.

Голышев: Я с октября 1917 года по июнь 1918 года был в группе, так называемой советской группе учителей в Днепропетровске, которая стояла на платформе левых эсеров. Я так, тов. Пшеницын, говорил, так знает ЦК, даже больше сказал и сейчас подтверждаю – членом партийной организации правых и левых никогда не был.

Правильно сказал тов. Пшеницын: не было партийного билета, но вы на платформе стояли. Да.³

То есть в партии левых эсеров Голышев не состоял никогда.

А.Я. Голышев, став главой Пермской партийной организации, получил славу малообщительного, строгого, иногда даже грубоватого руководителя. В целом, такой стиль общения с подчиненными был нормой: в первой половине 1930-х партия существовала в виде четкой иерархически подчиненной пирамиды, верхней частью которой был один «главный» вождь и вожди «помельче», представляющие региональные партийные комитеты, соответственно и внешние атрибуты власти полностью копировались со Сталина.

В январе–июне 1937 года, когда был репрессирована большая часть аппарата Свердловского обкома и секретарский состав крупных партийных организаций области, репрессии против партийных лидеров области проводились с серьезной предварительной политической подготовкой. С Александром Яков-

³ Архивная выписка из стенограммы заседания VIII пленума Пермского горкома по вопросу «Итоги февральского пленума ЦК ВКП(б)». 25.03.1937 г. ГОПАД. Ф.641/1. Оп.1. Д.11275. Т.2. Л. 57.

левичем Голышевым были сыграны все акты чудовищной пьесы, и он был уничижен морально еще до ареста.

В «поле зрения» ЦК партии Голышев попадает в сентябрь 1936 года. Так, 27 июля 1936 года Пермским горкомом было вынесено решение о снятии с работы председателя Пермского Горсовета Мезита. 2 сентября постановлением бюро обкома ВКП(б) это решение Пермского горкома было отменено: «Предупредить бюро Пермского горкома ВКП(б) и лично т. Голышева о недопустимости вынесения решения о снятии с работы председателя Горсовета без согласования с обкомом ВКП(б)»⁴. Голышев был наказан за нарушение порядка утверждения и смещения руководящих кадров. Дальше обвинения посыпались одно за другим.

В дело подшиты документы партийного расследования с участием Голышева; в нем обсуждаются и заново истолковываются некоторые факты его биографии, по которым он дает объяснения, называет свидетелей защиты, поясняет свою позицию. Вся процедура критики и самокритики занимает около месяца. В это время с Голышевым и совершаются политическая метаморфоза – из крепкого большевика он постепенно преображается во врага народа.

В конце 1936 – начале 1937 года, в разгар борьбы с троцкизмом, в ходе которой был арестован второй секретарь Пермского горкома М.Н. Дьячков, Голышев активно ищет троцкистов в собственной партийной организации.

Под подозрение в троцкизме попадает и директор завода № 19 Побережский. Выражаясь партийным языком, начинается «травля» Побережского со стороны Пермского горкома ВКП(б). В обстановке все усилившавшейся подозрительности поведение Голышева было вполне объяснимым, так как Побережский более чем подходил под понятие троцкист. После жалобы Побережского наркому тяжелой промышленности Орджоникидзе, из ЦК следует директива Голышеву о необходимости прекращения «травли» Побережского, о создании ему обстановки полного политического доверия. Первого секретаря Пермского горкома вызвали в обком партии и обязали явиться на 19-й завод на рабочий актив выступить с извинениями: «выступить после доклада Побережского и в глазах всех рабочих изменить отношение, дать иную оценку»⁵. Эта директива фактически так и не была выполнена.

Сам Голышев на заседании VIII пленума Пермского горкома от 25 марта 1937 года удивлялся, как он мог так ошибиться:

Что произошло с Побережским и в чем моя, в первую очередь, как руководителя, политическая ошибка? Не потому, что мы не должны были

⁴ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 14. Д. 83. Л. 11.

⁵ Кабаков. Стенограмма XIV пленума Свердловского обкома ВКП(б) 17.03.1937 г. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 15. Д. 17. Л. 187.

разоблачать врагов на девятнадцатом заводе. Не в этом дело, мы их там разоблачили немало, но моя политическая ошибка в отношении Побережского заключалась в том, что я не рассмотрел, не понял того нового, о чем указывал тов. Сталин, а именно, что сейчас товарищи работают добросовестно, пользуются полным доверием ЦК ВКП(б), будьте добры создать полное политическое доверие, несмотря на их старые грешки. Не потому что я лично хотел, недумаю, что у Побережского в какой-нибудь малейшей степени, где-то находится сознание, что Голышев его хотел [сделать врагом народа], это пустое, нам с Побережским нечего делить. Мне подсказывали по-разному. Я считаю правильно, если вы считаете неправильным, выступите. /тov. Золотарев – неправильно будет, что у Побережского было в сознании/. Ты не понял, о чем я говорил, я утверждаю, что у Побережского нет подозрений, что это было личного порядка. Я не буду оглашать, недумаю, что плenуму надо оглашать директиву ЦК, она подводит черту, а я вместо того, чтобы положить черту и сказать, что тов. Побережский, имевший преступления в партии в прошлом, сейчас работает добросовестно, пользуется доверием и ему должна быть создана полная обстановка. Я вместо этого, хотел или не хотел, но самим фактом затяжки расследования способствовал такому положению /Голос из президиума: «Значит, кроме тебя, кто-то еще был?»/. Я же имел десятки заявлений и не мог я раньше, чем, не проверив это заявление, /тov. Пшеницын: «Значит, с точки зрения тех сигналов, которые у вас были?». Да, с точки зрения тех сигналов, которые у меня были, их тов. Побережский знает, я с этими материалами его знакомил. /тov. Побережский: «Но все эти разнородные заявления, они были менее авторитетны, чем указания ЦК партии. Как же можно было противопоставлять указания разных лиц указаниям ЦК партии?»/. Я не противопоставлял. За это дело я лично несу ответственность. Я говорю, что те сигналы, которые имелись в нашем распоряжении <...>.

Я его (Побережского) не знал, мы с ним встретились в Перми, но та обстановка, которая была и на заводе, и в парторганизации, она меня заставила насторожиться, и [я] в отношении Побережского неправильно насторожился, не поняв той обстановки, которая была дана в директиве ЦК партии. Я еще более усугубил положение тем, что после этой директивы я должен был на рабочих собраниях, на партийных собраниях, на партийном активе, не ссылаясь на директиву, развеять атмосферу недоверия, которая была вокруг т. Побережского. Я этого не сделал. <...> Я считаю, что во мне достаточно сил большевистской воли, сознания допущенных мною грубейших ошибок, ошибок впервые за 18 лет пребывания моего в партии для того, чтобы продуманно, вырывая с корнем остатки троцкистско-зиновьевцев и правых бандитов, решительно бороться с остатками вредительства на основе исторического решения ЦК ВКП(б), независимо

от того, на какой участок партия меня пошлет, вернуть к себе доверие, которое имел, и под знаменем партии Ленина—Сталина, под руководством тов. Сталина бороться за построение коммунистического общества⁶.

В марте 1937 года на Голышева в Свердловский обком ВКП(б) поступает «компрометирующий материал»: разговор между Певзнером⁷ и Голышевым в присутствии Дьячкова⁸. Первый секретарь Пермского горкома ВКП(б) обвинялся в том, что, зная о фактах «гнусных инсинуаций по адресу руководящих работников Украины»⁹, не сообщил о них бюро обкома. Этот разговор состоялся во время съезда советов в гостинице обкома партии. Певзнер стал рассказывать об «украинских делах» — о Постышеве, Косиоре и т.д., которые преподносился «в форме анекдотов, в форме рассказа «веселых» вещей, дискредитирующих тов. Постышева и Косиора и ряд других товарищей¹⁰. В показаниях Дьячкова этот разговор передан следующим образом:

Высказывания Певзнера о Постышеве и Петровском носили еще более возмутительный контрреволюционный характер. Он усиленно подчеркивал контрреволюционные слухи о якобы существующих и даже углубляющихся разногласиях в руководстве КП(б)У, в особенности между Косиором и Постышевым, что Постышев якобы всячески подкапывается под Косиора, что на этот раз у него ничего не получилось, но он все же не успокоился, и как более нахрапистый, Косиора свалит. Столь же гнусный контрреволюционный характер имели высказывания Певзнера о председателе ЦИК СССР и пред. ЦИК Украины — Петровском. Певзнер всячески клеветал на него. <...> На Украине «люди прямо помешались на охране». Представь себе, — заявил Певзнер, обращаясь к Голышеву, — даже Петровского охраняют как настоящего вождя, подумаешь, кому он нужен». «Косиор, — заявил Певзнер, — совсем не тот, каким он был у нас в Сибири. Он сейчас такой «боярин»; его и не узнать. Даже френч для себя отменил. Ему, изволите ли видеть, как и «мировому вождю» — с типично троцкистским контрреволюционным ехидничеством, — продолжал Певзнер, — сейчас уже неудобно ходить во френче, и наш Станислав каждый раз фотографируется в новом костюме и в новом галстуке».

⁶ Архивная выписка из стенограммы заседания VIII пленума Пермского горкома по вопросу «Итоги февральского пленума ЦК ВКП(б)», 25.03.1937 г. ГОПАД. Ф.641/1. Оп.1. Д.11275. Т.2. Л.62-64.

⁷ Заведующий областным финансовым отделом, бывший работник Украинского Госбанка.

⁸ Второй секретарь Пермского горкома ВКП(б), расстрелян как враг народа 24.03.1937 г.

⁹ Дмитриев. Стенограмма XIV пленума Свердловского обкома ВКП(б) 17.03.1937 г. ЦДООСО. Ф.4. Оп.15. Д.17. Л.200.

¹⁰ Там же.

Я затрудняюсь сейчас полностью воспроизвести этот разговор, но должен подчеркнуть, что он весь целиком был пронизан контрреволюционным стремлением дискредитировать руководителей ВКП(б).

<...> Голышев относился к ним сочувственно, а в отдельных, наиболее гнусных и клеветнических моментах даже переспрашивал Левзера и требовал от него больше подробностей и деталей этой контрреволюционной информации. <...> Не было ни одного случая, когда Голышев сам разоблачил врага партии, но, зато, когда этот враг уже разоблачен, Голышев обычно больше всех говорит о бдительности. В частности Голышев говорил мне, что свою машину «бьюик» он получил в подарок от Головина, когда был выдвинут секретарем Пермского горкома ВКП(б)¹¹.

На пленуме Голышев фактически был допрошен начальником НКВД Свердловской области Дмитриевым:

Дмитриев: Эти разговоры о Петровском и других товарищах были дискредитирующего характера?

Голышев: Да.

Дмитриев: Почему Вы не реагировали?

Голышев: Я должен был пойти и сказать обкому партии, но я закрыл дверь и ушел¹².

19 марта 1937 года решением бюро обкома ВКП(б) А.Я. Голышев был снят с работы первого секретаря Пермского горкома ВКП(б). В постановлении было отмечено, что секретарь Пермского ГК ВКП(б) т. Голышев «в течение последних двух лет допустил в своей работе ряд грубых политических и организационных ошибок:

1. Крупнейшие ошибки в перестройке партийной работы и партийного аппарата, повлекшие суворое взыскание со стороны ЦК ВКП(б) (подчеркнуто мною. – А.К.) по отношению к т. Голышеву.

2. Политические ошибки в руководстве партийной печатью, сводившиеся к зажиму самокритики и вызвавшие суворое предупреждение со стороны ЦК ВКП(б) (подчеркнуто мною. – А.К.).

3. Грубые ошибки во взаимоотношениях руководителей Пермской организации и членами партии и грубейшие нарушения партийной демократии, неоднократно отмечавшиеся «Правдой». Тов. Голышев обострил взаимоотношения с активом, не обеспечил сплоченности актива вокруг горкома.

¹¹ Протокол допроса Дьячкова М. Н. 29. 01. 1937 г // ГОПАПО. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 11275. Т. 1. Л. 79 – 85.

¹² Стенограмма XIV пленума Свердловского обкома ВКП(б) 17. 03. 1937 г // ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 15. Д. 17. Л. 203.

4. Потеря политической бдительности при комплектовании аппарата Пермского горкома, вследствие чего аппарат горкома оказался засоренным врагами народа – троцкистами.

5. Недопустимое отношение к выполнению директивы товарища Сталина, предлагавшей Пермскому горкому создать нормальную обстановку для работы т. Побережского (директор завода № 19 – А. К.), причем т. Голышев неправильно информировал пленум обкома о выполнении этой директивы и скрыл от пленума обкома решение Пермского горкома, признавшего выступление т. Голышева по этому вопросу неудовлетворительным¹³.

Все предъявленные обвинения А. Я. Голышев признает полностью: 29 марта он выступает на заседании партактива Пермской городской партийной организации с покаянной речью:

Я уже снят, я уже не секретарь партийной организации. <...> Решение бюро обкома партии о секретаре Пермского горкома вы все читали, я считаю его совершенно правильным. <...> На протяжении своего пребывания в партии, на протяжении 18 лет я всегда непримиримо боролся с врагами партии, я никогда за 18 лет пребывания в партии не только не отклонялся от генеральной линии партии, не только не боролся с партией и не боролся с ЦК, но даже не сомневался в правильности политической борьбы Ленинского ЦК и на каждом участке, на который меня партия поставила, я непримиримо боролся за генеральную линию партии. <...> Товарищи, я не разложившийся человек, я не переродившийся человек. Я, к великому сожалению, являюсь ярким образцом тех работников, о которых говорил т. Сталин в своем докладе на пленуме ЦК. Я заболел этой временной идиотской болезнью – беспечностью и оторвался от масс¹⁴.

3 мая 1937 года Голышев был арестован органами НКВД¹⁵, и в этот же день в связи с полученными материалами об участии в контрреволюционных организациях, он был исключен из партии¹⁶. При аресте был проведен обыск в его квартире. Согласно приложению к протоколу обыска, были изъяты книги следующих авторов (всего – 395 шт.): «Н. Бухарин – 5 шт., Троцкий – 2 шт., Каменев – 2 шт., Радек – 4 шт., Рыков – 1 шт., Преображенский – 1 шт.» и др¹⁷.

В архивно-следственном деле имеется заявление Голышева на имя начальника УНКВД по Свердловской области Дмитриева от 15 мая 1937 года,

¹³ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 15. Д. 51. Л. 2.

¹⁴ ГОПАЛО. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 11275. т.2. Л. 47-52.

¹⁵ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 15. Д. 45. Л. 29 06.

¹⁶ Там же. Д. 55. Л. 29 06.

¹⁷ ГОПАЛО. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 11275. Т.1. Л. 9.

отпечатанное на машинке. В этом заявлении было написано: «Я твердо решил рассказать следствию всю правду о своих контрреволюционных преступлениях против партии и советского государства»¹⁸. Первый допрос состоялся 27 мая 1937 года, проведен самим начальником УНКВД по Свердловской области Дмитриевым. Этот протокол состоит из 22 машинописных листов. Второй допрос датируется 25 июня и проведен Ревиновым. Других протоколов допроса Гольышева в деле не имеется.

Основными обвинениями, фигурирующими в материалах допросов Гольышева, стали контрреволюционная и антисоветская деятельность (в материалах допросов Гольшев назван одним из активных участников контрреволюционной организации правых на Урале). Протоколы допросов, отпечатанные на машинке и явно принадлежавшие перу самого начальника УНКВД по Свердловской области Дмитриеву, А.Я. Гольшев подпись, он сознался во всем. Надо отметить, что Дмитриев был настоящим «ежовским опричником», он явился автором-фальсификатором чудовищного контрреволюционного заговора правых на Урале, назначив в качестве основных его главарей первых лиц областного партийного и советского руководства. Александр Яковлевич Гольшев как нельзя лучше подходил на эту роль: до 1934 года работал заведующим отделом культуры и пропаганды Свердловского обкома ВКП(б), а значит, должен был общаться с «троцкистами», гнезда которых были свиты в Свердловском институте марксизма-ленинизма, в аппарате крупнейших вузов и т.д. Тем более, что Гольшев в начале 1930-х гг. курировал издание уральской советской энциклопедии, являлся одним из ее редакторов. И в протоколах допросов, и на заседаниях пленумов обкома 1937 года эта энциклопедия очень часто упоминается. Дело в том, что в 1936 году за троцкизм было арестовано большинство составителей энциклопедии. Гольшев был обвинен Дмитриевым в том, что прикрывал «гнездо троцкистов». В мае 1937 года на заседании XV внеочередного пленума прозвучал любопытный сюжет. Секретарь Ленинского райкома ВКП(б) г. Перми А.Д. Золотарев, жалуясь на то, какой отвратительный человек был этот враг народа Гольшев, упомянул: «Кабаков, как идиот, достает большую энциклопедию и говорит: вот тут тоже есть вредители, неужели теперь ставятся эти вопросы, что вы с этой энциклопедией... Я ему заявил: “Тов. Кабаков, очень неудачное сравнение, тут группа контрреволюционеров в 12 человек посажена и Гольшев редактировал”. Совершенно не приняли во внимание»¹⁹. Как видим, даже Кабаков сразу не проявил бдительность, не заподозрил Гольшева в троцкизме! Уральская энциклопедия стала предметом для разговоров уже после ее закрытия. Первый секретарь обкома А.Я. Столляр, сменивший И.Д. Кабакова,

¹⁸ ГОПАЛО. Ф.641/1. Оп.1. Д. 11275. Т.1. Л.17.

¹⁹ Стенограмма XV внеочередного пленума Свердловского обкома ВКП(б) 22–23 мая 1937 г. ЦДООСО. Ф.1. Оп. 15. Д. 26. Л.135.

рассказывал на II областной партийной конференции в июне 1937 г.: «Я недавно просматривал в свое время изданную Уральскую энциклопедию. Сейчас она ликвидирована. И я натолкнулся на такой странный раздел, называется он «боевики». Мы в нашей партии никогда не рассматривали боевиков особо, а здесь целый раздел посвящен боевикам. Когда я читал этот раздел, а специально я не занимался историей партийной организации Урала до сих пор, надо будет заняться обстоятельно, у меня сложилось впечатление, что на Урале немало максималистов, которые и потом попытались выдавать себя за большевиков, немало было максималистов и левых эсеров, которые впоследствии корчили из себя большевиков. Я сужу об этом по этому Гольышевскому (писал не Гольшев, а кажется Петров) разделу о боевиках. Но меня здесь интересовали не исторические вещи, исторически там все перепутано, это статья направлена по сути дела против Ленина, против большевиков, в ней примерно доказывается так, что Ленин и остальные были под влиянием меньшевиков и вот только уральские большевики были настоящими большевиками. Это для того, чтобы оправдать максималистские, эсеровские настроения отдельных людей. Но не поэтому я заговорил об этом разделе, заговорил об этом разделе как о нахальной террористической деятельности. Когда я прочитал, то убедился, что издано Гольшевым и троцкистами со специальной целью организовать борьбу против нас»²⁰.

Одним из важнейших эпизодов, фигурирующих в материалах обвинения, стало участие Гольшева в заседаниях контрреволюционного сбояща — «салона Чудновского». Чудновский, бывший председатель областного суда, арестованный в 1937 году, часто организовывал у себя на квартире вечера, на которые приглашались представители свердловской партийной «верхушки». На этих вечерах танцевали под патефон, нередко выпивали. Однако в условиях постоянного поиска врага обычные вечеринки превратились в «салон контрреволюционной группы». Вот как характеризовал салон Чудновского Дмитриев: «Он [Чудновский] старался вовлечь людей побольше из состава областного актива. Всем было известно, что к Чудновскому можно прийти без особых затруднений и приглашений, он выявлял настроения, нащупывал, и если считал лицо подходящим, привлекал его к контрреволюционной работе»²¹. На одном из заседаний пленума обкома, состоявшегося в марте 1937 года, очень активно шло выяснение всех обстоятельств, связанных с салоном Чудновского: чем там занимались, кто его посещал, когда и сколько раз. Надо отметить, что «контрреволюционный» характер салону был придан работниками НКВД совершенно внезапно. Об этом свидетельствует высказывание первого секретаря Свердловского обкома ВКП(б) И.Д. Кабакова: «Если бы я был хорошо информирован,

²⁰ Стенограмма II областной партийной конференции 14 июня 1937 г. ЦДООСО. Ф.4. Оп.15. Д.2. Л.73-74.

²¹ Стенограмма II областной партийной конференции 14–16 июня 1937 г. т.2. Там же. Д.3. Л.49.

что там вырабатываются решения правых, то я бы давно вас оттуда как галок растаскал. Я просто считал, что вы там выпиваете»²².

По вопросу посещений этого салона Голышевым в стенограмме сказано однозначно: он его не посещал. Да и он сам говорил, что «за семь лет работы на Урале, ни у кого не был»²³, «Когда у меня свободное время, я занимаюсь с ребятами, или работаю над собой. Я не пью. <...> В Свердловске я жил 5 лет, ни у кого не бывал, у меня не бывали. Не потому что я чураюсь, а просто такого склада характер»²⁴. Однако в материалах архивно-следственного дела Голышев уже выступает в качестве одного из активных его участников.

На следствии А.Я. Голышев сознается и подписывает все протоколы допросов, искусно сфабрикованные Дмитриевым. Вероятно, в той ситуации иного и быть не могло: методы выбивания показаний уже довольно давно и подробно описаны в отечественной исторической литературе²⁵.

Приговор не заставил себя ждать: на закрытом судебном заседании Военной коллегии Верховного Суда СССР 4 августа 1937 года А.Я. Голышев был приговорен к высшей мере наказания – расстрелу с конфискацией всего лично ему принадлежащего имущества²⁶.

В этой истории жизни партийца среднего звена мы обнаруживаем факты, обнародованные в стрессовой ситуации (стенограммы пленумов, собраний). Эти материалы позволяют, во-первых, уточнить фальсифицированные сведения из прежних партийных характеристик, пополнить живым материалом скучные перечни званий и должностей, вскрыть клановые интриги вождей местного значения. Материалы партийного следствия, в случае, если они отложились в архивно-следственном деле, позволяют расшифровать амальгаму, сотворенную следственным аппаратом, отделить фальсификаты от фактов.

²² Стенограмма XIV пленума Свердловского обкома ВКП(б) марта 1937 г. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 15. Д. 18. Л. 72.

²³ Стенограмма XIV пленума Свердловского обкома ВКП(б) марта 1937 г. там же. Л. 68.

²⁴ Архивная выписка из стенограммы заседания VIII пленума Пермского горкома по вопросу «Итоги февральского пленума ЦК ВКП(б)». 25.03.1937 г. ГОПАПО. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 11275. Т. 2. Л. 59.

²⁵ См., например: Станковская Г. Как делали «врагов народа» / Годы террора: Кн. памяти жертв полит. репрессий. – Пермь, 1998.

²⁶ ГОПАПО. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 11275. т.1. Л. 136.

Галина Орлова

Смерть как биографический факт:

Об одном утраченном мотиве малого политического некролога

Галина ОРЛОВА

кандидат психологических наук, доцент
Южного федерального университета
(Ростов-на-Дону),

Если последовательно разглядывать фотографии в советских газетах с момента их появления там в середине 1920-х годов, то трудно отделаться от впечатления, что собственно политическое освоение фотографической формы в СССР начинается со съемки демонстраций и похоронных церемоний. А первым опытом выявления качественно нового в человеке, нулевой точкой фиксации, предшествующей появлению в фокусе ударников-физкультурников-летчиков, становятся ритуальные снимки усопших вождей, сопровождающие обширные некрологи. Вклад культурных технологий проработки смерти в конструирование советского мира и определение советского человека – будь то популяризация кремации и культ крематория или же юбилеи, приуроченные к датам смерти великих, и создание советского Пантеона – еще предстоит изучить. Однако высокий дискурсивный статус политического некролога в центральных газетах – одной из базовых для современности

galchonka22@yandex.ru

техник публичного укрощения смерти – уже неоднократно отмечался исследователями¹.

Политический некролог (т.е. текст, созданный на смерть лица, чья позиция описывалась в категориях политических – вне зависимости от статуса и рода занятий) совмещал в себе сообщение о смерти, краткую историю жизни покойного, изложенную с позиций идеальной (на текущий политический момент) биографии и формулы скорби. Он использовался для конструирования/легитимации символического порядка и массового дискурсивного производства советского в человеке². Жанр, обнаруживающий столь интенсивную связь со структурами советской реальности, пришел в упадок вместе с СССР. А его постепенная, но неизменная формализация, различимая с 50-х годов прошлого столетия, вполне может рассматриваться в качестве индикатора обветшания, а потом и деградации дискурсивных оснований советского универсума³.

Уточняя характер этой формализации, С. Корсаков, например, указывал на изменения в авторстве текста (от лично знавших усопшего – к незнакомым) и истончение персонологического слоя некролога, А. Рейтблат фокусировался на его клише и формулах⁴. Я же обратила внимание на вытеснение из формульного текста смерти. Смерть, делавшая биографию некрологом и активно присутствовавшая в текстах 1920–1930-х годов в качестве биографического факта, постепенно из некролога исчезает, тем самым, изменяя экзистенциальный, онтологический и дискурсивный ландшафт скорбного жанра.

Мои заметки – о формах и эффектах присутствия смерти в некрологе первых десятилетий советской власти. Они составлены на материале малых некрологов, опубликованных в «Правде», определявшей/представлявшей советский канон в целом и политику проработки смерти в частности.

¹ В формульном тексте, приуроченном к кончине лица, небезразличного советской общественности и власти, Джекфри Брукс видит утилитарную для перевоплощенного десятилетия регулярно публикующую «форму сообщения об индивидуальном опыте». Ссылка на статью Дж. Брукса (Brooks J. Revolutionary lives: public identities in Pravda during the 1920s // New directions in Soviet history. Ed. S. White. Cambridge, 1991) по Балина М. «Какой-то непроявленный жанр: мемуары в литературе соцреализма // Советское благовест. СПб., 2002. С.241–259. С.244. Катерина Кларк обнаруживает в некрологе образец для героя соцреалистического романа. Точнее, К. Кларк берет некролог в качестве яркого примера большевистской публицистики, моделирующей идеальную личность («статья Бухарина, посвященная памяти Я Свердлова»). Кларк К. Советский роман: история как ритуал. Екатеринбург, 2002. С.68–69. А Марина Балина предлагает рассматривать некролог как исток советской мемуаристики: ему отводится роль персонологической матрицы, состав которой, впрочем, разобран избирательно, а поправки к жанру, внесенные за советский период, описаны в первом приближении. Балина М. Цит. соч. С.245.

² Орлова Г. Биография (при)смерти: поэтика советского политического некролога // Неприкосновенный запас. 2009 (в печати).

³ О возможностях соотношения порядка языка и политического порядка см. Розеншток-Хюсси О. Речь и действительность. М., 2008.

⁴ Рейтблат А. Некролог как биографический жанр // Право на имя: Биография вне шаблона. Сборник докладов участников 3-х международных биографических чтений памяти В. В. Иофе 22–24 апреля 2005 г. – СПб., 2006. С.3–10. С.7.

«малый»: калибр некролога

Упоминание о «малом» некрологе неслучайно, ибо некрологи, которые публиковали главные советские газеты, были очень разные: среди них встречались скупые извещения в несколько строк на последней полосе⁵, а были и очень большие некрологи – многодневные и многополосные ансамбли, созданные на смерть вождей и героев⁶. Текст, выявляющий место покойного в социальном порядке и порядок этот воспроизводящий, был многогранен, повторяя вариативность позиций внутри советской иерархии⁷. Но основную дискурсивную массу составляли именно малые некрологи.

Их размер не превышал 25–70 строк. Иногда с портретом. Текст публиковался, а иногда и писался в день похорон. Подписывался одним лицом («твой друг, Лилия Балашова», *М.Р.* (16.01.20) – инициалы встречаются до середины 1930-х), «группой товарищей» (такая формулировка сохранялась до середины 1960-х), поименованной группой («сибирские подпольщики», «старые большевики»), официальной инстанцией или списком, который в послевоенную эпоху все чаще воспроизводил состав ЦК или правительства.

До конца 1930-х годов малый некролог не имел своего места (всюду, кроме первой полосы), позднее он появлялся преимущественно в правом верхнем углу последней полосы. Чтобы стать его героем, в раннюю советскую эпоху достаточно было быть настоящим (старым) большевиком, а в позднюю – партийным или советским чиновником высокого ранга.

Под фамилией покойного, взятой в траурную рамку, размещались компактная история его смерти. Со смертью и большой историей («Октябрь застал его...», «Февраль 1917 застал его...») соотносилась непротиворечивая биография, описываемая в категориях полноты вклада («отдавал все свои силы, знания, опыт, энергию») и непрерывности политического участия. В малом некрологе 1920–1930-х годов оставалось место и для биографических деталей, создающих ощущение живого человеческого присутствия: «А она вдруг принесла какую-то тетрадку и заявила, что написала льесу» (24.04.20). По мере формализации жанра – а малый некролог подвергся ей в наибольшей степени – частности исчезнут.

⁵ Примечательно, что частные извещения («братья с глубоким прискорбием сообщают о смерти члена ВКП(б), студента Высшего Энергетического Училища» (22.11.30)), соотносившие порядок родства с советским порядком, встречаются в «Правде» вплоть до начала 1930-х годов.

⁶ Пример тотального некролога и – одновременно – случай исключительный – цикл, опубликованный в «Правде» на смерть Кирова – вождя и героя разом (всего со 2 по 7 декабря 1934 года главная газета страны отвела под него 37 полос, опубликовав более 500 текстов и фотографий – извещений, собственно некрологов, репортажей с траурных митингов и, конечно, из Колонного зала Дома Союзов, телеграмм на имя Сталина, воспоминаний, клятв, стихов и даже песен).

⁷ Об иерархии дореволюционного некролога николаевской эпохи см. Кузовкина Т. Некролог Булгарина Жуковскому // Пушкинские чтения в Тарту. З. / Ред. Л. Киселева. Тарту, 2004. С. 276–293.

Реестр знаковых для большевика (партийца, коммуниста) качеств, при помощи которых имитировался портрет, а, по сути, создавался идеальный политический типаж, — один из самых чутких к конъюнктуре элементов малого некролога. Персонажи революционных некрологов 1920-х преисполнены энергии («полный кипучих сил и идей, революционер военной мысли» (14.07.31), «горела огнем» (30.07.31)) и самоотдачи («он совершенно не заботился о себе»), сталинской эпохи — преданности («активный борец за генеральную линию партии», «до конца преданный делу нашей партии») и дисциплинированности («энергичный и дисциплинированный член партии» (27.08.35)), текстов эпохи борьбы с космополитами — патриотизма («пламенный патриот своей Родины, верная дочь партии Ленина—Сталина...» (12.05.48)), а в некрологах оттепели можно найти указания на гуманистический универсализм («Инженер, влюбленный в технику, он великолепно разбирался и в живописи» (26.04.67)).

Не без помощи этих формул посмертное жизнеописание перерабатывало жизнь и личность покойного в образец («всегда... давая образцы», «это будет молодежи хорошим примером»). И если большой политический некролог использовался преимущественно для (вос)производства советского символического порядка (порядка догм, истин, прошлого, морали, образцов), то малый был, прежде всего, инструментом массового помещения человека в этот порядок. А завершался он экспрессивными клише, поддерживающими работу меланхолии.

В времена позднего социализма малый некролог достиг предела формализации и был фактически одной сплошной формулой. Здесь биография была заменена реестром номенклатурных мест и должностей, портрет — общим для всех покойных списком нормативных качеств, а история смерти — узнаваемыми и непроницаемыми конструкциями «в результате долгой и продолжительной болезни/скоропостижно» или «на трудовом посту». Эти клише уже ни о чем не рассказывали, а лишь задавали рамку жанра.

история смерти

Некрологи 1920–1930-х годов, которые публиковала «Правда», напротив, рассказывали о смерти человека наравне с его жизнью, совмещая историю смерти и историю «долгой и продолжительной болезни» («Год назад тов. С. тяжко заболел. В течение этого времени ему удавалось иногда немного поправляться, и он тотчас неистово набрасывался на работу. Но жестокая болезнь снова приковывала его к кровати. И, наконец, перетрудившееся сердце не выдержало операции и перестало биться» (03.08.31)) или же вписывая в историю смерти актуальный политический момент («Накануне смерти, буквально за день до нее, она спрашивала каждого, приходящего к ней, отразил ли пленум

ЦК надвигающуюся правую опасность и опасность примиренчества, которые она со всей силой своей прямой натуры и со всем убеждением выдержанного партийца клеймила как «самое опасное зло»(28.11.28)). Эти рассказы были полны конкретики и непосредственности, отсылали к уникальным обстоятельствам ухода из жизни, сообщали о событии и человеке аффективным, метафорически насыщенным языком.

формулы смерти

Сама формула констатации смерти еще не была унифицирована, а потому для персонажей некролога сохранялась возможность умереть по-разному, впрочем, в полном соответствии с базовыми для эпохи стратегиями концептуализации смерти: уйти, заснуть, перестать быть, быть вырванным из рядов и, конечно, романтически – сгореть («И сгорел. Наработался. Как это слишком часто теперь случается, сердце не выдержало болезни, которая при других условиях могла бы и не иметь такого исхода» (19.08.1926)). Пафос и аффектация различимы в метонимических описаниях смерти («Не стало С.М.Ш. Потухло пламенное сердце, перестал работать мозг крупного организатора здравоохранения» (10.01.30)). Как и в этом случае, уход из жизни мог быть вписан в безличный порядок вещей при помощи безличных же конструкций, обставлен как проявление активности покойн(ого)ицы («умерла стойкая большевичка») или же представлен как результат действий внутренних органов (тела, не государства), болезни, эпохи, случая («волею случая, пока еще не определившихся причин аварии самолета погиб замначальника штаба РККА» (14.07.30)) или самой смерти («смерть вырвала из рядов коммунистов еще одну жертву»).

о порядке взаимодействия

В том случае, если отношения между покойным и смертью затрагивались в некрологе, они выстраивались вокруг перераспределения активности и описывались в континууме «жертва – бешеное сопротивление»: «Он бешено сопротивлялся, долго, отчаянно боролся за жизнь. Невероятные усилия и крик угасающей воли не спасли его. Страшная болезнь почек его доконала». Сопротивление смерти/смертельно опасной болезни становится одним из наиболее эффективных (и не только в некрологе, если вспомнить эмблематическую для тридцатых историю Николая Островского) способов выявления базового психополитического свойства большевика/советского человека – его воли. Зачастую эта борьба описывалась в категориях политического: «Выдержанная коммунистка, она страстно боролась со смертью в течение свыше тридцати

дней, не желая, как она говорила, дешево отдавать нужную еще партии жизнь» (28.11.28).

Момент истины

Время приближения смерти (как правило, от нескольких дней до нескольких месяцев), как оно представлено в некрологе, – это особый лиминальный период, в котором проявляется «истинное» человека («это необыкновенно светлый человек, который даже в течение долгих месяцев тяжелой болезни, даже перед лицом неотвратимой смерти не дал пессимизму омрачать свой светлый ум»(02.01.34)) или истина политического выбора («Её предсмертные письма полны бодрости и уверенности в победе дела пролетарской революции и в безусловной правильности той линии, которую наша партия ведет» (22.11.30)).

детали и клише

Смерть в некрологах 20–30-х годов обставлена подробностями – времени, действия и, конечно, места («умерла на аригитпароходе «Красная звезда»» (17.07.21), «в Сухуми», «вчера в Ялте в туберкулезном институте» (27.07.28), «на отдыхе» и т.д.). В этот недолгий период в политическом некрологе есть место для самоубийства и артикуляции его причин: «Вчера застрелилась Р.А.Т. У нее в Тюмени от тифа в прошлом году умер старший сын, юный, великолепный коммунист, и она с этим не могла помириться» (03.12.20). Формула «на трудовом/боевом посту», которая в дальнейшем включит в себя все многообразие анонимных обстоятельств смерти, уже различима, но еще полна конкретики: «М. погиб на боевом посту при проведении в горном районе хлебозаготовок и колхозификации. Он геройски до последних сил боролся с кулацкой бандой и был убит в неравной схватке» (14.04.31).

Сосуществование формул и фактуры, первые опыты механического наложения «возвышенной» категориальной сетки на «профанное» многообразие случаев иногда дают дискурсивные сбои. И тогда смерть командированного на операционном столе идентифицируется как «смерть на посту» («Тов. К. умер на посту. Командированный в Германию по делам службы, Н.С. почувствовал сильные приступы застарелого аппендицита. Врачи в Берлине предложили ему сделать операцию. Но истощенный тяжелой многолетней и ответственной работой организм и больное надорванное сердце не выдержали сравнительно легкой операции. И после операции тов. К. скончался» (13.06.28)), а в смерти пешехода находится место для политического пафоса: «Бессмысленный случай

(упала под трамвай) вырвал из наших рядов одного из верных солдат нашей партии» (29.11.28).

все, что вы (не) хотели знать об опасных болезнях

Но, конечно, самыми подробными обстоятельствами оставались те, что поясняли болезнь как главное обстоятельство смерти: «Поездка в Москву подкосила Д. Тогда еще не был готов мост через Каму и ей пришлось переходить по льду. Она простудилась, и уже на партийной конференции в съезде Советов ее друзей встревожил зловещий кашель и яркий румянец. Напрасно уговаривали её лечь в санаторию...» (24.04.20). Уход из жизни в советских некрологов 1920–1930-х годов медиакализирован, а сами некрологи выступают своего рода путеводителем по болезням или даже диагнозам, изложенным, впрочем, житейским языком: «умер. туб. менингит», «тяжелая болезнь (порок сердца) вырвала её из наших рядов в рассвете сил» (16.09.31), «туберкулэс сломил таки ее, так упорно сопротивлявшуюся смерти», «страшная болезнь почек его доконала», «долгие годы подполья и гражданская война надломили его неспокойное, бурное сердце» (19.08.26).

В исключительных случаях режимы медицинского и беллетристического описания совмещаются, насыщая историю болезни настоящей интригой: «Он умер от того загадочного «сепсиса», который уносит уже не первого из наших рядов, начинаясь пустяками, но в неделю-другую укладывает человека в гроб. Почва же, конечно, была подготовлена нефритом» (09.04.28).

организм и износ

Если же смерть наступала в результате «неопасной болезни», использовалось объяснение, присущее исключительно описываемому периоду, – общий износ организма: «Знавшим его казалось, что десять лет борьбы за освобождение трудящихся совершенно не отразились на его организме. Его лицо дышало молодостью и здоровьем, а между тем его подломленный организм не выдержал сравнительно неопасной болезни» (08.04.28). Эта стратегия концептуализации смерти опиралась на присущий двадцатым годам механицизм в понимании биологического/физиологического функционирования. Человек, так или иначе, сопоставлялся с машиной: «Он работал так, как не может работать машина, которой все же дают отдых. Он отдыха и отпусков не знал. В этом, конечно, основная причина его ранней смерти» (08.04.28). Поэтому акцент делался на сроках («десять с лишним лет трудной работы К. на боевом посту подорвали его силы» (17.09.31)) и режимах эксплуатации («Он мог еще много лет про-

работать, но болезнь, а главное – изношенность организма, прежде времени вырвала его из наших рядов. Он горел на работе, весь отдавался ей, не обращая внимания на свое здоровье» (19.09.31).

Описание этих режимов содержало в себе скрытую, а временами и вполне эксплицированную оценку издережек и дефектов современности («жизнь, сотканная из упорной борьбы и постоянной напряженной работы, жизнь, полная лишений», «наша прекрасная, но и жестокая эпоха»).

смерть как политический игрок

В довоенных малых некрологах смерть нередко бывала таким же действующим лицом, как сам покойный, партия и оставленные в скорби/гневе/клятвах живые. Правда, её действия, как правило, ограничивались формулой выбора жертвы («из рядов большевистской гвардии смерть вырвала одного из революционеров...», «смерть выбрали на этот раз трудно восстановимую потерю», «смерть вырвала из рядов коммунистов еще одну жертву»). В особых случаях смерть проявляла не только метафизическую, но и дискурсивно-политическую активность: «На смену гибнущим идут сотни и тысячи новых. И победа за нами. Так говорит нам всякая смерть товарища, так говорит нам смерть товарища И.» (12.10.20). Ей не только приписывалась просоветская позиция, а в уста – вкладывались большевистские истины, но и сама граница между смертью и сакральным измерением советского универсума стиралась. Тогда у смерти и революции могло быть общее имя. И общая программа действий: «Революция требует жертв. И революция целиком взяла Д.» (21.07.26).

Тексты такого рода указывают на опыт политической проработки, освоения и даже присвоения смерти. А потому её исчезновение из советских политических некрологов послевоенного периода имеет смысл характеризовать не только в категориях «далекой смерти», описанной Филиппом Арьесям⁸ в качестве современной парадигмы отношения живых к мертвым, но и в категориях ослабления политической хватки советского дискурса.

⁸ Арье Ф. Человек перед лицом смерти. М.: Прогресс, 1992.

Наталия Демина

Этос российской социологии 1977–2007 гг.: Контент-анализ некрологов и юбилейных статей¹

Наталия ДЕМИНА

магистр математики и социологии,
обозреватель
информационно-аналитического портала
«Полит.ру»

«Некролог – последняя мистификация,
посланная как бы вдогонку
ущедшему»²

Г.С. Батыгин

Идея изучения некрологов как важных, порой носящих ритуальный характер, текстов, нередко сопровождающих переход человека в мир иной и кратко подводящих основные итоги его бытия, при операционализации понятия «этос сообщества» не нова. Само слово «некролог» означает «слово о мертвом», ведя свое начало от греческого «*necros*» – покойник и «*logos*» – слово. Как отмечается в «Словаре литературных терминов», некролог – это «небольшое произведение, посвященное недавно умершему человеку, сообщающее кратко данные его биографии и деятельности. В первые века христианства

demina@universitas.ru.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 07-03-00187а).

² Батыгин Г.С. Ремесло Пауля Лазарсфельда (введение в его научную биографию) // «Вестник АН СССР». 1990. №8. С. 94–108. [online] URL: (<http://www.socjournal.ru/article/547>)

было принято записывать имена умерших в церковные книги для поминовения. В средние века эти записи, более расширенные, перешли в календари, которые велись при духовных учреждениях и монастырях. Краткие, чисто фактические записи с течением времени приняли форму хвалебного слова умершему»³.

На первых «Батыгинских чтениях» (16–17 февраля 2007) социолог Олег Божков, приводя примеры поиска адекватной методики для решения той или иной научной проблемы, рассказал о своем исследовании конца 1970-х. Тогда он и его коллега Алексей Семенов, в рамках проекта В.А. Ядова, провели анализ реальных ценностей людей труда через изучение некрологов в советских газетах:

Мы ...занимались ценностями и обратили внимание на то, что есть ценности декларируемые, а есть идеальные. И было непонятно, как ухватить эти ножницы между декларируемыми и реальными ценностями. Газеты, понятно, писали о декларируемых ценностях. Мемуары, воспоминания людей тоже сильно редактировались, подтягивались под существовавшие идеалы и требования времени. Спрашивать людей в советское время об их настоящих ценностях было небезопасно как для самих социологов, так и респондентов. И возникла проблема, как вообще пробраться к этому.

Одним из выводов исследователей оказался парадоксальный и почти антисоветский факт: в то время декларировалось, что главный человек в стране – это рабочий, но, судя по некрологам, это было совсем не так. Божков отмечает, что некрологов, посвященных простому человеку, почти не было. «Некролог рабочему публиковался только в тех ситуациях, если он был Героем Соцтруда и членом высоких партийных комитетов»⁴.

Мы, в свою очередь, обратились к изучению некрологов и их более счастливых «собратьев» – юбилейных статей – для изучения трансформации этоса науки одного из академических сообществ, претерпевшего в результате политических и социальных реформ серьезные перемены – сообщества сначала советских, а потом российских социологов за период с 1977 по 2007 год.

Методология исследования

Для изучения трансформации этоса российских социологов мы провели контент-анализ некрологов и юбилейных статей в следующих журналах: «Со-

³ Некролог // Словарь литературных терминов. Фундаментальная электронная библиотека «Русская литература и фольклор» (ФЭБ). [online] URL: (<http://feb-web.ru/feb/slt/abc/lt1/lt1-5083.htm>).

⁴ Божков О. Адекватность используемых методов как методологическая проблема на всех этапах исследования. Стенограмма выступления на Батыгинских чтениях, ИС РАН, 16 февраля 2007 г.

циологические исследования» («СОЦИС») (1977–1993, 2001–2007) и «Социологический журнал» (2001–2007).

Задачей нашего исследования было, во-первых, выявить ценностные ориентации социологического сообщества, позитивные критерии оценки работы социологов. Во-вторых, мы намеревались сопоставить набор положительных качеств советских социологов (1977–1987) с репертуаром современных норм российских социологов (2001–2007), чтобы ответить на вопрос о том, имеет этот этос этой дисциплины устойчивый или изменчивый характер, существует ли временная специфика репертуара норм, насколько он зависит от политического режима, идеологии и пр.

При изучении этоса советских социологов нам также показалось интересным проверить теоретическую концепцию советского, а затем американского социолога Дмитрия Шалина. Этот исследователь, в своей статье 1979 года «Международный этос науки и этос идеологии», внимательно проанализировал то постоянное напряжение, неослабевающий конфликт между идеологической и научной повестками дня, присущими жизни советских ученых в 1970–1980-е⁵.

Помимо уже известной нам Мertonовской концепции «этоса науки» (1942, 1957), он использует концепцию «этоса идеологии», вводя её как дополнение к классическим императивам Р.К. Мертона. Если Мertonовскую систему норм идеального научного сообщества можно записать в качестве акронима CUDOS по первым буквам следующих императивов:

C – Communalism – Всеобщность научного знания,
U – Universalism – Универсализм,
D – Disinterestedness – Незаинтересованность (бескорыстие),
OS – Organized Skepticism – Организованный скептицизм⁶, с прибавлением к ним двух позднее добавленных норм:
Originality – Оригинальность,
Humility – Скромность⁷,

то система норм советской социологии, по Дм. Шалину, выглядела так: «Научный изоляционизм, научный национализм» (*privatism*) как замена Мertonовской «Всеобщности научного знания». Этим подчеркивается «универсальность» вклада советских социологов в кладовую научного знания, декларации о превосходстве советской социологической школы над всеми другими. Иллюстрацией распространения этого императива были сталинская кампания против космополитизма в советской науке, засекречивание материалов

⁵ Shalin Dmitri N. Between the Ethos of Science and the Ethos of Ideology // Sociological Focus. 1979. Vol. 12. No. 4. P. 275–293.

⁶ Merton R.K. The Sociology of Science: Theoretical and Empirical Investigations / Ed. and with an Intro. by Norman W. Storer. Chicago and London: The University of Chicago Press, 1973. P. 268–269.

⁷ Там же. Р. 293–305

исследований и др. меры по предотвращению свободного распространения социологической «несанкционированной информации».

«Классовый имперализм, монополия одного класса» (imperialism) как замена Мертоновскому «Универсализму». Этот императив обозначает, что социологической теорией, отвечающей высшим стандартам научной истины, считалась идеология марксизма-ленинизма. Органы ЦК КПСС давали добро или запрещали использование неортодоксальных научных теорий, в т.ч. с Запада. В частности, советские социологи получили разрешение на использование в своей работе концепции структурного функционализма.

«Партийность» (partisanship) – поддержка учеными интересов той или иной партии, группы людей – как замена Мертоновской «Незаинтересованности». Примерами, иллюстрирующими этот императив, были постоянные шаги советских идеологических органов по сокрытию, уничтожению критических данных о состоянии советского общества, хорошо организованные атаки на некоторые социологические центры, в некоторых случаях приведшие к их ликвидации или полной реорганизации.

«Организованная травля, коллективное осуждение» (organized ostracism), коллективный остракизм, направленный против тех, кто позволил себе неправильную точку зрения, как замена Мертоновскому «Организованному скептицизму». Примерами для иллюстрации широкой распространенности данного явления являются известные кампании против социологов, придерживавшихся либеральной точки зрения: гонения против Ю. Левады, В. Голофаста, А. Алексеева и др.⁸.

По мнению Дм. Шалина, с которым мы склонны согласиться, этонауки в советской социологии слился с этосом идеологии, причем последний имел явный приоритет. Советские социологи, хотя и внесли свой уникальный и ценный вклад в мировую науку, были по большей части «съедены» идеологией марксизма-ленинизма. Социологам была представлена престижная роль доверенных лиц по охране устоев и пропагандистов, часть их них спасалась написанием текстов в стол, уходом в изучение классиков и др. От марксистских ученых, как от исследователей реальности, требовался постоянный пересмотр их теорий перед лицом изменяющейся действительности. Однако в силу того, что они являлись «представителями пролетариата», от них ожидали постоянной готовности дать отпор ревизионизму. На практике этот тезис означал, что интересы Партии всегда соответствовали объективной научной истине, и научный, прежде всего, должен был быть идеологом и только затем исследователем реальности. Иллюстрацией этого тезиса может служить хотя бы тот факт, что в журнале «Социологические исследования» (№2, 1981) первая статья называ-

⁸ Shalin Dmitri N. Between the Ethos of Science and the Ethos of Ideology // Sociological Focus. 1979. Vol. 12. No. 4. P. 286-287.

лась так: «Решения XXIV съезда КПСС – программа развития социологической науки».

Сама возможность возрождения социологии в СССР стала возможной лишь потому, что руководящие органы ЦК КПСС были уверены, что этос социологической науки подстроится под этос советской идеологии. Социолог Борис Фирсов утверждает, что кандидатуры на должности докторов наук утверждались в ЦК. Он сообщает, что «даже должности старших научных сотрудников были предметом заботы партийных органов. Такое усердие проявлял Ленинградский обком КПСС»⁹.

Шалин подчеркивает, что «этос идеологии», как и «этос науки» – это идеальные типы. Он отмечает, что мы имеем дело с идеалом, нормативными ожиданиями, на основании которых мы можем говорить о том, насколько реальное поведение людей отличается от наших идеально-типовических конструктов. Различие между этосом науки и этосом идеологии нужно использовать как эвристический инструмент, а не как точное описание существующей реальности¹⁰.

Он справедливо считает, что идеология является инверсией научного идеала, в той мере, в какой «этос науки» призывает к свободной конкуренции, беспрепятственному доступу к научным результатам, широкому распространению знания, и в оценке научного вклада опоре на экспертизу коллег (peer review). Дух идеологии противостоит «этосу науки», в той мере, в какой он поощряет партийность в науке, классовый подход, преимущество интересов одного класса и борется против тех ученых, которые отходят от генеральной линии партии¹¹.

«Идеальный» советский социолог (1977–1986)

Итак, обратимся к контент-анализу журнала «Социологические исследования» 1977–1986 годов. В его подшивке мы обнаружили 5 некрологов и 7 юбилейных статей:

- 1977, 1978 – 0.
- 1979 – 1 (некролог В.Г. Подмаркову).
- 1980 – 1 (некролог Г.Е. Глазерману).
- 1981 – 4 (их них 3 юбилейные статьи к 80-летию академиков Ф.В. Константинова, М.Б. Митина и А. Сирацкого, некролог Б.Ц. Урланису).
- 1982 – 1 (некролог В.М. Квачахия).

⁹ Фирсов Б.М. Связь времен. Девять сюжетов о прошлом, настоящем и будущем. СПб. Европейский дом, 1997. С. 38, 7.

¹⁰ Из личного e-mail сообщения Дм. Шалина Н. Деминой, 7 декабря 2007 г.

¹¹ Shalin Dmitri N. Between the Ethos of Science and the Ethos of Ideology // Sociological Focus. 1979. Vol. 12. No. 4, P. 275–293.

1983 -3 (их них к 2 юбилейных статьи к 60-летию академиков В.Г. Афанасьева, В.Н. Кудрявцева и член-корр. Г.Л. Смирнова, некролог Д.П. Кайдалову).

1984 – 2 (юбилейные статьи к 85-летию Б.А. Чагина и 80-летию академика Б.М. Кедрова).

1985 – 0, 1986 – 0.

Сразу обращает на себя внимание редкость самой формы некрологов и юбилейных статей в честь советских социологов. Отдельной статьи заслуживали только академики, в крайнем случае, член-коррь или другие «видные советские ученые». Некрологам «простых» ученых выделялось место в конце журнала, тогда как юбилейные статьи и некрологи советских руководителей, а также В.И. Ленина, К. Маркса – публиковались в качестве передовицы, в начале каждого номера. Так, в «Социологических исследованиях» были опубликованы: юбилейная статья к 70-летию Л.И. Брежнева (№1, 1977), юбилейная статья к 110-летию В.И. Ленина «Творческий вклад В.И. Ленина в развитие марксистской социологической мысли» (№2, 1980), юбилейная статья М.Т. Иовчука, Г.В. Осипова «Творческий вклад В.И. Ленина в развитие марксистской социологической мысли» (№4, 1980), некролог Л.И. Брежнева (№4, 1982), статья к 100-летию со дня смерти К. Маркса (1983).

В списке тех, кто был удостоен юбилейной статьи или некролога – ни одного зарубежного ученого (за исключением К. Маркса). Все статьи в память или в адрес ученых – анонимны, без подписи.

Кто же удостаивался чести быть упомянутым на страницах журнала «Социологические исследования»?

Регалии:

За редким исключением – герой некролога и юбилейной статьи был членом КПСС (иногда подчеркивалось, с какого года он в партии).

Доктор философских или экономических наук.

Профессор (иногда уточнялось, какого института).

Член Президиума или член Правления Советской Социологической Ассоциации.

Член совета по научному коммунизму АОН при ЦК КПСС.

Заслуженный деятель науки РСФСР.

Лауреат Государственной премии.

Проректор (Академии общественных наук при ЦК КПСС и др.), зав. кафедрой.

Биография:

Участник Великой Отечественной войны: «Ушел добровольцем на фронт», «На фронте стал коммунистом. Был ранен».

«Романтическое поколение, пришел в сознательную взрослую жизнь вместе с революцией» (об академике Ф. В. Константинове).

Типичный герой рассматриваемых материалов после окончания учебного заведения был выдвинут на партийную работу.

Ордена и медали:

За заслуги перед партией и государством «идеальный» социолог был награжден орденами и медалями СССР. В изученных материалах указаны ордена Октябрьской Революции, Трудового Красного Знамени, Отечественной войны (II степени), Красной Звезды и другие медали.

В подтверждение концепции Дм. Шалина контент-анализ некрологов и юбилейных статей показал, что научные достижения советских социологов были неразрывно связаны с их борьбой на идеологическом фронте:

Лексическими репрезентантами концепции «этос науки», на наш взгляд, могли бы стать следующие высказывания: «Систематическая и глубокая разработка» научных проблем, «научная добросовестность», ученый – полный «творческих планов и замыслов», «всегда в гуще научной жизни», «наставник молодежи», «блестяще защитил диссертацию», «научные интересы были широки», ученых отличала «разносторонняя образованность» и «высокая эрудиция», «ясность, четкость постановки и решения сложных проблем».

Вместе с тем «этос науки» был неразрывно связан с «этосом идеологии», представленный такими словосочетаниями: «разработка актуальных проблем исторического материализма», «возглавлял кафедру диалектического и исторического материализма», участвовал «в международных научных конгрессах, всегда с научной глубиной и страстью утверждая позиции марксизма-ленинизма», «ему была присуща высокая партийная принципиальность и ответственность в любом деле».

Ученый был, прежде всего, проводником политики партии, что представлено следующими лексическими репрезентантами: «страстный и яркий пропагандист марксистско-ленинской теории народонаселения», «непримиримый борец идеологического фронта», «в самых горячих точках идеологической борьбы на международной арене», «выезжал с лекциями в республиканские, краевые и областные партийные организации», «активно участвовал в деятельности партийной организации факультета, избирался в состав парткома МГУ».

Вместе с тем, в некрологах и юбилейных статьях не раз подчеркивались организаторские способности ученых: типичный герой был «талантливым организатором научных исследований», осуществлял руководство подготовкой крупных коллективных трудов, впрочем, нередко имевших скорее идеологический,

а не научный характер («подготовлен и трижды издан фундаментальный труд «Развитое социалистическое общество...»»).

Наряду с вышеперечисленными качествами, в некрологах и юбилейных статьях того времени давалась высокая оценка человеческих качеств ученого, человеческих инвариантов, без всякой «партийной шелухи»: «замечательный», «талантливый», «честный», «принципиальный», «человечный», «неиссякаемая работоспособность».

«Идеальный» российский социолог (2001–2007)

Для изучения этоса российского социолога мы изучили подшивки двух научных журналов:

1. «Социологические исследования» («Социс») за 2001–2007 годы.

В нем 22 Некролога (памяти Э.В. Тадевоясона, Л.А. Гордона, И.А. Голосенко, Е.А. Якуба, С.Д. Масхуда, В.Т. Лисовского, Т.А. Кудриной, Р.К. Мертона, Г.С. Батыгина, В.Б. Голофаста, В.В. Васильева, Л.Г. Борисовой, Я. Эйдельмана, Г.А. Котельникова, О.Д. Захаровой, Ю.А. Левады, Р.М. Шпаковой, В.Я. Нечаева, М.П. Мчедлова, Л.Г. Костюченко, Ю.Н. Давыдова, В.И. Герчикова) и 1 юбилейная статья (в адрес Кусеина Исаева из Киргизии).

К этому времени, с 1989 года, некрологи уже занимают свое точное институциональное место в журнале на 155–157 стр., а посмертные портреты ученых получают некоторые признаки авторства. Либо это коллективное творчество, подписанное как: «Друзья и коллеги», «Друзья, коллеги, ученики», «Коллеги, друзья, товарищи», «Социологическая ассоциация Украины», «Российское общество социологов» и др., либо это один автор, тот или иной ведущий ученый.

Как видим, из вышеприведенной статистики юбилейных статей почти не существуют, за одним исключением в адрес коллеги из Киргизии.

2. «Социологический журнал» за 2001–2007 годы.

В нем 10 некрологов (памяти И.А. Голосенко, В.Б. Ольшанского, Л.А. Гордона, Г.С. Батыгина, Р.К. Мертона, В.Б. Голофаста, А.О. Крыштановского, Н.В. Паниной, Ю.А. Левады, Ю.Н. Давыдова) и 2 юбилейные статьи (о Г.М. Андреевой, В.А. Ядове).

Институциональное место некролога – в конце журнала, страницы меняются, лишь для гл. редактора журнала Г.С. Батыгина было сделано исключение (2003, 5–11 стр.).

Авторы некрологов и юбилейных статей – это группа коллег: «Коллектив редакции», «Редакционная коллегия» и др., либо друг или наиболее близкий ученик читимого коллеги.

Кто же является героем современных некрологов и юбилейных статей? На лицо явный сдвиг к чествованию или памяти настоящих ученых, а не администраторов в науке.

В некоторых статьях герой обозначен как человек из той когорты «ученых, которые в 1960-е годы возродили социологию...и вывели её на достойный уровень». Еще одним лексическим репрезентантом такого рода является строчка: «она посвятила всю свою научную жизнь самоотверженной и бескомпромиссной борьбе за становление и развитие отечественной социологии».

Стоит отметить, что наряду с отечественными учеными в числе героев рассматриваемых материалов появляются иностранные ученые, что явно свидетельствует о преодолении научного изоляционизма.

Регалии героя:

Доктор (реже кандидат) философских, исторических, экономических или социологических наук.

Профессор или доцент или заведующий кафедры ... Заведующий лабораторией, директор исследовательского центра.

Директор или главный специалист Института.

Руководитель регионального отделения Социологической ассоциации.

Член-корр Российской академии наук (образования, и т.д.).

Почетный работник высшего профессионального образования РФ.

Сотрудник редакции научного журнала.

Заслуженный деятель науки.

Новинка: Эксперт РФФИ.

Отсутствует: Членство в какой-либо партии.

Качества ученого, педагога и организатора подчеркиваются следующими выражениями:

«Поддерживал молодые дарования», «Большая любовь многочисленных учеников...», «Коллектив кафедры, молодые преподаватели и аспиранты постоянно ощущали его поддержку», «Много преподавал», «Изумительный преподаватель», «Блестящий лектор», талантливый, требовательный, внимательный, вдумчивый и вместе с тем требовательный педагог.

«Большие исследовательские и организаторские способности», «руководил многими исследованиями».

«Мастерски владел эпистолярным жанром».

«Никогда не расставался с книгой» (т.е. много читал), «проницательно-рефлексивное чтение».

«Весомое слово на заседаниях социологической ассоциации».

При анализе некрологов и юбилейных статей мы отметили те лексические репрезентанты, которые без усилия представляются императивами концепции CUDOS Р.К. Мертона – этосом академической науки:

Всеобщность научного знания: герои некрологов – авторы многочисленных учебных пособий, монографий, книг, по материалам исследований.

Незаинтересованность: «Бескорыстное служение науке», «Им двигали не расчеты, а жажда научного познания, стремление понять, что же на самом деле происходило...», «Страстное желание узнать новое, обобщить накопленное, прийти к нестандартным результатам», «Образец неутомимой мысли», «в науке искал исключительно истину».

Организованный скептицизм: «Любил острую полемику», «Никогда не утрачивал пытливого взгляда на окружающее, был восприимчив к новому, стремился во всем досконально разобраться».

Оригинальность: «Всем её исследованиям присущ неповторимый авторский почерк».

В этой связи, мы бы хотели отдельно остановиться на некрологе памяти В.Б. Ольшанского («Социологический журнал», 2001, №1, С. 204). Здесь приводятся слова, очень важные для нашего разговора о прошлом и настоящем российской социологии, говорящие о том, что в науке важны не только посты, сколько научная репутация ученого, а также описывающие в то время обычный путь человека в профессиональную социологию.

Репутация: «Он не был обременен высокими должностями и академическими званиями, но его авторитет в профессиональном сообществе был непрекращаем, и имя Ольшанского остается синонимом интеллектуальной честности и служения науки».

Биография: «...Затем философский факультет МГУ и партийная работа. Уже в “посткоммунистические годы”, вспоминая о том времени, он называл свой райком бastiоном социальной справедливости, нимало не смущаясь видимой антикоммунистической эйфорией. Стремление понять жизнь привело В.Б. Ольшанского из обкомовского кабинета в аспирантуру Института философии Академии наук».

В заключение некролога опубликованы слова, которые могли бы стать послесловием к нашей статье: «независимость, стойкость и преданность истине были редкостью во все времена и станутся вечными ценностями».

Рассмотренные нами некрологи и юбилейные статьи дают возможность говорить о еще одном императиве, которого нет в концепции Мертона – императиве «гражданственность». В изученных материалах постоянно подчеркиваются качества героя-социолога как гражданина, подвижника, в т.ч. популяризатора социологии в СМИ.

Гражданственность:

«Со всей страстью ученого и настоящего гражданина откликнулся на изучение поистине революционных перемен, которые начались в стране».

«Всегда открыто и невзирая на внешние обстоятельства, выражал свою научную и гражданскую позицию».

«Аргументированные выступления в прессе».

«Вся жизнь и деятельность – служение обществу, его глубинным интересам, врачеванию его недугов», «энтузиаст, уверенный, что социология поможет обществу и сделает его более справедливым», «обнаженная совесть социологии».

«Общеизвестны его публицистические выступления, работы на темы нравственных проблем современности».

«Искренний и горячий патриот России».

«Систематически представлял результаты социологических разработок в массовых изданиях, причем в блестящем журналистском исполнении».

Вместе с тем, как и в материалах советского времени, в некрологах и юбилейных статьях говорится о человеческих, инвариантных качествах героя-социолога, но эта часть в постсоветские годы становится менее казенной идержанной, более неформальной и индивидуальной.

Человеческие качества:

«Замечательный человек и товарищ», светлый, оптимистичный, искренний, яркий, одаренный, энергичный, жизнерадостный, достойный, творческий, волевой, целеустремленный, деятельный, принципиальный, порядочный человек, верный друг, образец интеллигента, «бесконечно чуткий и добрый», «удивительной души человек», «душевная красота», «доброжелательность», «тонкий повседневный и обращенный к повседневности юмор», «завидное чувство юмора», «самокритичность и самоирония», «тихий харизматик», «яркая личность», «подлинный трудоголик», «душа всей ведущейся работы».

Стоит отметить, что в современных материалах хоть редко, но встречаются указания на участие героя некролога или юбилейной статьи в делах семьи: «прекрасный семьянин, муж, отец, дед», «отдавая все силы любимому делу, постоянно заботилась и о своей семье, была любящей и любимой женой, заботливой матерью двух дочерей».

Порой встречаются указания на внерабочие увлечения социолога, даются сведения о его досуге вне науки: «любил веселый отдых, умел вовлечь в него всех вокруг», «писал стихи, играл на гитаре, прекрасно исполнял бардовские

песни», «шахматист, литературовед», «был великолепным танцором, писал стихи и юморески», прекрасно пел.

В отличие от материалов советского времени в некрологах и юбилейных статьях начинает проявляться гендерная проблематика (в частности, тема «женщина в науке»), да и сама герой-женщина-ученый как таковая. Лексическим репрезентантом, указывающим на специфику женской роли в науке, является следующее выражение: «и в то же время это была женщина: и в научном сообществе, где женщине бывает трудно сделать имя, карьеру, и в повседневной жизни, где женщина более ранима, беззащитна и уязвима, чем мужчина».

Вместо заключения

Как видим, контент-анализ некрологов и юбилейных статей в социологических научных журналах показал, что этос российских социологов за 1977-2007 гг. претерпел существенные изменения. Если этос науки советских социологов был неразрывно связан с этосом идеологии, ролью ученых как партийных пропагандистов, проводников идей марксизма-ленинизма, то этос современных российских социологов приближается к классическим нормам академической науки.

Наряду с императивами CUDOS P.K. Мертона появляется императив «гражданственности», пришедший на смену принципу «партийности», выражению интересов какого-то одного класса. Принцип «гражданственности» имеет вне-партийный общечеловеческий характер и отражает представление российских социологов о том, что настоящий ученый должен заботиться о делах страны, думать о том, как его наука может способствовать движению общества к лучшей жизни.

Важность этого императива подтверждается и докладом Петера Штомпки (2005), в то время президента Международной социологической ассоциации, «Изменяющаяся роль социологии и социологов в посткоммунистических обществах», где много говорится о том, что современные социологи должны занять место наставников и моральных авторитетов¹². Об этом же говорил в своей презентационной речи «К публичной социологии» Майкл Буравой, вступая на должность президента Американской социологической ассоциации в 2004 году¹³.

¹² Штомпка П. Изменяющаяся роль социологии и социологов в посткоммунистических обществах. Тезисы доклада на ежегодной конференции Сообщества Профессиональных Социологов «Современная российская социология в контексте общественных тенденций», 26 ноября 2005 г. [online] URL: (<http://www.msses.ru/win/faculty/sociology/szstompka-261105.html>)

¹³ Burawoy M. 2004 ASA Presidential Address. For Public Sociology // American Sociological Review. 2005. Vol. 70. №1. P.4-28.

Является ли этот принцип «гражданственности» своего рода вненаучным элементом, уникальной особенностью обществ с переходным режимом от тоталитаризма к демократии или же отражает свойства социальной, а не, допустим, физико-математической науки или же является проявлением глобальной тенденции в трансформации этоса мировой социологии, в её попытках поиска нового языка общения социологов с обществом? Об этом могут сказать только дальнейшие исследования, например, некрологов и юбилейных статей в западных социологических журналах, а также сравнительные исследования с использованием контент-анализа подобных материалов в научных журналах различных научных дисциплин.

Андрей Алексеев

Память индивидуальная и коллективная, семейная и историческая

(актуальная проблема соотношения)¹

Андрей Николаевич АЛЕКСЕЕВ

ведущий научный сотрудник
Социологического института РАН,
кандидат философских наук

Современные исследования массового сознания все чаще сталкиваются с чрезвычайной дезинформированностью представителей младших поколений относительно действительной истории нашей страны, а не той, что предъявляется в учебниках. Осведомленности личностно-биографической, понятно, здесь быть не может. Это было... «давно», и, скажем, политические репрессии сталинизма предстают немногим «ближе», чем казнь и ссылки декабристов. Что касается старших поколений, то здесь сплошь и рядом имеем дело с вытеснением из сознания неприятных воспоминаний, а остатки «книжного» знания вполне мифологичны. Средним же поколениям – вроде бы не до исторической памяти. Жизнь – сегодняшним

alexeev34@yandex.ru

¹ См. также: А. Н. Алексеев. Память семейная и историческая: точки пересечения и разрывы (гипотеза о влиянии семейной памяти на мировосприятие) // Телескоп: Журнал социологических и маркетинговых исследований, 2008, № 5. В Интернете: http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/articles/alekseev_family.html.

днем, для кого – выживание, для кого – завоевание нового жизненного пространства.

Из всех источников знания о прошлом решающим для большинства оказывается не жизненный опыт, и даже не учебник истории, а - массовая коммуникация, причем, как правило, не в лучших ее образцах. Мы не столько помним, сколько знаем то, что следует «помнить», что отмерено рынком или идеологией (последняя все более претендует на приоритет).

1

Обратимся к таким, пока не имеющим строго терминологического статуса, понятиям, как семейная и историческая память. Носителем исторической памяти может быть общество в целом, социальный институт (наука, искусство, школа, СМИ...), социальная группа, в определенном смысле и индивид – в меру своей осведомленности о прошлом мира, страны, края, «малой родины». Носителем семейной памяти могут быть только семья и индивид. И эта память локальна, относится к близким, в лучшем случае – к дальним родственникам, к более или менее широкому семейному кругу, а также к предкам.

Семейная память в значительной мере непосредственна, в отличие от исторической памяти, которая многократно опосредована – как всей совокупностью исторических источников и налагающихся друг на друга интерпретаций, так и, в особенности, актуальными общественными представлениями («господствующими мыслями эпохи», пользуясь выражением К. Маркса). Историческая память человека может включать в себя и семейную, как существенное олицетворение первой. Семейная память всегда пересекается, как-то переплетается с исторической, поскольку не существует истории семьи вне истории общества.

Несколько общих постановок вопроса о коллективной (групповой) и исторической памяти.

Мы еще не привыкли говорить (даже метафорически) о групповой памяти. Кажется, что такое свойство, как память, может существовать и сохраняться только в той мере, в какой оно привязано к индивидуальному телу или сознанию. Однако допустим, что воспоминания могут выстраиваться двумя разными способами: они или выстраиваются вокруг определенного человека, рассматривающего их со своей собственной точки зрения, или распределяются по большому или малому сообществу, становясь его частичными отражениями. Другими словами, индивиду доступны два типа памяти. Но в зависимости от того, соотносится ли он с той или другой из них, он занимает две совершенно разные и даже противоположные позиции. С одной стороны, его воспоминания вписываются в рамки его личности или его личной жизни, и даже те из них, которые он

разделяет с другими, рассматриваются им лишь с той стороны, с которой они затрагивают его в его отличии от других. С другой стороны, в определенные моменты он способен вести себя просто как член группы, вызывая в памяти и поддерживая безличные воспоминания в той мере, в какой они затрагивают его группу. Эти две памяти часто проникают друг в друга; в частности, индивидуальная память может опереться на память коллективную, чтобы подтвердить или уточнить то или иное воспоминание или даже чтобы восполнить кое-какие пробелы, вновь погрузиться в нее, на короткое время слиться с ней. И тем не менее она идет по собственному пути, и весь этот внешний вклад постепенно усваивается и встраивается в нее. Коллективная память же оборачивается вокруг индивидуальных памятей, но не смешивается с ними. Она развивается по собственным законам, и даже если иногда в нее проникают и некоторые индивидуальные воспоминания, они видоизменяются, как только помещаются в целое, которое уже не является сознанием личности².

...Общепринятой является точка зрения, согласно которой память больше связана с настоящим, чем с прошлым. Проблема не только в «точности» воспоминаний, соответствии «реальным» фактам, сколько в интерпретации прошлых событий, использовании тех или иных интерпретаций для легитимации / делегитимации настоящего.

В изучении социальной памяти важно рассматривать не только собственно воспоминания (что и как вспоминается), но и забвение (что именно, полностью или частично, какими социальными группами забывается). Эта проблема не тождественна проблеме «адекватности / неадекватности» памяти «историческим фактам». Изучение конструирования прошлого – специальная исследовательская задача. Необходимо учитывать связь памяти о прошлом с потребностями настоящего времени: как вспоминание, так и забывание не являются конечными³.

Эти общие соображения могут служить теоретической рамкой для нашего обсуждения взаимоотношения индивидуальной, семейной и исторической памяти.

Добавим, что семейная память как бы соединяет в себе черты индивидуальной и коллективной. Она является групповой по субъекту, однако персонализирована по предмету.

² Морис Хальбакс. Память коллективная и историческая // Неприкосновенный запас, 2005, № 2-3. Электронная версия: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html>. См. также: Хальбакс М. Социальные рамки памяти / Пер. с фр. и вступ. статья С. Н. Зенкина. М.: Новое издательство, 2007.

³ М. Г. Мацкевич. К исследованию коллективной памяти (социологический подход). Рукопись. 25.10.2008.

Каким видится механизм взаимопроникновения, в частности, исторической и семейной памяти, и от чего это взаимопроникновение зависит?

Чем больше масштаб исторического события или процесса, тем больше шансов, что это окажется отражено и в семейной памяти, и не только как «фон», но и как непосредственный биографический фактор. Могут быть события всеобщие, затрагивающие практически каждую семью, и не только в качестве условия социализации или жизненного пути того или иного ее члена, но и как фактор жизни и смерти, можно сказать – судьбы. К таким историческим событиям (периодам) безусловно относится Отечественная война 1941–1945 годов, без которой не может обойтись ни одна семейная хроника и ни один мемуар человека старшего поколения.

Есть события ключевые для того или иного поколения, иногда – не всего, а для определенной его части. Например, для большинства современников смерти Сталина (1953) и XX съезда (1956), эти два события входят не только в историческую, но и в семейную память. А вот, скажем, вторжение советских войск в Чехословакию (1968) входит в память не всех, а по преимуществу тех, кого сегодня принято называть шестидесятниками (для многих из них именно это событие явилось началом настоящего «идейного прозрения»).

Из сказанного выше ясно, что как историческая, так и семейная память требуют рассмотрения в связи с индивидуальной биографической памятью (в общем совпадающей с персональным жизненным опытом). Но она нас сейчас интересует меньше, как наиболее краткосрочная (ограниченная относительно узкими хронологическими и возрастными рамками) и заведомо непосредственная (в отличие от памяти семейной и исторической).

Попробуем применить высказанные, тоже общие соображения к памяти о массовых репрессиях 1930–1940-х годов. Какое отображение это наше трагическое прошлое находит в семейной и исторической памяти разных поколений? На этот вопрос могла бы ответить социология. Но увы...

За всю историю новейшей российской социологии я не могу указать ни одного массового обследования (опроса), в котором среди прочих «объективных» характеристик, относящихся к условиям социализации личности, выяснялось: есть ли среди близких родственников респондента репрессированные, с учетом возраста опрашиваемого – в поколениях отцов, дедов, а для младших – в поколениях прадедов или даже прапрадедов. Разумеется, с дифференциацией по степени (близости) родства.

Замечу, что в принципе, такое обследование могло бы проводиться и заочно, по документальным источникам, будь то биографические справки или мемуары.

Известный нам (хоть все еще и не до конца, лишь в приблизительном исчислении массовости) исторический масштаб процесса таков, что можно достаточно уверенно предположить, что с 1917 по 1953 год практически не было такого семейного клана (рода), который не был бы так или иначе затронут государственным террором (как, думается, немало было и таких, которые не потеряли кого-либо из своих членов на фронтах Великой Отечественной).

Но есть различия в мере причастности и в мере актуальности. Скажем, для тех, кто родился в 1930-е – 1940-е годы: (а) потерявшие родителей (родителя), т. е. дети «врагов народа»; (б) потерявшие близких родственников из поколения родителей (дядя, тетки); (в) потерявшие близких родственников из поколения дедов; (г) потерявшие относительно дальних родственников (двоюродное родство) и т.д.

Сам характер репрессии, естественно, подлежит различию – от расстрела до ГУЛАГа, и от официального поражения в избирательных правах до не афишируемых ущемлений и ограничений (например, «проживавшие на оккупированной территории», «пятый пункт» в паспорте и т.д.). Можно было бы вырисовывать целые генеалогические деревья с обрубленными или покалеченными ветвями.

Следующий вопрос: в какой мере, в частности, государственный террор 1930–1940-х годов находит отображение в семейной памяти? Для многих родственников автора этих строк (1934 г.р.) репрессия в отношении кого-либо из родителей стала существеннейшим жизненным событием и обстоятельством жизненного пути. Потеря отца или матери, брата, сестры не могла пройти «мимо», она не только ощущалась, но и как-то осмыслилась – если не в отроческом, то в юношеском возрасте.

Но даже и здесь существенные различия – в информированности. Родители обычно предпочитали как можно меньше сообщать детям о судьбе родственников, не говоря уж о происходивших порой обрывках семейных связей. Молодой человек, когда приходила ему пора впервые заполнять какую-нибудь анкету, мог «с чистой совестью» отвечать отрицательно на соответствующие вопросы. Информация о репрессиях, так или иначе затронувших семью, могла достигнуть человека уже много лет спустя, если сам он не был их непосредственным свидетелем.

Таким образом, семейная память (передающаяся от поколения к поколению) часто оказывалась ущербной, выхолощенной, искажающей реальную картину. Историческая же память, формируемая институционально, оказывалась полностью оторванной от семейной.

Если до середины 1950-х указанный разрыв семейной и исторической памяти был обусловлен во многом коллективным страхом, то позже восстановление этой связи, несмотря на возврат репрессированных родственников, на волны индивидуальных и массовых реабилитаций, не прекращавшиеся до начала 1990-х,

оказывалось затруднено уже просто неосведомленностью. Старшие, считавшие, что их детям «лишнего» знать не надо, дальше молчали иногда уже просто «по инерции». А с их уходом и вообще ниточка семейной памяти обрывалась, эстафета памяти оставалась не переданной.

Историческая же память продолжала формироваться и видоизменяться под влиянием текущих общественных событий, политической конъюнктуры и т.п. А урезанная семейная память как-то под нее, историческую, подстраивалась.

Не следует, однако, преувеличивать и полагать всеобщим истирание семейной памяти. Не имея возможности соперничать с личными жизненными впечатлениями и опытом, она в принципе остается важным фактором мировосприятия и идентификации. И в конкуренции с насаждаемой исторической памятью, семейная, если она все же есть, имеет шансы одержать верх.

И вот тогда возникает феномен существенной неоднородности исторической памяти (включающей в себя также и семейную, если не как часть, то как камертон). В зависимости от истории своей семьи, по крайней мере, в ближайших поколениях, человек формирует свое сознание и самосознание. И даже по прошествии многих лет отзовки семейных травм (если говорить, в частности, о жертвах государственного террора) становятся фактором современной информированности и рефлексии об истории общества.

С учетом сказанного, хотелось бы поставить вопрос о включении проблематики соотношения семейной и исторической памяти в практику современных эмпирических социологических исследований. При изучении структуры и факторов формирования социального сознания и поведения (не исключая, кстати, политических пристрастий и электорального поведения) может оказаться значимым как блок собственно биографических переменных, так и блок характеристик истории семьи.

В всяком случае, этот последний должен обладать определенной дифференцирующей, а может быть – и объяснительной силой при анализе современного состояния сознания в различных возрастных когортах. И там, где семейная память сохранена (сбережена...), она может оказаться ценностным ядром личностной интерпретации памяти исторической.

Можно выдвинуть, в частности, следующую гипотезу: мера адекватности личностных представлений об истории страны, в частности, о трагических ее страницах, существенно зависит от меры непосредственной причастности, от того, насколько репрессии коснулись членов семьи (рода), хотя бы и не в ближнем поколении. Проверка этой гипотезы вполне доступна для средств эмпирической социологии.

Автор этих строк имел случай ознакомиться с недавно вышедшим сборником работ победителей Всероссийского конкурса исторических исследовательских

работ старшеклассников⁴. Как указано в послесловии, за восемь лет существования конкурса в архиве Международного Мемориала собрано более 21 тысячи исторических работ; лучшие работы прошедших конкурсов опубликованы в девяти сборниках. Это масштабная и благороднейшая историко-культурная и воспитательно-просветительская работа.

Здесь не место для приветственной рецензии, которой этот труд несомненно заслуживает. Но мне хочется солидаризироваться с точкой зрения составителя и редактора этого сборника И. Щербаковой: «Память эффективнее всего передается через историю семьи и человеческую историю»⁵.

Генеалогическая, историко-биографическая, семейно-хроникальная деятельность оказывается эффективным инструментом «само-просвещения» и «само-воспитания» народа. Это особенно важно в свете современных исторических и общественных вызовов, в частности, угрозы возврата в тоталитарное прошлое, нарастающей тенденции подчинения исторических взглядов сиюминутным политическим и квазиполитическим интересам, едва ли не насаждения социальной амнезии, в частности, в младших поколениях (вспомним нынешнюю кампанию переписывания школьных учебников истории).

Наш исторический и современный опыт показывает, что историческую память можно исказить, переписать, подменить. Труднее это сделать с семейной памятью.

Приложение 1

Другие работы автора на эти темы

1. Фамильная ценность и семейная память (к постановке вопроса) / Дом человека (экология социально-антропологических процессов). – СПб.: Институт биологии и психологии человека, СПбГУ, 1998.

2. Эстафета памяти // Мир России. 2000. №4 (электронная версия – http://www.hse.ru/journals/wrdross/vol00_4/alekseev.htm).

3. Эстафета памяти. О ресурсах, нормах и эффектах автобиографического повествования // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербурж-

⁴ «Как наших дедов забирали...». Российские школьники о терроре 30-х годов. – М.: РОССПЭН, Международный Мемориал, 2007. – 607 с.

⁵ Указ соч. С 598.

цев. 2001. №1. (См. также: http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/articles/alekseev_memory.html)

3. Письмо, дневник, автобиография: многообразие форм и сопряжение смыслов (теоретико-методологические заметки) // Телескоп. Журнал социологических и маркетинговых исследований. 2007. №4 (электронная версия - http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/article_content1122071303773076file.pdf; см. также: http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/articles/alekseev_letters.html)

4. Биографический дискурс: акт общения, отображение реальности и изъявление себя (заметки об «эстафете памяти») / Право на имя. Биографика 20 века. Эпоха и личность: ракурсы исторического понимания. – СПб., 2008.

5. Корни и ветви (XVIII–XXI век). Сетевая публикация (март 2007) – <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Memoirs/alekseev.html>.

6. См. также: Память семейная и историческая: точки пересечения и разрывы (гипотеза о влиянии семейной памяти на мировосприятие) // Телескоп: Журнал социологических и маркетинговых исследований. 2008. №5. В Интернете: http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/articles/alekseev_family.html.

Приложение 2

Заметка Друга, прочитавшего этот текст.

«Матрешка» социальной памяти

...Вдруг вспомнилось из военного детства.

43-й год. Мне 7 лет, сестре 12. Живём втроём на тёtkину хлебную карточку (нам с сестрой карточек не дают). В тёtkиных ответах на мои вопросы о родителях какая-то тягостная недосказанность, за которой я чувствую что-то опасное (раз нельзя сказать).

Каждый раз, засыпая, я вижу одну и ту же картину, предметность которой размыта, неотчётлива. Что-то тускло-коричневое, огромное, бесконечно тяжёлое (пожалуй, валунообразное) накатывается на меня, и я не волен увернуться. В этом движении валуна (назову так) нет никакой адресной агрессии. Он вообще меня не замечает, просто я оказался на его пути. Медленно перекатываясь, он уже навис надо мной и сейчас расплывчит. Интересно, что со временем в этом видеении появилась реалистическая грань: я стал воспринимать его как границу яви и сна. Пришёл валун – значит, засыпаю. Вроде бы эффект адаптации? В какой-то мере, видимо, так. Поскольку видение воспринималось теперь как некая регулярность, из травматического эффекта от встречи с ним вычиталась внезапность. Однако сопряжение со сном ненейтрализовало валун. Он оставался знаком моей

ничтожности – перед безликой и равнодушной силой, давящей меня без намерения и без сожаления, т.е. с уходом внезапности не ушла обречённость. Видимо, валун не всегда пропадал и после засыпания. Тётушка рассказывала, что часто я вдруг вскакивал в ночи и, не просыпаясь, трясясь и плакал, а в ответ на её расспросы и воркования лишь обнимал её и бормотал: «Тётя Любочка, тётя Любочка!», наутро же ничего не помнил.

Это я вот к чему. Вспомнив детскую невротическую страшилку, подумал о твоём различении исторической, семейной и биографической памяти. В ней, в страшилке, они выстроились, мне кажется, по принципу матрёшки. Биографический факт (особенность засыпания), памятный только мне, проясняется через упрятанные в него семейные обстоятельства, памятные не только мне, но непременно людям поименованным, а семейные обстоятельства проясняются через обстоятельства исторические, памятные многоликому анониму – поколению, да не одному. Приобретённое повзрослевшим невротиком знание о валунной эпохе выполнило перевод с биографического на исторический, и валун оказался историческим сталинизмом.

Почему, однако, в биографической памяти моей сестры нет своего валуна? Первое, что приходит в голову, – разница в возрасте. Когда взяли отца, ей было семь, мне два, когда отняли мать – ей одиннадцать, мне шесть. Потеря матери, да ещё отягощённая обстоятельствами военного времени (воздушные тревоги, голод, жестокости эвакуационного кочевья) была большей травмой, чем потеря отца, но сестру это испытание настигло в более защищённом (внутренними ресурсами) возрасте, меня же – в предельно беззащитном (уже потому, что именно в эту пору приходит страшная догадка о своей смертности). Соответственно соотношение знания и переживания в памяти о военном детстве у нас с сестрой разное. У меня оно смешено в сторону переживания, и валун, возникший из страха и ставший символом, в моём мемориале расположен на господствующей высоте. Возможно, наряду с возрастом оказались и различия в организации нервной системы (кажется, у сестры она покрепче, хотя без профессиональной экспертизы здесь нельзя быть уверенным).

Получается, что семейная память – набор событий, слипшихся в некий родовой ком. Переходя в биографическую память, этот ком расщепляется, индивидуализируется, интимизируется. Возникают и различия фактуального свойства, но для «биографизации» важнее, что содержание семейной памяти переживается членами семьи с разной интенсивностью. Знание о прошлом как таковое выстраивает события во временной ряд, у людей, не склонных к ретроспективному анализу, удовлетворяясь простой их последовательностью. Но в любом случае, если это знание эмоционально заряжено, в последовательности так или иначе актуализируются (для вспоминающего) отношения порождения, образующие генетическое тождество. Вот почему я в большей степени родом из детства, чем, по моим наблюдениям, сестра. Таким образом, отмеченные тобой «различия в мере при-

частности и в мере актуальности» прошлого задаются не только степенью родства с жертвами репрессий, но и факторами психологического свойства. Но это, очевидно, предмет уже другого, не социологического анализа.

Возвращаюсь к матрёшке. У героя рассказа Борхеса «Фунес, чудо памяти» после падения с лошади память по степени детальности и яркости сравнялась с восприятием. «В загромождённом предметами мире Фунеса были только подробности, к тому же лишь непосредственно данные». Никакого абстрагирования и обобщения, сплошной «гнёт реальности». Сам он назвал свою память «сточной канавой».

У Борхеса ситуация заострена до мысленного эксперимента. Если из лаборатории вернуться в жизнь, уместно вспомнить о «рамке памяти» у Хальбвакса. Рамка памяти ребенка – «дом»: мир равен мести и времени, на которые приходятся те самые «непосредственно данные» (во всяком случае так было до эпохи телевидения). У взрослого «дом» образует «малую рамку внутри большой», включаясь во внешний контекст. Поскольку, однако, взрослый взросому рознь, невелика, думаю, новация усмотреть подобное различие и среди взрослых – обременённых и не слишком обременённых историческими контекстами частной жизни.

Историзация памяти – условие социального взросления. Без выраженной исторической памяти её «загромождённые подробностями» сёстры, семейная и биографическая, «утягнуты» локальной реальностью и инфантильны. Они беззащитны перед насилиниками (пропагандой, модой), оплодотворяющими их клишированными «обобщениями» на потребу дня, и сон исторической памяти рождает чудовищ вроде тех, что бороздят ныне сточные канавы российского патриотизма. С прискорбием наблюдаю этот процесс на некоторых своих родственниках, с которыми у меня общая семейная память и душевная (не духовная) близость.

Ты, разумеется, прав, когда пишешь, что «в конкуренции с насаждаемой исторической памятью семейная, ... имеет шансы одержать верх». Да, шансы. Мера использования которых пропорциональна мере оснащённости семейной памяти исторической – альтернативной той, что насаждается.

Анри Кетегат, социолог, литератор (Вильнюс).

1.10.2008

Приложение 3

Рассказ Друга на близкую тему.

Памятники

*Истинно говорю тебе, надлежит вам родиться снова...
(Евангелие от Иоанна гл.3)*

Когда были подростками, наверное, у многих такое бывало. Смотришь на кого-то в комнате, не отводя глаз несколько минут, и картинка начинает «дышать» туда-сюда: вот человек близко, потом – йок – он вдали, и тут же – йок – опять близко. Хотя сам он, понятно, с места не двигается, так... говорит что-то. Мелькает мысль, что-то с глазами? Косят что ли? Ну-ка, а от меня-то эти «далеко-близко» зависят? А, давай, «попробуем» отдалить его, йок – он вдали, а теперь «приблизим», йо... й-й... – не вышло, а еще разок – йок – ага, – он прямо перед лицом... получилось-таки. Правда, если человек вам нейтральный, не получится, как ни старайся.

Лето под Лугой, жарко, каникулы, пятый класс, как мираж, мигнул позади, домик моей тети Нюры у озера, за окном сочная зелень в солнечных зайчиках. Домучила миску малины с молоком, уже под завязку, но не пропадать же обедню. Моя тетя с какой-то непривычной мне проникновенностью разговаривает с женщиной, чуть постарше. Никогда раньше ее не видел, да, пожалуй, и позже таких не встречал. Сколько в ней торжественной, знайко величавой любви к себе, даже тетя моя чуть разомлела от такого жара, от нее тоже повеяло каким-то душиноватым самоуважением. И у меня лунатически странное ощущение, что я лишний в этом всегда родном для меня доме... явилась тут, вся в духах и шелках, меня – всеобщего любимца, не замечает, даже представиться не собирается... йок – они обе вдали... ой, не слишком ли я их... йок – ну вот, они опять рядом – через стол от меня.

Оказывается незнакомку зовут Лиза, и она ...ушам своим поверить не мог... она – дочь помещика, который владел здешними деревнями... йок – собеседницы так далеко, что голоса, как из-под воды. И мать моей тети, получается, была в прислугах у этих, вот, помещиков. Уж не снится ли мне все это? Я привык гордиться своей тетей Нюрой. Она – завуч в моей школе, в молодости со своими сестрами была партизанкой в здешних лужских лесах. Я сам, присмирев, разглядывал ее ордена, грамоты. Когда на ее юбилей съехались бойцы тогдашнего отряда, от застольных песен всю ночь широкое озеро ухало эхом... йок – тетя с гостьем – рядом, прямо перед моим носом. Они вздыхают, как в здешних прудах к царскому двору выращивали карпов, перевозили в бочках в Питер, как расширяли липовые, вязовые, березовые аллеи. Ну да, мы с пацанами охотились

с луками по зарастающим этим старинным аллеям, скакали по осевшим бортикам бетонных шлюзов затянутых ряской прудов. Так вот откуда они взялись. Ну и что ж, теперь кланяться за это господам? Кровососам? А госпожа, вот она — тут... йок — они опять далеко, в прохладном зазеркалье.

Теперь разговаривают о временах войны. Пока моя тетя мыкалась по окопам да сырьим партизанским землянкам, эта гостья наливалась статью в изнемогающей от трофеев Германии. Да и не Лиза она. Если окажешься в беседе с господином, не сомневайся, он тебе непременно вдует органный пафос своей родословной. Она — Эльза Паль — германских рыцарских кровей. А с какой женственной пылкостью она там ожидала победы фашистов. Ведь тогда она вновь получила бы свои имения... йок — они далеко-далеко, голоса просто сквозь морские пучины... буль... буль... По словам Эльзы получалось, что она вернулась бы хозяйкой всех этих земель, да и владелицей всех моих здешних родных в придачу. Ого, — доходит до меня — и самого меня, ведь, тоже.

Я стиснут каким-то бессмысленным холодом пустоты. Кому снится этот бред? Почему моя тетя не вытолкает это привидение из дома? А что я-то тут делаю? Верно, средневековая Эльза перепутала время; как вообще она в «сегодня» оказалась? А может быть, это я не в своем времени? Ведь этого не может быть. Это, ну никак... никак-никак не может происходить со мной. Ведь, я — вот он, загорелый, расту в светлое завтра... в руках миска с малиной... и сегодня озеро было, как голубое поднебесье, я же помню. Или место не то? Ах да, я и вправду не в том месте. Вот почему я не могу треснуть привидение ложкой по гордо выставленной маковке: ведь я в гостях у тети, и не могу хозяйничать. А она, гляди-ка, — прямо образцовое гостеприимство, вот смеется на пару с госпожой, тактично так... йок — они почти упираются в кончик моего носа, но как-то совсем уж не похожи на себя, потусторонние маски, да и только.

О чём это они? Ах, вот почему она здесь. Убитых партизанами фашистов оккупанты с мстительной мрачностью хоронили прямо в центре нашей большой деревни. Намеревались после своей победы перезахоронить в Германии. Не получилось. А было уложено в эту землю больше полутора сотен карателей. Так вот, нельзя ли сегодня или в обозримом будущем начать раскопки в центре вашей деревни, чтобы все-таки останки увезти на родину? Ого, — мелькнуло у меня, — так у них, что ли, родина есть? И тут же Эльза привела аргумент «с пониманием», мол, и в деревне почице будет... й...йо..к — собеседницы стали подальше, но как-то вяло, будто бы где-то в глазах иссыкала энергия отталкивания и притяжения. Голос тети раздумчивый, почти с сочувствием: никто здесь не даст раскапывать деревню, бередить раны. После снятия оккупации наши трактора роют канавы или ямы для фундаментов, много костей выбрасывают. Но тут люди из-за войны к такому привыкли, что их трудно смутить, эх, да ведь и оккупантов мало что смущало.

Я и не заметил, как «йоки» прекратились. Все обрело свою натуральную величину. Эльза снова стала превращаться в Лизу. И у нее остался последний, но все еще из диковинных, вопрос: нельзя ли памятник, пусть скромный, поставить... ну, конечно, за счет германских фондов... если не в центре деревни, то, хотя бы, на окраине, тут, мол, покоятся такие-то, с такими-то фамилиями. Тогда германские родственники смогли бы иной раз приезжать небольшими группами, деликатно так... отдавать долг памяти, оглядеться тут, цветы оставить, жителям кое-какие подарки. Ответ тети: не при нашей жизни, и даже не при жизни этих, тут она кивнула на меня. Я впервые за этот битый час перестал быть для них декорацией, и появился в собственном поле зрения: замерший с ложкой в руках, с недоеденной малиной, загорелая кожа вся гусиная от холода.

Хотя много бы дал, чтобы оставаться за кадром. Зачем на меня кивать, зачем ждать от меня: «да» или «нет»? Ну как я могу выбрать себя в этом умопомрачительном, ни для кого непосильном раскладе? Где мое место и какие мои слова в таких переговорах? Готов ли я — нормальный пацан лично сосуществовать с памятником захватчикам, установленным в моей любимой деревне, пусть даже на окраине? Да меня мои же приятели, ох как, не поймут. Как получилось, что проблемы Последних дней мироздания норовят улечься на мои плечи? Да еще и Эльза уже не просто Лиза, а уже вовсю тянет на евангельскую Елизавету, она, ведь, как теперь оказывается, предполагала увидеть в моей тете и во мне, недотепе — людей, способных на сияние всепрощенья, на пронзительно высокую человечность. Ну, к тете эти вопросы — по адресу. А я-то тут — кто? Уж точно, не мое это место, и дернула же меня нелегкая — застремь тут с отвисшей челюстью? Да, я бы и простил, только мое прощение ничего не весит. Кто наделил бы меня правом голоса, когда не для меня были подготовлены людоедно-голодные виселицы карателей, а вот для нее — для тети, ее соседей по землянкам. В общем, остался я с разинутым ртом, дурачок, мол, «а кого вы спрашиваете; а я есть, что ли?» Ну, они с пониманием приняли это мое дезертирство, что возьмешь с такой младенчески миловидной гусеницы, ей бы еще малинки.

И вот нынче мне — уже за полвека, а вопрос Лизы и тети Нюры, похоже, все так же без ответа. И нет в той моей деревне памятника погибшим в войне немецким солдатам. Даже появившийся лет через двадцать бетонный памятник партизанам, много раз подкрашенный бронзовой краской, тоже наполовину в развалинах. Казалось бы, некому повторить тот вопрос. Но я убедился в пугающей правильности когда-то услышанных мной слов: вопросы и ответы куда более полны смысла и более вечны, чем дома, города, страны; недаром ведь «в начале было Слово... и все через него начало быть... и ничего без него...». Поэтому, хоть и через конкретных людей, но тебя спрашивает сама судьба, или изначальная суть вещей; и если ты в первый раз ответа не найдешь, то она громаду этого вопроса бухнет перед тобой позднее, как бы с другой стороны. И ты удивишься тому, насколько это — тот

же самый вопрос. А если ты и тогда не ответишь, то проблема более грозным испытанием ляжет на плечи детей, внуков...

Вообще-то, я не ленился, силился в этом разобраться, и даже понял кое-какие истинны. Например. Чтобы занять свое место, нужно взять на себя – на пределе твоих сил – долю общего человеческого груза, от всего сердца принять участие в событиях, которые как будто бы персонально прошли без тебя. Нужно как-то расти, врастать в дела и жизненные коллизии отцов и праотцев, переживать их как свои, всеми нервами переживать и их, и вырастающие из них в сегодня и в завтра все новые и новые рождения. Это без особых разъяснений внятно многим, и сразу узнается нами в словах Эзюпери: быть человеком – это быть за все в ответе. Именно за все, а не только за свое кровное. А уж как дорастать до этого, какие родовые муки претерпеть – об этом вся мудрость тысячелетий. «И сказал Господь Авраму: пойди из земли твоей... из дома отца твоего в иную землю...» (Бытие 12:1). И ведь он пошел и был скитальцем бесконечные двадцать четыре года, сколько раз в безвыходности задыхался, сколько раз жизнь с волоска срывалась. И вот, в конце этих испытаний – из гусеницы рождается светоносная бабочка – «...и не будешь ты больше называться Авраамом, но будет тебе имя: Авраам, ибо Я сделаю тебя отцом множества народов и благословятся в тебе все народы земли» (Бытие 17:5). А если бы не отважился на скитания да унижения, остался бы довольным собой обывателем Харрана, не было бы ему дела до народов земли и до звезд на небе.

Ведь и нас – переселенцев что-то потянуло в дорогу, какое-то щемящее: что там – за горизонтом? Что там за люди, что за обычай, как мы встретимся? Кого мы ожидаем встретить? Нас почему-то не устраивает скучная рутинность наших прежних встречных? Или мы предчувствуем утреннюю новизну, нарождающуюся в нас самих? Я сам могу стать... могу стать... стать... другим, вдыхающим целебные ветры необыятных высот... воссиять алыми обморочными зорями... Да, я не только в мечте, я и в реальности хочу попробовать быть другим, встречаться по-другому. Открываться встречам по-другому.

Каждому из нас дано было увидеть: когда бабочка мечты одного встречается с мечтой другого – вспыхивает и полыхает неописуемыми красотами во все небо северное сияние любви. Увы, когда гусеница встречается с гусеницей, возникает ноющая тревога, не слишком ли много он берет себе, не мое ли место занимает. А сколько мгновений нам самим дано попыхать? Ответ ясен – сколько твоей бабочки твоя гусеница позволит, раз уж ты в реальности все еще скорее гусеница, чем бабочка. Увы, о многих из нас можно сказать: уже пере-гусеница, но еще недобабочка. Родовые муки посередине, нам больно туда, еще больнее – обратно. Часто говорят: эти переселенцы – все больные. А как иначе? Ведь это плата как плата за приближение к предошущаемой нами – высотной привилегии, пока не привыкнем дышать озоном...

Спору нет, исконным жителям комфортнее, чем нам. Им есть куда отступать, да можно и не начинать, ведь они же еще не заразились летальными притязаниями. Хочешь оставаться Аврамом? – Вот и молодец! Ты же настоящий, добротный обыватель! И вообще, метаморфоз сильно смахивает на измену отечеству, а гусеница – эталон благонадежности, приверженности мести. Послушай, как подозрительно звучат слова про Духа Святого: «..не знаешь, откуда приходит и куда уходит». Это, явно, не наш, не местный. Когда финская бабочка встречается с российской, как описать это кружение небес. А если гусеница, и с одной, и с другой стороны? Разверзаются хляби взаимного разочарования, кромешного обоюдного исступления: где верх – где низ, где кущи – где Геенна огненная? И эта вулканическая лава застывает в итоге неприступными глыбами: «Все они такие!»

В общем, трудности переселенческие удалось отчасти пережить и отчасти понять. Что такое искать свое место и свое время – тоже, вроде бы, – не в новинку. Понял я и почему так дружелюбно разговаривала тетя Нюра с Лизой. Это был для них час истины, когда и той, и другой удалось увидеть друг в друге высоко летящую, свободную от своей плотоядной бренности, бабочку, когда «нет ни эллина, ни иудея, ни раба, ни господина». Ну а, раз понял кое-что, судьба опять поставила меня перед Сфинксом с его «той же самой» загадкой.

Утром 9 мая ждем автобуса до Лянгельмяки. Там с 41 по 42 годы похоронено более полутораста военнопленных из Советской Армии, или, как нас поправляет современное финское руководство, – из сталинской армии, оккупировавшей восточные земли Финляндии в ходе Зимней войны. Женщина из здешней церкви предложила участвовать в поминальном молебне о погибших. Ирина, моя супруга, и я согласились, не мешкая: погибшие должны быть помянуты, хотя какая-то заноза кольнула: поминать погибших наступающих, не поминая погибших обороноящихся, – что-то в этом не так. Опять вспомнилась тетя Нюра и Лиза. Кому я тут прощаю: тем или этим, или я сам должен у кого-то просить прощения: у тех или этих? Ведь мы приехали сюда, не спрашивая ни у тех, ни у других, так сказать, контрабандой. Вроде как, пока спят, мы прошмыгнули сюда, чтобы избежать их расспросов. Не хочется с ними объясняться, а уж как не хочется объясняться с самими собой. Хотя понимаю, что у приличных людей принято держать ответ. Но тут «кстати» пришла «спасительная» мысль: обороноявшихся наверняка поминают и без меня, а вот наступавших помянуть почти некому, значит, я сейчас пойду и помяну тех, кто больше страдает в итоге. Правда, кто я такой, чтобы решать – кто больше? Ну ладно, даю себе слово: потом обязательно помяну и тех, кто оборонялся, они-то свою землю защищали.

Стоим небольшой группкой у Старой библиотеки. Солнышко такое узнаваемое по таким же поездкам 9 мая на Пискаревское кладбище, сдержанно приветливое, чуть недоуменное. Приедем, речи будут, цветы положим, молебен, петь будем. Как в настоящей жизни. «Смотри-ка, ветеран идет, весь значками увешанный». Оборачиваюсь, действительно, по краю площади движется ветеран, почти

вся грудь в знаках отличия, синих крестах. Ветер прохладный подул. «Не из тех ли, которые военнопленных-то не уберегли?» Тоска резанула под ложечкой. Вон, лицо-то какое сосредоточенное, гранитное. Наверное, до сих пор на наших силуэтах так и маячит для него тень от мушки прицела. Приближается еще и еще, сворачивает к нам. «Ба, да это же наш! Ты чего там плутаешь, иди сюда!» Уфф, камень с души. Весь облик мягкий, приветливый, добрейшей души человек, на груди советские ордена, звезды. Вот это да! Как же это на месте звезд кресты-то померещились? А солнышко-ведрышко, уже почти летнее. Хорошо бы позагорать как-нибудь...

Женщина в зрелом возрасте разговаривает с другой. «Ну, и у меня такое было. Соседка на меня просто волком смотрела, все выискивала, к чему бы приступиться. Я поначалу даже болела. Но я каждый день, невзирая на любые происки, как встречу – говорю, «*hyvää räävää*» и дружелюбно улыбаюсь. Почти месяц она от меня шарахалась. А теперь она первая здоровается, то творога из магазина принесет, то рыбы, если бывает подешевле. Теперь праздник, но душе, о-го-го, пришлось потрудиться». Ее знакомая не сдается: своих все равно легче понять, почувствовать. «Ну нет, это нам со страха и от душевной лени так кажется – настоящая женщина. – У меня в Нарве уж сколько подруг было, а такой родной, как теперь эта, «бывшая волком», пожалуй, и не было».

Меня по сердцу горячей волной обдало, да и в голову хмелем вдарило. Никогда я не был так горд, что я из России, как в эту минуту. Вот именно! Мы здесь не именем «пустите нас, пожалуйста», а именем красоты и щедрости наших сердец! Этой нашей отвагой мы и финнам добавим полноты жизни. Вот зачем мы здесь! Украдкой поглядываю на говорившую. Лицо – спокойное благородство, красивое светом, волосы вьющиеся с проседью, невозможно не влюбиться. Такая везде дома, не она у кого-нибудь в гостях, а это все, кто есть на свете – у нее в гостях. Ах да, я же сам слышал, что одна из наших женщин работала мастером на Кренгольмской мануфактуре в Нарве. Так вот она какая... Подъезжает автобус, наполняется почти до отказа. Трогаемся. Смешинки солнечных зайчат носятся по салону, но каждый из нас погружен в свои мысли, мы уже привыкли не подпускать других близко, даже, так сказать, своего брата. Почти через час на месте. Автобус после резкого поворота как-то вдруг вниз пошел. И еще это угадывается по какой-то печали, по отдаленности этого «места» от жилья, как будто люди избегают прикосновений висящих в этом воздухе, пропитавших эту землю, – боли и тоски.

Собираемся подле выразительного памятника: высится три темно-серого гранита плиты в два с лишним человеческих роста, соединенные вершинами. Колокол свисает от этого средостения вершин. На плитах фамилии с инициалами и горькие даты. Зажигаем свечи, часть держим в руках, часть – на лежащую плашмя гранитную плиту. Финский священник начинает молебен, грустно и светло звучат голоса женщин нашего маленького хора. Подпеваю в терцию альтам, пока еще не умею вести самостоятельную басовую партию. Свечи горят поминальным строем.

После молебна священник старательно, почти чисто по-русски выговаривает короткую речь. Врезалось в память – «В войнах не бывает победителей и побежденных. Там есть только жертвы».

Слышу торопливый женский голос слева. Ну, правильно... а мы, вишь, тут 9 мая, как победа... а лучше в другой день... вот одиннадцатого сентября – православный день... воинов поминают... еще не холодно... автобус нанять... приехать. Другой женский голос возразил с грустью. Вряд ли получится... тут на привычное 9-е мая трудно людей поднять... хотя закуска, то-се... а на малознакомый сентябрь, уж точно, никто не поедет. Тут отозвался мужской голос. А если победы, то кого и над кем? ...в 45-м социализм отяпал земель у капитализма... победа... теперь мы сами тот социализм тяпнули, да и тех «победителей» тяпнули в придачу, сколько их в Германии теперь живет на пособии... так, кто ж – кого? Тут первая женщина охнула. Слушайте, а надо бы нам на этом же автобусе съездить... и поминальный молебен по финским солдатам... что мы христиане... вот это люди бы поняли... а то мы в глазах финнов – шизофреники какие-то... нашли тут на них обвинение... а сами, и тогда были – святые... и сегодня, живя на их пособие, опять мы – их святы...

Вдруг по нашим рядам пронеслось: официальное лицо приехало... лицо приехало... речь будет. Из черной машины вышел средних лет мужчина, серьезный, приветливый. Речь ровная, похоже, раньше слышал я его на Пискаревском кладбище. Павшие не забыты... это наш долг. Все правильно. И тут внезапным порывом ветра задуло свечи, все до единой. «Если бы их не было, то и нас бы тут не было». Ого, похоже, он место перепутал. Или, мелькнула и, ойкнув, улетучилась догадка, – это я его своими воспоминаниями запутал. Там бы эти слова – в точку. А здесь они – эхом в таких пустотах недоумения. По нашим рядам смущение прокатилось. Кто-то глаза прячет, у кого-то улыбка выпрыгнула, какая-то судорожная. Мы же понимаем: эти солдаты не сами сюда пришли. Их сталинская машина гнала впереди себя, как живой щит, как заложников. Свечи не зажигаем, ждем пока речь закончится,уважение, дескать, так хорошо говоришь, что мы в глубокой задумчивости.

Невольно глядываюсь в лицо... нормальное, человечное... он хотел как лучше. Мол, вот приехали люди помянуть, видно, встали пораньше, руки в свечных слезах, наверное, ждут от меня – официального каких-то слов запоминающихся, печальных, но, все же, и ободряющих. А что здесь сказать? Здесь так все сложно, все шиворот-навыворот. Здесь что ни скажи, все имеет какой-то второй и третий смысл, либо перед теми, либо перед другими неправ будешь. Ладно, скажу привычно-крылатое для собравшихся, чьи лица вижу, ведь – вот они – ждут, дам им глоток самоуважения, мол, свои... когда-то были.

Ну, а те, чьи лица ему были не видны – ему свечки-то и задули, ему, да и всем нам тут. Эти – невидимые яснее нас понимают, что он хотел, как лучше, но дали понять, что не нужно им актерства, которое пока еще сущие во плоти устраивают друг

для друга. И вообще, если вы пришли помянуть, то помяните не свои, привычные вам предрассудки и иллюзии на свой счет, а потом уж, и на наш, погибших, счет. Постарайтесь помянуть нас такими, какими мы действительно были, нечеловечески и во многом слепо, пострадавшими «за дядю». Если вы готовы иногда встать пораньше, то разберитесь с этими «дядями». Пусть каждому воздастся по делам его. И не о мести речь. Постарайтесь яснее понять, кто и как дергал ниточки тогда и сейчас. Ведь какие-то ниточки невольно дергали и вы сами, и все еще дергаете. Если вы не удосужитесь протереть себе глаза, так и будете заблудившимся хороводом управляемых сверху кукловодов. Приподнимите веки – тогда вы поймете, кто и какими ниточками нас, погибших, запутал. А уж если вы сумеете распутать нас из этих ниток, да и самих себя в итоге, вот будет – настоящее Поминование! Вот тогда-то в подлинном смысле Слова – все вместе окажемся любимыми и - по-настоящему живыми. Ведь у Творца живы все.

А продолжая актерствовать, вы продолжаете сами себя запутывать, да и нас, как кукол, впутываете все дальше, как будто война никак не может закончиться. Вы сами, того не замечая, ее и подогреваете. Слепой слепого ведет, кукла куклой управляет, ввергая в одиночество, в муки и, как видите, часто – в смерть. А ведь, под кукольной оболочкой живой комочек орет: хоть кто-то меня собирается понять?! Когда же хоть кто-то меня живого разглядит и заговорит со мной по-живому?! Да ведь, и каждый из вас – переселенцев нередко по ночам так и кричит: я же живой, там внутри, ну хоть кто-то это сможет разглядеть? Или только куклы вокруг?

Наконец, речь закончена; осторожно оглядываюсь, где же эта женщина из Нарвы, ее, наверное, тоже смущили неловкие слова про «нас бы тут не было»? Похоже, нисколько. Глаза - глубоко внутрь, губы молитвы шепчут, и она дружески тепло, по-свойски разговаривает с теми, которых мы, «уж как умеем», пытаемся помянуть. Свеча в руках ее, как горела, так и горит ровным пламенем.

Альфред Сарно, социолог, профессор (Тампere).

Сентябрь 2008.

Наиля Бекжанова, Анна Жабрева, Наиле Сидоренко

Профессия как объект биографирования.

На примере отечественных биографических и биобиблиографических словарей и справочников 1956–2000 гг.

Наиля БЕКЖАНОВА
Анна ЖАБРЕВА
Наиле СИДОРЕНКО

Библиотека Российской академии наук

Задачей данного исследования было выявить степень отражения разных профессий в отечественных биографических и биобиблиографических словарях и справочниках, опубликованных с 1956 по 2000 год, и проследить возможные изменения в этом процессе.

В течение обозначенных 45 лет российское общество прошло ряд значимых этапов в своем развитии («оттепель», «застой», «перестройка»), и изменения в общественном сознании должны были найти выражение не только в печати в целом, но и на уровне персонографии. К тому же, именно в конце этого периода, с 80-х – 90-х годов XX века, начался «биографический бум» в исследованиях отечественных ученых, что привело к значительному росту числа публикаций биографического содержания, и, в том числе, в форме биографических и биобиблиографических словарей.

Базой для библиометрического анализа послужила картотека, подготовленная в ходе реализации проекта

sbo@rasl.nw.ru

«Русские биографические и библиографические словари и справочники, 1956–2000 гг.»¹. Для детального рассмотрения из данной картотеки было отобрано 1226 изданий, каждое из которых было посвящено деятелям одного профессионально-занятого профиля.

Важно отметить, что в анализируемом массиве учтены только определенные типы справочных биографических изданий: биографические и библиографические словари и справочники; библиографические указатели, построенные по персональному принципу и снабженные биографическими справками; сборники биографических очерков, в которых каждый очерк посвящен отдельному лицу.

Все отобранные источники в целом или частично посвящены российским деятелям (с древности до конца XX века). Географический охват материала, в основном, очерчен государственными границами Российской империи, СССР или Российской Федерации. Ученые источники опубликованы на русском языке на территории СССР, а с 1991 года – на территории Российской Федерации.

Во время обработки материала были проанализированы данные о профессиях отечественных деятелей, чьи биографии включены в словари и справочники, а также выходные данные, географические и хронологические рамки, принципы построения, тип и жанр издания, объем и характер биографического материала. Показатели динамики выхода изданий в свет, сравнение аналогичных признаков, различная сортировка материала позволили выявить дополнительные характеристики имеющегося информационного массива.

Полученные результаты свидетельствуют о достаточном диапазоне профессий (более 100), деятели которых в разные годы с разной степенью интенсивности становились объектом биографирования на уровне отдельного издания (см. табл.²).

¹ Бекканова Н.В., Жабрева А.Э., Сидоренко Н.А. К проблеме библиографирования биографий // Право на имя: Биографика 20 века. Эпоха и личность: ракурсы исторического понимания: 5-е чтения памяти В. Иоффе, С.-Петербург, 16–18 апр. 2007 г СПб., 2008. С. 30–39.

² В таблице ряд профессий объединены под обобщающим названием.

Названия профессий, занятий, областей деятельности	Количество словарей и справочников (по годам выхода в свет)					
	1956–1959	1960–1969	1970–1979	1980–1989	1990–2000	ВСЕГО (1956–2000)
Авиаторы			1	2	2	6
Актеры		2	2	2	7	13
Армия, деятели		1	3	11	22	37
Архитекторы, градостроители				3	16	19
Астрономы	1		1			2
Балет, народный танец, деятели		6	1	1		8
Библиотекари, библиографы				1		3
Биологи (разные специальности)	2	4		4	4	14
Винокуренная промышленность, деятели					1	1
Военно-морской флот, деятели		1			8	9
Востоковеды					1	3
Врачи (разные специальности)	3	3	9	9	20	44
Географы	2	1	1	1	2	7
Геологи		1	1	2	7	11
Гидрологи			1		1	2
Горное дело, деятели	1	1	1			3
Государственные деятели		3	7	19	43	72
Губернаторы					13	13
Декоративно-прикладное искусство, деятели	2	3	8	12	5	30
Дипломаты					2	2

Продолжение таблицы					
Естествоиспытатели			1		1
Железнодорожный транспорт, деятели	1			5	6
Издатели, типографы			1	1	1
Изобретатели	1		1	1	5
Инженеры				3	6
Информатики					1
Искусство, деятели		1	7	7	23
Искусствоведы					1
Историки		1	4	5	14
Композиторы	21	20	20	27	94
Кораблестроители		1			1
Космонавты			1		1
Краеведы	1			3	10
Криминалисты					3
Культура, деятели				2	4
Литературоведы, фольклористы					2
Математики, механики	1		2	1	4
Меценаты, благотворители					1
Мореплаватели, путешественники	2			1	4
Музыканты-исполнители	9	19	13	13	70
Музико́веды			2		1
Нефтяники	1				2
Обществоведы			3	1	3
Океанологи					1
Оружейники				1	1
Охрана правопорядка, деятели		1	1	2	1
					5

Продолжение таблицы

Педагоги, просветители	1		4	3	13	21
Писатели (разные жанры)	19	30	36	44	42	171
Пожарные					1	1
Политические партии, деятели			2	4	18	24
Политологи					1	1
Предприниматели		1			15	16
Прокуроры					6	6
Психологи					1	1
Рабочие	10	27	6	2		45
Разведчики, сотрудники спецслужб			1		1	2
Революционные деятели	10	9	12	18	3	52
Режиссеры				3		3
Религиозные деятели					16	16
Сельское хозяйство, деятели	2	8	2	1	1	14
Сельское хозяйство, ученые					3	3
Сказители, акыны, народные исполнители	2	1	1	1		5
СМИ, деятели		2		2		4
Спасатели на водах					1	1
Спортсмены	1	1	10	4	2	18
Статистика, деятели					1	1
Строители	1	2			1	4
Ученые	2	5	4	6	36	53
Фармакологи					3	3
Физики	1		1	1	3	6

Продолжение таблицы						
Философы				5	5	
Химики		1	1	3	1	6
Художники (разные жанры)	4	29	38	37	22	130
Экологи					3	3
Экономисты, плановики, бухгалтеры		2			3	5
Электроэнергетика, деятели					4	4
Этнографы				1	2	3
Языковеды (разные специализации)			2		3	5
ВСЕГО	101	188	212	266	459	1226

Показатели, приведенные в таблице, позволяют видеть профессии, стабильно представленные в документальном потоке на всем его протяжении, а также наблюдать тенденции угасания интереса к одним областям деятельности и появление или возобновление внимания к другим.

Рассмотрим подробнее три показательные совокупности справочных биографических изданий, посвященных трем разным социальным группам – художникам, рабочим и ученым.

В целом, абсолютное первенство по отражению в биографических словарях принадлежит представителям творческих профессий (писателям, художникам, музыкантам), которым посвящен почти 41% (498) отобранных изданий. Очевидно, что это связано со спецификой данных областей деятельности, формирующих национальную структуру культурных ценностей: большим резонансом в обществе, публичностью, инициативностью самих профессиональных групп. Этот круг изданий отличает также стабильность выхода в свет, регулярное обновление, широта географии, а также слабая зависимость от политических катализмов (правда, в юбилейные годы советской власти можно наблюдать подъемы кривой выхода этих изданий в свет).

Более детально остановимся на словарях, посвященных представителям пространственных искусств (живописцам, акварелистам, графикам, граверам, прикладникам и др.). Эту подгруппу составили 160 изданий, большая часть которых вышла в свет с 1959 по 1991 год, когда в год публиковалось от 1 до 8 книг этой тематики. Относительным спадом можно назвать период с 1993 по 1999 год, когда в год выходило всего 1–2 книги. Но с 2000 года вновь начинается подъем, который продолжается до настоящего времени. Необходимо

отметить, что 1990-е годы отличает также появление биографических словарей и справочников, посвященных художникам русского зарубежья целиком или частично³.

География охвата материала в указанных 160-ти словарях художников, а именно она и служит, как правило, объединяющим признаком, весьма обширна. Вероятно, благодаря активности Союза художников ССР и его отделений, подобные издания выходили не только почти во всех бывших союзных, но и во многих автономных республиках, а также в областях, краях, отдельных городах, и даже в некоторых небольших населенных пунктах⁴. Сам тип биографического сообщения, представленный в этих изданиях, достаточно разнообразен: от двух-трех строк короткой справки до пространных, многостраничных очерков.

Таким образом, в случае с деятелями литературы и искусства можно говорить о достаточно целостной картине, которую обеспечивают количественно и качественно порядка 500 изданий, географически широко, подробно и с достаточной хронологической глубиной представляющих деятелей этих профессий.

Другую, не менее интересную группу, составляют издания, которых набралось всего 64 (5%), посвященные людям труда – рабочим, колхозникам, строителям, транспортникам, бухгалтерам, инженерам и др. Представители этих профессий, не связанные непосредственно с печатным словом, редко привлекали к себе внимание литераторов или библиографов, т. е. составителей биографических словарей. Едва ли можно назвать 1–2 десятка подобных словарей в чистом виде, посвященных деятелям какой-либо из этих профессий.

Издания, в которых собраны сведения о людях труда, скорее можно квалифицировать как сборники более или менее беллетризованных очерков, написанных чаще всего профессиональными журналистами. Фактором, объединяющим персоны в одно издание, может служить не только принадлежность к одной профессии, но и общее место проживания или работы (город или область, предприятие), а еще чаще почетное звание (Герой Социалистического Труда, лауреат какой-либо премии).

Любопытный пласт подобных сборников увидел свет в 1960-е годы. Яркие, подобные лозунгам, говорящие заглавия, такие как «Наши чемпионы труда», «Наши тракторозаводские», «Люди трудового подвига», «Наши маяки», «Люди семилетки», «Люди большого полета», «Люди советской деревни», «Люди добродой славы» и т.п., объединяли в небольшие по объему, очень скромные издания очерки о новаторах и передовиках производства, сельского хозяйства и транспорта. Героями их были простые люди, добившиеся высоких результатов

³ Северюхин Д.Я., Лейкинд О.Л. Художники русской эмиграции (1917–1941): Биогр. словарь. СПб., 1994. 589 с.; Художники русского театра: 1880–1930: Кат.-резоне: Ст. /Дж.Э. Боулт. М., 1994. 412 с., ил.

⁴ Напр.: Льялово: Первая сел. народ. худож. галерея: Кат. М., 1980. 84 с.

в труде и, как правило, отмеченные государственными наградами. Любопытно, что эти книги выходили в местных издательствах и, естественно, рассказывали о людях своего города или области. Среди родов деятельности оказались и такие неромантические, с сегодняшней точки зрения, профессии, как доярки, бухгалтеры, библиотекари, комбайнеры.

В последующие годы мы уже не встречаемся с таким типом изданий, на смену им приходят в очень небольшом количестве биобиографические справочники и сборники очерков⁵. В 1990-е годы на первый план в подобных изданиях выходят не рядовые труженики, а руководители разных производств: нефтяники, энергетики, видные инженеры, металлурги, угольщики⁶. Наряду с крупными промышленниками и предпринимателями новая эпоха выдвинула новых «героев» – меценатов. С 1992 года достаточно стабильно (по 1–2 в год) начинают выходить издания, посвященные отечественным благотворителям прошлого и настоящего.

Третья группа изданий (всего 218 – 19 %) посвящена деятелям разных отраслей науки. Скромная по общему количеству, эта подгруппа характеризуется тем не менее положительной динамикой, что иллюстрируется, например, появлением в последнем десятилетии около 40 новых универсальных биографических словарей отечественных ученых.

Характеризуя в целом эту группу изданий, можно сказать, что, на первый взгляд, в них представлен достаточно широкий круг специальностей, относящихся к разным классам наук (всего 54 специальностей). Можно отметить, что редко (раз в 7–10 лет), но достаточно стабильно за весь период выходят биографические словари географов, биологов, медиков, обществоведов. Ряд специальностей являются новыми для изданий коллективной биографии указанного периода, это – историки, педагоги, теологи, философы, геологи.

При распределении выявленных изданий по классам наук очевидно преобладание изданий по естественным и общественным наукам. Так, естественные науки представлены 15-ю специальностями (астрономы, биологи, географы, геологи, гидрологи, математики и механики, физики, химики и др.); преобладают работы с большим историческим охватом, некоторые посвящены только советскому периоду. В выборке можно выделить 14 специальностей в ряду общественных наук (востоковеды, историки, информатики и научоведы, книговеды и библиографоведы, краеведы, педагоги и дефектологи, политологи, социальные психологи, статистики, теологи, философы, экономисты, этно-

⁵ Напр.: Изобретатели и рационализаторы Республики Коми: Биобиблиогр. указ. Сыктывкар, 1998. 124 с.; Дынин И.М. Творцы советского оружия. М., 1989. 206 с.

⁶ Напр.: Кто есть кто в угольной промышленности России: Биогр. справ. СПб., 2000. 715 с.; Кто есть кто в нефтяном комплексе России: Биогр. справ. СПб., 1997. 815 с.; Кто есть кто в металлургии России. М., 1992. 312 с.

графы); хронологически это достаточно обширный период с XVIII по конец XX века.

Наиболее необеспеченными биографическими словарями оказались медицинские науки (только 7 специальностей: анатомы, гигиенисты, эпидемиологи, хирурги, фармакологи, нейрохирурги, оториноларингологи); в еще более скромном положении ученые-гуманитарии (5 специальностей: музыковеды, искусствоведы, театрovedы, лингвисты и литературоведы). Наконец, считанные работы посвящены представителям сельскохозяйственных наук (3 специальности: агрономы, лесоводы, ветеринары советского периода).

Принципы объединения биографий ученых в один словарь в этой группе более разнообразны, чем в двух предыдущих примерах:

- наиболее полное представление людей данной профессии⁷;
- ученые – организаторы науки (президенты академий наук, ректоры вузов, деканы, заведующие кафедрами)⁸;
- ученые, имеющие почетные звания, государственные награды, лауреаты премий и т. д.⁹;
- другие принципы (ученые одной национальности, представители определенной научной школы, ученые, занимающиеся одной узкой проблемой¹⁰, ученые – участники Великой Отечественной войны, коллеги по работе, ушедшие из жизни, женщины-ученые, ученые – люди с ограниченными возможностями¹¹, ученые, пострадавшие от репрессий¹², и др.)

Результаты биографирования и биобиблиографирования научных кадров России, отраженные в анализируемых словарях, не вырастают в сколь-нибудь целостную картину. Лишь в отношении некоторых специальностей (астрономы, химики, физики, математики) задачу можно считать выполненной, да и то только на конец 1980-х. Отображение этих профессий в специальных словарях осуществлялось также учеными – историками науки (А.И. Бородиным, В.А. Волковым, Ю.А. Храмовым, И.Г. Колчинским, Э.И. Колчинским и др.). В остальном картина представляется достаточно случайной и хаотичной. В каждом классе наук можно назвать большое число специальностей, «неохваченных» слова-

⁷ Напр.: Мазурович Б.Н. Выдающиеся отечественные зоологии. М., 1960. 427 с.; Волков В.А., Вонский Е.В., Кузнецов Г.И. Химики. Биогр. слов. Киев, 1984. 734 с.; Корнев В.П. Видные деятели отечественной статистики, 1686–1990: Биогр. слов. М., 1993. 198 с.

⁸ Напр.: Амирзов Н.Х., Саркян В.Г., Красильников С.Н. Ректоры Казанского медицинского института. Казань, 1994. 120 с.

⁹ Напр.: Лауреаты Демидовской премии 2000 г. / Урал. отд.-ние РАН. Екатеринбург, 2000. 41 с.

¹⁰ Напр.: Буторина Л.А. Биологи – исследователи Ильменя. Екатеринбург, 1993. 78 с.

¹¹ Напр.: Незрячие деятели науки и культуры: Биобиблиогр. слов. М., 1973–1991. Т. 1–5.

¹² Напр.: Голубцов С.А. Профессура МДА в сетях Гулага и Чека. М., 1999. 96 с.; Репрессированные геологи: Биогр. материалы. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1995. 210 с.

рями. Пробелы эти начинают в какой-то мере заполняться в самые последние годы – с 2001 года по настоящее время.

Тем не менее, уже в конце XX века наблюдаются некоторые успехи в деле восстановления истории отечественной науки и отражения ее сегодняшнего состояния путем создания специальных биографических словарей. К положительным чертам можно отнести: углубление нижней хронологической границы биографических исследований, преодоление в ряде случаев разрыва между российской наукой внутри страны и в зарубежье, а также включение новых специальностей в круг исследуемых. В настоящее время можно также констатировать активную позицию руководителей отдельных вузов, которые, заботясь о престиже высшего образования и своего учебного заведения, выпускают в свет публикации биографического характера на материале своего вуза, и, тем самым, воздают должное своим ученым, популяризируют науку и соответствующие профессии. Так, в выборке выделяются 65 подобных биографических изданий, подготовленных в 52-х вузах 31-го города России.

Таким образом, проведенный анализ показывает, что справочная биографика является перспективной и развивающейся формой справочно-библиографической литературы и на конец 2000 года обладает рядом характерных черт:

1. Вторая половина XX в. отмечена значительным увеличением числа отечественных справочно-биографических изданий. Около половины их посвящено деятелям какой-либо профессии.

2. В выявленных биографических словарях зафиксировано около 100 профессий, весьма неровно представленных в данном документальном потоке.

3. На протяжении указанного периода к одним профессиям интерес был утрачен полностью (рабочие, революционеры), к другим – проявлен или восстановлен (губернаторы, прокуроры, краеведы, криминалисты, предприниматели, меценаты, религиозные деятели и др.).

4. Последовательность, стабильность, географическая полнота отражения в биографических словарях характерны лишь для деятелей литературы и искусства.

5. Наука представлена ограниченным числом профессий. Естественные и общественные науки находятся в несколько лучшем положении по сравнению с техническими, гуманитарными и сельскохозяйственными науками.

6. С середины 80-х годов XX в. в обсуждаемом словарном деле наблюдаются позитивные сдвиги общего плана: расширение хронологических рамок исследований, выход в свет первых работ, посвященных деятелям русского зарубежья, активизация работы по созданию вузовских справочно-биографических изданий.

Константин Дивисенко

Биографии молодых в собрании Биографического фонда

Константин ДИВИСЕНКО

Социологический институт РАН

Настоящая статья посвящена изучению биографических текстов молодых. На основе этих жизнеописаний осуществляется попытка выявления ценностных ориентаций современной молодежи. В начале статьи приводится краткий обзор материалов Биографического фонда в связи с хранящимися в нем биографиями молодых.

Биографический фонд (БФ) основан в 1989 году в секторе социально-культурных изменений ИСЭП АН СССР под руководством В.Б. Голофаста. Собрание Биографического фонда активно пополнялось с момента его основания за счет биографических материалов, переданных авторами, их родственниками на хранение или в дар, также благодаря проведению биографических конкурсов, биографическому интервьюированию.

Количественный анализ материалов, хранящихся в Биографическом фонде, стал возможен благодаря созданной в 2007 году системе управления базой данных биографических материалов. На настоящий момент времени

divis@inbox.ru

в фонде находятся более 580 единиц хранения, принадлежащие 474 авторам¹. Биографические тексты, написанные женщинами и мужчинами, в Фонде представлены приблизительно одинаково.

Возраст авторов БФ представлен в таблице 1².

Таблица 1. Возраст авторов биографического фонда

Десятилетие	Количество авторов БФ
до 1880 г.	2
1880-е	2
1890-е	5
1900-е	21
1910-е	46
1920-е	79
1930-е	89
1940-е	55
1950-е	33
1960-е	26
1970-е	14

Как видно из таблицы, большинство лет рождения авторов приходится на вторую четверть XX века.

Что касается жанрового разнообразия биографических материалов, то большинство единиц хранения – автобиографии, также имеются большие по объему семейные хроники и воспоминания, дневники, собрания писем и семейные фотоальбомы.

Биографии молодых, кроме основного корпуса автобиографий и сочинений школьников, представлены во всех разделах Биографического фонда. Всего более шестидесяти единиц хранения, большинство – автобиографии, также имеется несколько дневников.

Особое место в Фонде занимает корпус биографических текстов школьников. Основная его часть – это автобиографии и биографические сочинения «Я через N лет» учащихся нескольких петербургских школ. В начале 90-х автором этого

¹ В эти данные не включены биографические тексты школьников.

² Здесь приводятся годы рождения, актуальные для 78% авторов БФ, так как вычисление возраста автора на момент написания текста вызывает некоторые трудности из-за того, что год рождения часто точно неизвестен, и для некоторых жанров биографического письма (например, дневника) момент написания представляет собой определенный временной диапазон.

проекта и инициатором сбора биографий школьников стал О.Б. Божков. Под его руководством через 10 лет в других петербургских школах также были собраны автобиографии и сочинения школьников. В этом же 2002 году часть бывших учеников, которые описывали собственную жизнь в начале 90-х, согласилась написать продолжение своих жизнеописаний и свои новые биографические сочинения. Таким образом, в «школьных биографиях» представлены два разных поколения старших школьников, две возрастные когорты, чьи годы рождения приходятся на 1975–1977 и 1984–1986 годы, также имеются автобиографии-продолжения и новые сочинения некоторых представителей старшей когорты.

Как правило, исследователь имеет дело с биографическими материалами, принадлежащими людям, прожившим достаточно долгую жизнь. Биографии молодых – достаточно своеобразный эмпирический материал социального исследования, так как в них описывается небольшой интервал времени, начальная часть жизненного пути. Под биографиями молодых в настоящем исследовании понимаются биографические тексты, созданные в тот момент времени, когда их авторам было не более 35 лет. Таким образом, в биографии молодых может быть описано чуть более трех десятилетий жизни, причем каждое из них в личной истории будет иметь разный удельный вес. В биографиях школьников описываются только первое и часть второго десятилетия жизни. Первое десятилетие, возможно, является одним из наиболее важных для формирования личности, но, как правило, воспоминания о нем – смутные, и его описание – краткое; возможно, что этот материал представляет больший интерес для психологии, нежели для социологии. Обычно школьниками описывается более подробно часть второго десятилетия жизни, хотя четкую границу провести трудно.

Особенность биографий молодых – небольшой описываемый промежуток времени – может быть компенсирована использованием в анализе биографических сочинений «Я через N лет». В ракурсе определенных исследовательских задач, например, при изучении ценностей, биографическое сочинение «Я через N лет» может рассматриваться как равнозначный автобиографии текст.

Особый интерес вызывает описанное и неописанное в биографиях молодых относительно жизнеописаний людей других возрастных когорт. Как правило, молодые в своей биографии не касаются генеалогических изысканий, они описывают собственную жизнь. В их жизненном пространстве из родственников фигурируют только родители, сестры и братья, а бабушки и дедушки вспоминаются много реже и подчас в связи с летним отдыхом. Таким образом, если люди, описывающие свою жизнь в зрелом или пожилом возрасте, начинают повествование с родословной, расширяя тем самым пространство собственной биографии, включая в него жизнеописания других, то молодые, напротив, описывая собственную жизнь, пишут «чистую» автобиографию – презентацию самого себя.

Основная идея реконструкции ценностной сферы на материале биографий заключается в том, что автор в момент собственного жизнеописания поднимается над повседневной жизнью и пытается посмотреть на свою жизнь со стороны, представляя ее описание в тексте. Таким образом, в текст биографии может попасть только то, что значимо для автора, важно, ценно, поэтому исследователь, зафиксировав это ценное, получает срез аксиосферы личности.

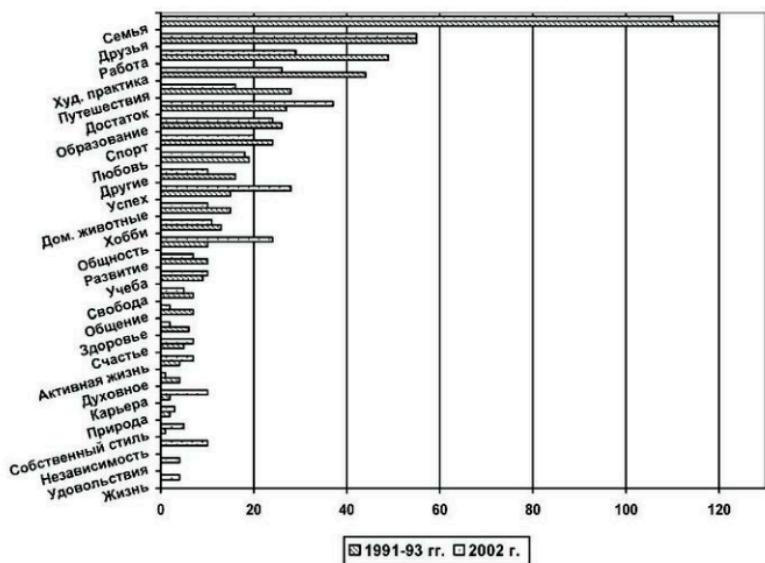
В свете аксиологического прочтения биографии снимается проблема достоверности, так как исследователю становится практически безразличной соотнесенность описанного с действительным. Важным здесь становится сам факт попадания описания чего-либо в пространство текста.

Основным материалом настоящего исследования стали школьные автобиографии и биографические сочинения, собранные в петербургских школах в начале 1990-х и в 2002 году. Всего было проанализировано 124 биографических текста 62 авторов. Подавляющее большинство авторов жизнеописаний – девушки (56 человек).

Процедура работы над эмпирическим материалом проходила в несколько этапов. Для каждого биографического текста (автобиографии и сочинения) выстраивалась иерархия ценностей: все ценности, выделенные в тексте, соотносились с тремя рангами значимости. Где первому рангу соответствовали ценности, наиболее значимые для автора, являющиеся лейтмотивом всего текста, к которым автор апеллировал неоднократно. Второй ранг ценностей занимает промежуточное место между наиболее значимыми ценностями и ценностями третьего ранга, это – ценности второго плана. К третьему рангу относились ценности, хотя бы раз встречающиеся в тексте. Также данное отнесение к рангам следовало следующему правилу – к ценностям первого ранга могли относиться либо одна, либо два наименования, а ко второму рангу – не более трех (в редком случае: четырех). При работе с корпусом текстов ранговые показатели ограничивают возможность использования некоторых арифметических действий, поэтому они были переведены в балльные, что дало возможность построению диаграмм. Из-за различного количества авторов и текстов в группах 1990-х и 2002 года (28 и 34 человека соответственно) был также введен коэффициент, для того чтобы сравнение ценностей на одной диаграмме стало правомерным.

Диаграмма 1. Ценности старших школьников

Ниже приводятся комментарии некоторых ценностей из биографических текстов молодых³.

Высокое значение **семьи, семейных (родственных) отношений** определяется самим жанром биографического повествования. В подавляющем большинстве текстов (хотя есть и исключения) присутствует упоминание семьи с разной степенью прорисованности.

Конечно же, мне бы хотелось иметь интересную и престижную работу, но если она будет мешать семье, то я предпочту расстаться с работой, нежели с семьей⁴.

Вторая по значимости ценность — **дружба**. Описание дружеских отношений характерно в большей степени для автобиографии.

³ В цитатах сохранена авторская орфография и пунктуация.

⁴ Я. М., соч., 2002.

С первого класса у меня была подруга. Мы были с ней, как говорится, «не разлей водой» друзья. Но, к сожалению, по мере нашего взросления наши интересы стали расходиться⁵.

Работа, трудовые отношения, напротив, присутствует только в сочинениях, также с различной степенью определенности: от обозначения сферы занятий до четкого прописывания должностных обязанностей.

Моя работа – это что-либо связанное с гуманитарным направлением, скорее всего – журналистика, и лучше всего – телевидение.

Но мне бы хотелось стать юристом и работать в области уголовного права. Я хочу стать следователем. Для этого нужно хорошо знать законы конституции РФ, УК РФ, принципы наказаний за совершенные преступления. Работа следователя занимательна и очень опасна. Она интересна не только самими действиями, но и также объектом расследования. Перед следователем ставится задача в том, чтобы не только найти корни совершенного преступления но и понять, что же побудило преступника пойти на это⁶.

Художественная практика – комплексное (синтетическое) ценностное отношение, она отражает значение искусства для личности. В ней можно выделить два аспекта: активное и пассивное приобщение к искусству. Первое – упоминание авторами их обучения в музыкальных и художественных школах, занятий в кружках (хореографических, декоративно-прикладных и др.), занятия танцами, участие в художественной самодеятельности, второе – посещение музеев, театров, выставок, концертов, чтение художественной литературы.

Тогда наши родители решили, что мы должны заняться чем-нибудь серьезным и нас (послали) учиться музыке⁸.

...литература стала моим вторым «я», моей сутью⁹.

Я с самого детства любила ходить по музеям, театрам (это привила мне мама) и, конечно, я обязательно буду находить достаточно времени, чтобы посещать эти учреждения культуры¹⁰.

⁵ С. Н., автобиогр., 1992.

⁶ Л. С., соч., 1992.

⁷ С. Е., соч., 1993.

⁸ М. А., автобиогр., 1992.

⁹ Ю. Е., автобиогр., 1992.

¹⁰ Б. Е., автобиогр., 1993.

Огромное влияние оказали на меня книги и фильмы¹¹.

Спорт – как и художественная практика – описание внешкольного времени, досуга, посвященных занятию в спортивных школах, секциях, кружках.

Во втором классе я начала ходить на тренировки в секцию волейбола в ДЮСШ Калининского района. А в 3-ем классе была уже в спортивном лагере «Олимпийский»¹².

Я постараюсь, чтоб моя семья была спортивной. Каждый будет заниматься каким-нибудь видом спорта: я и мой муж – так, для себя, а дети обязательно – профессионально. Еще мы будем ездить на разные чемпионаты – по футболу, хоккею и фигурному катанию – болеть за наших¹³.

К **хобби** относятся те сферы досуговой деятельности, которые не укладываются ни в художественную практику, ни в спорт. Эти три ценности – спорт, художественная практика, хобби, – можно объединить в одну, назвав их «досуговой практикой».

Успех. Эта ценность сопровождает обычно художественную практику и спорт, являясь результатом, достижением, связанным с ними. Успех признан либо различными субъектами, либо значим в собственных глазах.

Там я пошла в первый класс в 1984 году, в этом же году поступила в Детскую музыкальную школу, в этом же году стала чемпионкой города по акробатике, но через пару лет со спортом было покончено (хотя, по словам тренера, у меня был несомненный талант)... Я принимала активное участие в жизни школы: выступала на конкурсе чтецов, сначала на городском, затем на областном, вобщем, в этой области – гордость школы¹⁴.

Путешествия являются весьма значимыми событиями в жизненном пространстве, часто упоминаются различные поездки по стране и за границу, школьные экскурсии.

Еще с мамой я была в Дубассарах (в Молдавии), в Туапсе, в Карпатах (недалеко от Львова, почти у самой границы). И без мамы – в Алуште, Таллине, Москве, Владивостоке, Хабаровске и Дальнегорске (эти три

¹¹ В. Е., автобиогр., 1992.

¹² Б. О., автобиогр., 1992.

¹³ Л. И., соч., 2002.

¹⁴ Г. Д., автобиогр., 1993.

последних города я повидала, поехав на Дальний Восток с подругой-одноклассницей Леной М.)¹⁵.

Материальное благополучие, богатство, нечто значимое материального плана обозначено в данном исследовании ценностью «достаток».

Имею все, что нужно для полноценной жизни: квартиру, машину, дачу¹⁶.

В идеальном будущем я хочу разбогатеть (для этого придется стать бизнесменом и приодолеть главные свои недостатки — скромность, и, в последнее время, — лень.)¹⁷.

В настоящем исследовании два близких ценностных отношения — **образование и учеба** — были разведены. Под учебой понимается процесс обучения в учебных заведениях, его личностная значимость для школьников, а не только простое его упоминание. Образование — определенный культурный и социальный капитал, как результат какого-либо обучения. Образование рассматривается как ценность в отдаленной перспективе, а учеба как процесс, протекающий в повседневности.

Мне предложили перейти в спортивный класс, но я отказалась, я знала, что великой спортсменкой становиться не собираюсь, и у спортсменов довольно слабое образование. Мне приходилось совмещать школу и плавание. <...> Но потом передо мной стал выбор: спорт или учеба. Мне пришлось выбрать учебу¹⁸.

Любовь. Описание чувства влюбленности, объекты любви и влюбленности автора — как правило, неродные люди противоположного пола, с кем связывается построение будущей собственной семейной жизни.

Я дождалась своей первой любви, и у меня есть человек, для которого я жила все это время, описанное выше¹⁹.

Домашние животные подчас рассматриваются как полноправные члены семьи, и поэтому они так часто попадают в пространство биографии.

¹⁵ Л. С., автобиогр., 1992.

¹⁶ С. В., соч., 1992.

¹⁷ Г. С., автобиогр., 1993.

¹⁸ А. Я., автобиогр., 2002.

¹⁹ С. Ю., автобиогр., 1992.

Еще одним членом моей семьи является кошка, желательно пушистая. Мне кажется, именно кошка является хранительницей домашнего очага. По вечерам она приходит ко мне, забирается на грудь, я её гладжу. Таким образом с меня снимается усталость, накопившаяся за день²⁰.

Общность – достаточно сложная категория. К ней относится значение для автора определенной группы: в равной мере – либо причастность к ней, либо снобизм, противопоставляющий себя этой общности. То есть эта ценность включает две модальности – противостояния и слияния, но общим объектом здесь выступает общность.

В 14 лет я стала панком и, как требовала субкультура этого течения, навешивала на себя разных цепей надевала балахон и гады. В таком виде я колесила по улицам своего ненавистного (как мне тогда казалось) города, таким образом выражая свое отвращение к окружающему меня обществу. Это конечно было в каком-то роде ошибкой моей «молодости»²¹.

Я стала взрослея, стала многое понимать. Только вести себя я наоборот стала как ребенок. Мне так просто легче стало жить, потому что друзья скорее примут меня эдакой веселой дурочкой, чем серьезной и «трезвомыслящей»²².

Свобода как ценность, встречающаяся в биографических текстах молодежи, является более широким и абстрактным понятием, чем **независимость**. Понятиями свободы и независимость обозначаются примерно одинаковые сущности, но в начале 1990-х годов свобода была более значима, чем в 2002 году и рассматривалась как свобода для чего-либо.

Теперь попробую описать мой характер. Он не изменился сильно. По-моему, я человек «пожирающий себя», то есть сомневающийся в себе, преувеличивающий свои недостатки. Но через пятнадцать лет я буду более общительной, решительной и свободной. У меня будет много друзей. Мы вместе будем путешествовать²³.

²⁰ Б. Ек., соч., 2002.

²¹ Б. К., автобиогр., 2002.

²² Я. М., автобиогр., 2002.

²³ Д. Е., соч. 1991.

Само понятие «независимость» появилось в сочинениях 2002 г., под ним авторы понимают негативный полюс свободы — независимость от чего-либо, родителей, семьи, обязанностей, материальных обстоятельств и т.п.

Прошло 10 лет. Я симпатичная деловая девушка (с черными волосами). Я работаю в престижной стомат. клинике. Люблю свою работу. Вышла замуж, но детей пока не хочу. Независимая от своих родителей²⁴.

Через 8 лет я уже не буду зависеть от родителей. Я буду абсолютно свободным, самостоятельным человеком, который может жить независимо и преуспевать в жизни²⁵.

Другие — диалогическая ценность — наличие и значение в биографических повествованиях значимого Другого: во-первых, влияние других, их важность появления на жизненном пути, во-вторых, востребованность другими, принесение пользы и оказание помощи им (меценатство), забота об их счастье, также взаимопомощь.

Развитие — как правило, фиксация определенной степени развития умственных, волевых, физических качеств на момент написания или в определенный этап жизни, а также расширение кругозора, способности, самосовершенствование.

Общение — обозначение авторами значимости общения в их жизни.

Здоровье — беспокойство о физическом состоянии своих родных, упоминание болезней.

Счастье чаще всего выступает как терминальная ценность, как то, к чему стремится автор.

Жизнь и активная жизнь — также две близкие друг другу ценности. В первой акцент ставится на самоценность жизни, и жизнь рассматривается как самодовлеющая цель и предельный смысл. Под активной жизнью подразумевается ее содержание: насыщенность, яркость, разнообразие, наличие острых ощущений и активный отдых.

В контексте настоящего исследования **духовные ценности** противостоят всему материальному (например, ценности Достаток), и авторами в большинстве случаев не раскрываются подробно, изредка к этому примыкает художественная практика, экзистенциальные ценности (ценности поиска смысла жизни).

Карьера — ожидаемый профессиональный успех в будущем, становится значимой в биографических сочинениях.

Природа — значение природы, ее красоты, отдыха на природе.

²⁴ С. А., соч. 2002.

²⁵ Т. Е., соч. 2002.

Собственный стиль – также может быть назван ценностью самовыражения. Здесь авторами обозначается желание, стремление и само устройство жизни в соответствие с собственными предпочтениями, симпатиями, взглядами, вкусами.

Удовольствия выступают как один из важных компонентов жизни, либо гедонизм для автора является жизненной установкой.

Если посмотреть распределение всего массива ценностей двух возрастных когорт по жанрам (автобиографиям и сочинениям), то для автобиографий более значимыми являются дружеские отношения, художественная практика, спорт и успех, в сочинениях, напротив, значение этих ценностей становится меньшим, но здесь появляются большая степень значимости образования, достатка, работы и карьеры. Очевидно, что если при анализе автобиографий молодых не использовать методику проекционных сочинений, то часть ценностей может ускользнуть из поля зрения исследователя. Конечно, использование биографических сочинений возможно только для определенного круга исследовательских задач, так как здесь описывается не прожитая реальная жизнь, а проецируются значимые жизненные планы на будущее. Автобиография, таким образом, является субъективным отражением прожитого объективного опыта, а сочинение – отражением ментальных структур.

Как показал опыт работы с биографическими текстами молодежи, изучение ценностной сферы на биографических материалах вполне возможно. Данная методика имеет некоторые недостатки (возможный субъективизм исследователя при интерпретации текста), но и обладает преимуществами по сравнению с традиционными анкетными методиками изучения ценностей. Так как анкетирование предполагает исследование заданного исследователем корпуса ценностей, и респондент должен выбирать, оценивать и ранжировать предлагаемые наборы ценностей, подчас с весьма абстрактной формулировкой (например, «непримиримость к недостаткам в себе и других»). В биографии, в собственном жизнеописании автор пишет о том, что для него действительно значимо.

Алёна Козлова

«Любовь под знаком ЧСИР»: Влияние травматического опыта семейной истории на женскую судьбу второго поколения

Алёна КОЗЛОВА

Международный Мемориал (Москва)

Центр Устной истории и биографии Международного Мемориала в течение нескольких лет осуществляет проекты, рассматривающие историю семьи в советском тоталитарном обществе, способы ее выживания, мифологию семейной истории, и влияние пережитой травмы на следующие поколения. Собранный материал и, прежде всего, устные свидетельства, дают возможность по-новому оценить посттравматический семейный опыт, через который прошли сотни тысяч советских семей в течение нескольких десятилетий. Присмотреть, как история оказалась в ГУЛАГе матерей повлияла на их детей, как складывались их биографии и судьбы, как развивалась их жизнь на фоне травматического опыта истории семьи. Дает ключ к пониманию того, как менялась структура советской семьи, какое значение в создании и функционировании семьи играл невысказанный пережитый опыт разрушения семьи родителей.

В предлагаемом сообщении сделана попытка прочитать женские биографии детей репрессированных как

kozlova@memo.ru

истории их любви, жертвенности, предательства, благородства, замужества и одиночества. Определить стратегии поведения дочерей «врагов народа», которые были выбраны ими (или применялись принудительно) для выстраивания личных отношений, создания и сохранения семейных ценностей. Для анализа выбрана более узкая группа «дочек», тех, у которых были репрессированы и отец, и мать. Это дает возможность определить и общие для более широкой категории стратегии и выяснить, какое влияние оказал на последующую личную жизнь женщин арест матери и длительная (8–10 лет) разлука. Насколько травматичным оказалось возвращение матери из лагеря и ее включение в молодой и эгоистичный мир дочери, наполненный влиянием других любимых и уважаемых людей. Мир, в котором мать раньше присутствовала лишь виртуально.

Можно попытаться определить, насколько узкой является эта группа, на опыте которой мы хотим опереться. Операция против жен «врагов народа» была начата и подробно регламентирована приказом НКВД СССР № 00486 от 15 августа 1937 года.

Значительная часть приказа посвящена судьбе детей, остающихся после ареста матери без надзора.

Итоговые цифры по «изъятию детей врагов народа» за 1937–1938 годы указаны в записке начальника АХУ НКВД Сумбатова в записке на имя Берия от 29 января 1939 года. Всего по Союзу изъято детей 25 342 чел. (сноска). Эти данные заведомо неполны. В них отсутствует целый ряд категорий детей, оставшихся без попечения родителей.

Источниками для данного сообщения послужили биографические интервью, сделанные в рамках проекта «Дети АЛЖИРа» в 2004–2005 годах. АЛЖИР – лагерь, специально созданный по приказу НКВД СССР 3 декабря 1937 года в Казахстане недалеко от Караганды. Акмолинский лагерь жен изменников родины (АЛЖИР).

Было проанализировано 50 интервью женщин, родители которых принадлежали к партийной, государственной, военной и народно-хозяйственной элите, научной интелигенции. Их отцы были расстреляны в 1937–1938 годах, а матери как ЧСИР отправлены в Акмолинский лагерь. Дети отданы на опеку родственникам или направлены в детские дома. Отобранные нами «дочки» 1922–1932 гг. рождения, то есть их возраст на момент ареста родителей колебался от 5 до 15 лет. Таким образом, эти люди объединены не только близостью их дат рождения, но и важнейшим в их жизни событием – арестом родителей, круто изменившим их жизнь, переживанием и преодолением его последствий. (Возможно ли назвать их когортой/поколением 00486 приказа?) Это событие определило их как людей одной судьбы, а дальнейший социальный опыт укладывался в стандартную схему преодоления ограничений в выстраивании жизненно определяющих параметров: образование, карьера, семья, реабилитация, легализация собственной биографии. Перенесенный ими травматический опыт, неизжитый до

сегодняшнего дня страх, отсутствие моральной компенсации за пережитое – все это определяет их оценку прошлого и восприятие действительности.

Все наши респондентки хорошо помнят арест отца, а затем и матери. Они вполне отчетливо осознавали совершившиеся катастрофические события в их жизни. Сегодня они оценивают этот рубеж как «эпилог детства», быстрое взросление, выражавшееся, в первую очередь, осмысливанием собственного места в обществе нормальных советских граждан. Несовместимость собственного ощущения естественной принадлежности к обществу граждан и патриотов и позорного с точки зрения этого же общества факта личной биографии заставляла их конструировать свои способы адаптации в создавшихся условиях жизни. Изменявшиеся отношения с некоторыми родственниками, друзьями семьи, соседями убеждали девочек в том, что их несчастье ложится на них клеймом, становится их собственным грехом и позором. По мере взросления из сферы общественной этот опыт распространялся и на личную жизнь, часто в самом начале оборачиваясь неожиданными и горькими разочарованиями.

Дзенциол Ленина Даниловна

В школе у меня был приятель.. Мы прямо не разлей вода были. Как-то я прихожу с перемены, а у меня на парте лежит вырезка из газеты – «Троцкист Дзенциол разоблачен». Кто-то сказал: «Это сделал Валька! Я видел». Зачем он это сделал?

Живилова Ия Павловна

Когда я еще училась в техникуме, одно письмо у меня лежало в сумке. И девчонки влезли в сумку, потому что увидели письмо... А от кого? А я всегда говорила, что у меня никого нет. И вдруг они увидели письмо матери.

Вобщем, ...у нас была компания ...и когда они прочитали письмо, они мне ничего не сказали, но они рассказали в этой компании. И вот тот, с которым я встречалась, сказал: «Чтобы ее духу здесь не было».

Андрющенко Маргарита Даниловна

И значит, ко мне подходят и говорят: «Рита, после занятий оставляй группу, у вас будет экстренное комсомольское собрание». Я ж комсорг. А в чем дело? Персональное дело. – Чье? – Он мне говорит: «Твое».

И начинают: «Поступило письмо анонимное о том, что у меня отец – враг народа, и что мама моя была в заключении»... И вот идет собрание. Но ведущий собрание просит, заставляет всех высказаться по этому поводу. Я

не знаю, мне кажется, что я тогда уже и неживая была. Во всяком случае, кто выступает первым? Первым выступает член партийного бюро нашего курса... Этот парень во флоте где-то был, он в форме ходил, высокий, красивый парень. А он... он приглашал меня в театр, когда я училась в университете, то есть он явно за мной ухаживал.

Подобное предательство дружбы и едва начинающейся любви становились жестоким уроком для молодых девушек. Это укрепляло их в осознании собственной «греховности», формировало, как бы сказали историки гендеря, «гендерно пораженную идеологию». Если использование «исправленной биографии» респондентки считали возможным при поступлении в учебное заведение или на работу, то в личной жизни на это решались немногие. Мучительная необходимость признания, выговаривания собственной «вины» заставляли многих избегать серьезных отношений, этим, в ряду других причин, респондентки объясняют свои поздние браки. Пятнадцать из 50 опрошенных женщин рассказывают о прерванных отношениях после сделанного ими признания. Одни говорят об этом отстраненно, другие с бесшабашной бравадой, третья с нескрываемой горечью о разбитом чувстве.

Севорян, 1929 г.р.

Ну, потом за мной ухаживал один. Он тоже с войны вернулся, армянин он. Курсант.

Вот, и в общем, вот так он ухаживал, ухаживал. Ну, а потом, когда уже он захотел познакомиться с мамой, я его повезла в Петушки... А.. потом, когда уже ну, год остался ему, уже, он стал режеходить. И потом я поняла, я же ему испорчу всю карьеру. На фига ему?

Лищинская М.

Я не могла выйти замуж приблизительно до 28–29 лет, я боялась вопросов. Но если я собиралась выходить я сама должна была сказать. Я этого боялась и боялась причинить вред. Потому что знала, что могу причинить вред.

Марина Б., входившая в 1960-х в число признанных красавиц Грузии, вышла замуж за человека, потерявшего обе ноги в результате несчастного случая. Этот выбор она объясняла в том числе и тем, что тяжесть его положения была неизмеримо страшнее ее собственного и в этой ситуации она могла стать для него не источником неприятностей, а настоящим спасением.

Что я вам должна сказать, это у меня и у многих до сих пор, какое-то такое чувство было, что мы, ну как вам сказать, вот мы дети врагов народа, что мы, чуть ли не имеем права жить, и всех оберегали сами мы от себя. Вот когда я вижу, что идет знакомая или знакомый, или мамина приятельница, или кто-то такая, я делала вид, я делала вид, что я не вижу, чтоб не подойти и не навредить, и в неловкое положение не поставить. Все это в голове у тебя, и чувствуешь себя... и ни на что не имеешь права. Это у тебя у самой, внутреннее чувство, внутреннее вот это.

[Муж] Очень способный, талантливый человек, хороший человек, но я же говорю, меня все время преследовало горе. Хотя это горе я сама выбрала.

Поиск вариантов, при которых запятнанная биографии жены не имела бы пагубного влияния на карьеру мужа и не углубляла чувство собственной неполноценности женщины, приводил к заключению мезальянсных браков. Причем эта «мезальянсность» в полной мере осознавалась женщинами, которые очень хорошо помнили, какую должность занимал их отец, какие гости приезжали к ним на дачу, и как в детстве детей учили языкам, фортепиано, хореографии. Вернувшаяся из лагеря мать тоже часто оценивала брак дочери с этих позиций.

Петкевич Нина Дмитриевна 1927 г.р., вышла замуж в 1948.

А муж мой токарь по специальности, рабочий, как мать всегда говорила, в нашем роду единственный рабочий был человек. Все были люди образованные, а мы вот, а я вот такая вот. А с другой стороны, у меня был один военный жених, но я как-то сказала, что не могла это скрыть, что у нас ничего не получится, что вся его карьера пойдет насмарку, так что у нас ничего не получится. Так что я уже подумала: ладно, мне уже положено так, за рабочего выходить.

Талаева Инесса Петровна 1929 г. р., вышла замуж в 1958.

Да, я замуж там вышла. Шахтер, добрейший человек. Я ему говорю: «Ты знаешь, у меня какая биография?» Он: «Я твоя опора». И все его называли Васенька, Васенька, Васенька. Но он из простой семьи. Но я пережила столько и хотела, чтобы только кто-нибудь меня только от всего этого кошмара освободил. А здесь я замуж вышла, не побоялся он моей биографии.

Еще одним способом ослабить негативное влияние на карьеру мужа было решение (собственное или под влиянием родственников мужа) не регистрировать брак, по крайней мере, до рождения ребенка.

Ощущение собственной вины, нежелательности, страха собственного ареста формировали психологию жертвы, пассивную готовность терпеть и принимать любую несправедливость, отсутствие права на сопротивление. Все это приводило к неспособности адекватно оценить степень угрозы в той или иной ситуации, часто специально созданной для того, чтобы получить полное влияние на девушку, которая становилась жертвой обмана, шантажа или прямого насилия.

Так, Нэлли К. вынуждена была выйти замуж за человека, который шантажировал ее тем, что сообщит порочащие сведения в ВУЗ, где учился ее младший брат, и мальчик пострадает. (Дело происходило после 1956 г.)

Особенно показательна история Нины Г., которая в 13 лет попала в детский дом, а в 17 лет в 1942 году с другими воспитанниками была угнана в Германию на принудительные работы. В 1945 году она попала в фильтрационный лагерь вместе с группой польских работников.

Я к ним так присоединилась, потому что была одинокая. Говорил потом, что можно ехать домой на родину. Не семейным нельзя, только семейные. А куда несемейные? В Америку, в дом проституции. Мы так думали, что это не правда, но мы боялись. Я тогда как-то присоединилась к этому Богдану. Я не знала к кому обратиться даже. Все девочки, которые там были, бросались, чтобы выйти замуж, чтобы выехать. Я осталась с ним жить, он меня сюда привез.

Первый ребенок у меня родился, в год и три месяца умер. А он меня привез к своим родителям. Он был первый мой мужчина. Я не умела говорить по-польски, мне было очень тяжело. А он изменял мне, оставил меня со своими родителями. Я рассказала всю свою историю, что родители арестованы были. И он это использовал. Когда я ему говорила, почему ты не приходишь домой. Он говорил: «Тихо сиди, потому что поедешь туда, где твои родители». Я боялась, чтобы меня не забрали без ребенка.

Людмила Б.

И мы с его дочерью встретились в этом приемнике, она меня там опекала, потому что она уже была большая. У нее страшно сложилась судьба. Она была большая, и ее сначала взяли в детский дом, а 16 лет исполнилось, паспорт получи и все, уходи из детского дома. Она приехала назад в [родной город]. Она приехала, пошла к одному родственнику – он говорит: «Нет... мы не можем тебя взять. Что ты, твой отец слишком известный

человек, он «враг народа», а мы возьмем его взрослую dochь?». Ко второму, третьему, четвертому пошла и везде «нет». Кушать хочется, спать хочется. На чердак какого-то дома поднялась, легла. Там же и какой-то мужчина:

- Кушать хочешь?
- Хочу.
- Я тебе дам хлеб, а ты мнѣ дай то-то.

И до самого приезда матери в 1946 году она жила на чердаке и за кусок хлеба спала с мужчинами. Приехала ее мать и в 1946 году она ее забрала с собой в ссылку. После всего этого она ее вот эти 10 лет возвращала к жизни, возвращала.

Возможность устроить свою жизнь, обрести дом, семью, стабильность, покой и защищенность женщины находили в браках с партнерами намного старше их, как бы компенсируя своей молодостью те риски, которые принимал на себя муж. Это был шанс спрятаться, сменить опасную фамилию и, в некоторых случаях, решить свои бытовые проблемы после нескольких лет скитания по съемным углам с вернувшейся из лагеря матерью.

Кожемякина Ленина Антоновна

Я взяла фамилию мужа, потому что легче было с его фамилией жить. Уже Кожемякина, а не Бомбулевич. Я уже не боялась, что меня арестуют как Бомбулевич, как dochь врага народа.

...Да, на всю жизнь остался. На всю жизнь отпечаток. У меня, поскольку я, можно сказать, удачно вышла замуж, что мне попался такой муж, что он и маму принял, и брата принял, и я восприняла духом.

Существовал способ наиболее щадящим образом устроить личную жизнь – найти человека схожей судьбы, тем самым гарантированно избежать попреков, длинных объяснений и ответственности за неудачи в карьерном росте. Казалось бы, чего проще? Ведь при существовавшем масштабе репрессий кандидатов было великое множество. Однако, мужчины, как и женщины, тщательно работали над своими биографиями, представляя внешнему миру отредактированную версию своего прошлого. Скорее всего, специальных поисков мужа с соответствующей биографией женщины не предпринимали, но случайное выяснение схожих обстоятельств жизни становилось основой для дальнейших отношений.

Заикина Ольга Михайловна, 1928 г.р., замуж вышла в 1955.

У него же родители раскулаченные. И расстреляны были. Ничего про себя объяснять не надо было, он все понимал.

Ермашова М.А.

Тоже сирота, детдомовец. Не политический, простодетдомовец. Большая семья, родители рано умерли, и он тоже воспитывался в детдоме. Он знал. Но он так лояльно относился к этому. Потому что он сам детдомовский.

Многие женщины говорили о не покидавшем их чувстве страха, об ожидании ареста, своей крайней осторожности в общении с новыми знакомыми, которые могли оказаться «стукачами». Они переносили эти подозрения и на молодых людей, которые вдруг начинали за ними ухаживать. Девушки уже имели опыт общения с сотрудниками органов, когда в ответ на запросы о судьбе отца их вызывали в соответствующие инстанции и многозначительно советовали ради своей же пользы не задавать лишних вопросов. Некоторые респондентки рассказывают о своем опыте, честно признаваясь, что не знают, верно ли они оценили внимание, оказанное им молодыми людьми.

Трауберг Изольда Эдьюардовна

Я безумно боялась милиции, я была напугана, я совсем недавно перестала бояться, от этого никуда не денешься.

А когда я работала на фабрике, вот откуда он появился, я не знаю, он стал меня провожать до дома несколько раз. И я так была перепугана и в то же время, [он] словоохотливый очень, так как у меня в душе была полная любовь к Сталину, то есть он, безусловно, наводил меня на разговоры. А я боялась, что он за мной ухаживает, а мне это очень странно, никто за мной не ухаживал до этого. Таким же образом от меня отстал, пропал и всё. Значит, если бы я что-нибудь, может быть, у него был магнитофон, они же девятнадцатилетних всех в лагеря отправляли.

Однако были и кровенные провокации, сопровождавшиеся попыткой вербовки, вынуждавшие девушек идти на сложный компромисс.

Влияние матери

Учитывая, что жены получали 5–8 лет лагерей, окончание срока их заключения приходилось на военные годы, таким образом, освобождение не произошло и женщины оставались в лагере до окончания войны или были направлены на поселение без права выезда к месту жительства. Однако и после освобождения они были ограничены в выборе мест проживания, и, как правило, после короткого свидания с детьми, вынуждены были уезжать за «101-й километр». С этого времени (1946–1948) начинаются более-менее устойчивые контакты

с детьми, когда они приезжают в отпуск, на каникулы, на выходные или остаются жить с матерью. Только после 1953 г. женщины получают возможность вернуться к детям, и, в большинстве случаев, при наличии дочери и сына, живут с дочерью или в семье дочери. К этому времени их детям от 19 до 26 лет и многие из них уже имеют свою семью.

Жизнь в семье взрослой замужней дочери складывается нелегко. Оценивая ее брак, мать сравнивает его со своим опытом не в пользу зятя. Рассказы об отце, его замечательных личных качествах легко ложатся на сохраняемый дочерью идеальный образ. От молодых требуется большая стойкость и выдержка, чтобы ситуация не привела к конфликту. Тем не менее, авторитет матери, ее постоянное давление и внутреннее осознание ее правоты (разве может кто-то сравниться с отцом), приводит к разрыву семейных отношений. Особенно ярко такую ситуацию описала Маргарита Даниловна Андрющенко. Ее первый брак в 1956 году распался по вине матери.

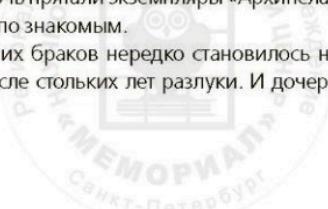
И нам дают, вот здесь, на Университетском проспекте, комнату 21 метр, в общей квартире трехкомнатной. И мы въезжаем. И скоро появляется мой муж, о котором мама не знала — ни сном, ни духом. И въезжает мой муж, с которым мы благополучно скоро расходимся, потому что мама сказала: «Разве это муж? Вот у меня был муж!» Ну, действительно конечно ничего общего нет. ...Мой-то как раз простой. Ну вот я за него и вышла замуж. И мама сказала: «Нет, это конечно все [не то]...» Вскоре я забеременела. Мама сказала: «Никаких условий. Кто будет с ребенком, и вообще как что?» Я говорю: «Ну что будем делать, мама?» Она говорит: «Ну, ты же не идиотка какая-то — хирургическое вмешательство».

Мы расстались, еще не разводясь, я поняла одно — что мне надо уходить, мне надо отделиться от мамы.

Авторитарность часто была присуща «старым большевикам», которые сохраняли неизменными свои политические идеалы и часто, после возвращения вели общественно-политическую работу в ЖЭКах или районных советах.

Бомбулевич Ленина Антоновна так вспоминает свою маму: «Ну, конечно, она такая же и была политически грамотная, еще с моим мужем там спорили на политические темы. Как была грамотная, такая и осталась, ничего в ней не изменилось». Чем больше менялась жизнь, тем непримиримей становились стороны. В рассказе Ксении С. описан случай, когда мать пригрозила сообщить об антисоветских настроениях зятя «куда следует», в то время как раз в диване, на котором она спала, ее зять и дочь прятали экземпляры «Архипелага ГУЛАГ». Пришлось их срочно пристраивать по знакомым.

Причиной поздних браков нередко становилось нежелание матери отпустить от себя дочь после стольких лет разлуки. И дочери принимают эту ситуа-

цию, отказывались от личной жизни, считая своим долгом заботиться о матери, пережившей столько страданий.

Тамара Артаковна Галкина (Стаблтянц) вышла замуж в 40 лет.

Кстати, потому так поздно — это тоже вина Сталина. Потому что, когда мама вернулась из лагеря, то она не хотела, чтобы я выходила замуж. Реакция типичная для женщин, пришедших из лагеря. И можно их понять. Потому что наконец они дома, все свои, вот дочка, вот мать, потом мама умерла ее, бабушка то есть, и я тогда решила: ну что делать, я свою жизнь отдаю матери.

— То есть Вы отказывали?

— Я отказывала внутри себя. Ну, были случаи, когда и предложения были, нет. Я отказывала.

В некоторых случаях боязнь новой разлуки с дочерью приобретала черты болезненной ревности, провоцируя женщину на симуляцию беспомощности, различных приступов вплоть до инфаркта.

Андрющенко Маргарита Даниловна, 1932 г.р., первый брак — в 1956 (распался по вине матери), второй раз вышла замуж в 35 лет.

И вот я как-то страдаю, убиваюсь, что же с мамой, что делать, а мне соседка и говорит: «Да ладно ты, успокойся, ..., вот ты только уходишь, мама накручивает бигуди и ходит по квартире и поет, и все, и все нормально. Вот, я тебе говорю: в 5 часов, вот как тебе в полседьмого прийти, она ляжет в постель». Вот что случилось с моей мамой.

Она не хотела, чтобы, что она не хотела, она не хотела, во-первых, чтобы я вышла замуж. Потому что тогда она меня утрачивала. Я должна была быть ее собственностью..

Обижена на маму сильно. Если бы я от нее не ушла, я бы до сих пор замуж не вышла.

В 1946–1948 годах женщины получили права выезда с мест поселения, возникают проблемы жилья, работы, а часто и плохого здоровья. Они нуждаются в помощи взрослых детей, и дочери стоят перед выбором — устраивать личную жизнь или подчиниться чувству долга (пока можно говорить только об этом чувстве) по отношению к матери. Отказ от личной жизни в этой ситуации неизменно оборачивается обидой на мать, сожалением о принятом решении, ощущением принесенного в жертву личного счастья, особенно если последующий брак был неудачным.

Ковалева Светлана Петровна, 1927 г.р.

Пишу сестре, что я, значит, выхожу замуж. А она мне сразу пишет: «а с кем будет мама? Мы в Москву взять не можем, а с кем она будет? А как она будет? Ты еще молодая, еще у тебя будет и будет. Зачем тебе торопиться». А мне уже двадцать один. И в общем, короче говоря, я все бросаю, бросаю жениха, вот сразу, села на поезд и уехала к маме. Потому что она заболела тифом, с осложнением.

Она уже вольная. И она живет в семье этого самого энкаведешника нянькой при детях.

Она пишет, что я в больнице, что у меня брюшной тиф, что я вернуться не могу, что я не знаю, что делать. Мать мне пишет. Еду к маме, а этот энкаведешник меня устроил в зону. Фельдшером.

Я вышла замуж. Ну, вот там же я в гарнизоне уже работала и там это.. муж был.

А с Мишой я не встречалась, но прошло десять лет, и я каждую ночь вижу его во сне. И я уже сравниваю, какую я сделала ошибку, и что, я уехала, я ему адрес не дала.

Разрушительно действовал на брак и на перспективы замужества и тот вариант, когда после долгожданной встречи и мать, и дочь восстанавливали прежние отношения, возможно, еще усиленные трагическими обстоятельствами их жизни. Наstrandавшиеся друг без друга, дочери и матери выбирали счастье взаимного обретения, отсекая все, что могло бы этому помешать.

Галина Иосифовна Коледова, 1924 г.р., вышла замуж в 1948, брак длился год.

Он мне говорит: «Галь, выходи за меня замуж». «Вот, я знаю твою жизнь. Выходи за меня замуж». И пошли мы в ЗАГС, зарегистрировались. Он был старше на 8 лет. Но, мы не долго прожили вместе. Не долго, около года. Вернулась мама, я всю любовь ей отдала. Всю.

Возникавшие все же браки были очень поздними (после 40 лет), и как правило, после смерти матери.

Некоторые респондентки не выходили замуж, объясняя это тем, что им с мамой никто не был нужен, а потом (после смерти матери) уже было поздно.

Препятствия, которые испытывали дочери «врагов народа» в выборе профессии, в образовании и карьере, со временем, более-менее компенсировались. В 1960-х многие из них, благодаря высокому профессионализму

получили признание и уважение в коллективе и моральное удовлетворение, даже если их карьерный рост был незначителен. Реабилитация дала чувство восстановленной справедливости и легализации собственной биографии. (Чувство, довольно далекое от истинного положения вещей.) Однако такой компенсации в сфере личной жизни не произошло. В своих воспоминаниях женщины возвращаются к постоянному состоянию страха, что в любой момент, если станет известна ее биография, она может лишиться расположения друзей, коллег, любимого человека. Чувство вины за неудачи в судьбе, карьере мужа и даже за его характер и болезни присутствует в них до сих пор.

Наталья Баженова

Труды ученых Академии наук СССР блокадного периода:

Проблема анонимности

Наталья БАЖЕНОВА

кандидат филологических наук,
Библиотека РАН

oian@rasl.nw.ru

История блокады Ленинграда 1941–1944 годов имеет множество аспектов. Одним из них является освещение деятельности тех ученых Академии наук, которые по тем или иным причинам не уехали в эвакуацию. Именно с работой этих ученых, оставшихся в Ленинграде, в значительной мере связана, на наш взгляд, проблема анонимности академических трудов периода блокады. В таком ракурсе позволяет увидеть академическую деятельность материала протоколов заседаний Комиссии по делам ленинградских учреждений, относящихся к блокадному периоду и хранящихся в Санкт-Петербургском филиале Архива Академии наук.

Связь ученого с его именем лежит не только в плоскости обычных человеческих отношений – для ученого его имя означает нечто значительно более важное, чем для любого другого человека. С именем для ученого связана своего рода оценка его личного вклада в разработку научной проблематики. С именем, впервые упомянутым в публикации материалов исследований

по тому или иному научному направлению, связан научный приоритет в разработке тематики, авторитет среди коллег в научной сфере и т.п. Поэтому в науке привычной стала практика своего рода конкуренции имен. Тем более что в большинстве случаев (особенно в сфере гуманитарных наук) результат достижений ученого фиксируется только в публикации под его именем. Изученные нами архивные материалы о деятельности академических ученых в период блокады Ленинграда позволяют говорить об ослаблении связей между ученым и его именем.

Впервые с фактом отказа ученых от закрепления своего научного приоритета автору данной статьи пришлось столкнуться во время подготовки к печати рукописи «Библиография изданий Академии наук ССР» за 1941–1943 годы. Машинопись хранится в фонде Отдела изданий Академии наук Библиотеки РАН и включает 3 тома, каждый из которых посвящен конкретному военному году. Это единственный в стране фундаментальный библиографический справочник, созданный в блокадные годы и охватывающий всю издательскую деятельность Академии наук первых трех военных лет. Точных датировок времени создания указателя и имен всех его авторов документы не зафиксировали, поэтому информацию об этом приходится извлекать по крупицам, сопоставляя сведения из разных архивных источников.

В предисловии к машинописи первого тома (за 1941) сказано, что работа над указателем осуществлена под руководством К.И. Шафрановского¹ сотрудниками Библиотеки АН ССР Н.М. Нестеровой² и Э.П. Файдель³. К началу войны имена этих библиографов были уже хорошо известны. Ими был создан целый ряд фундаментальных библиографических указателей, в том числе и указателей академических изданий. Тем не менее, невозможно с полной уверенностью утверждать, что все участники этого авторского коллектива занимались работами над военным указателем от начала и до его завершения. В материалах архива Библиотеки РАН сохранились сведения о том, что осенью 1942 года К.И. Шаф-

¹ Константин Илларионович Шафрановский исполнял обязанности ученого секретаря БАН с 30.07.1941 (выписка из приказа №124 по БАН ССР от 05.08.1941. Архив БАН. Ф.158/1. Оп.2. Ед хр.2. Л.142). После демобилизации с военной службы был утвержден в должности ученого секретаря вице-президентом АН ССР академиком А.А. Байковым (распоряжение №508 по АН ССР от 21.07.1944. Архив БАН. Ф.158/1. Оп.2. Ед хр.2. Л.147).

² К сожалению, установить имя, отчество, судьбу во время войны, конкретный участок работы и круг обязанностей Н.М. Нестеровой пока не удалось. О ней не сохранилось ни документальных сведений, ни воспоминаний сотрудников.

³ Эсифир Петровна (Пинхусовна) Файдель начала свою деятельность в БАН помощником библиотекаря (выписка из протокола заседания Административно-хозяйственной комиссии при Президиуме АН ССР от 04.11.1931. Архив БАН. Ф.158/1. Оп.2. Ед хр.4. Л.76). Затем служила в Научно-библиографическом отделе, который возглавлял К.И. Шафрановский (Там же. Л.90).

рановский и Э.П. Файдель⁴ были эвакуированы в Москву⁵ и находились там до снятия блокады. Никаких сведений относительно отъезда в Москву Н.М. Нестеровой не имеется. Зато в письме от 15 февраля 1943 г. директора Библиотеки АН СССР военных лет Иннокентия Ивановича Яковкина, адресованном на фронт («Ораниенбаумский пятачок» – деревня Ильинка) сотруднику БАН Мирону Морисевичу Гуревичу, есть прямое указание на выполнение в Москве К.И. Шафрановским и Э.П. Файдель большой библиографической работы. И.И. Яковкин пишет: «Полгода прошло с того момента, как в один августовский вечер я покинул свое жилье на Ковенском и превратился, по сути говоря, в бездомного, который сидит в чужой квартире, спит на чужой кровати, ест с чужой тарелки. Стараюсь, как могу, войти в работу – перебросил сюда неиспользованные в Ленинграде штатные единицы, вызвал – должен сказать, с очень большим трудом – трех сотрудников⁶ и наладил, как мне кажется, обработку обязательного экземпляра, со скрипом идет большая по тематике библиографическая работа <...>⁷ (курсив наш – Н.Б.).

Предположение о том, что основными исполнителями проекта были именно К.И. Шафрановский и Э.П. Файдель, зиждется (помимо сведений о большой по тематике библиографической работе, ведущейся в Москве) на том, что до и после войны именно К.И. Шафрановский возглавлял все работы по составлению в Библиотеке указателей академических изданий. В этой длившейся из года в год огромной работе его неизменным сотрудником была Э.П. Файдель⁸.

На титульном листе машинописи первого тома стоят выходные данные: Москва, 1944. Чтобы датировать конкретные этапы подготовки указателя, сопоставим факты. Временные рамки материалов указателя (1941–1943) практически совпадают с временными рамками блокадного периода. В 1941 году и до осени 1942 года К.И. Шафрановский и Э.П. Файдель находились в Ленинграде. С осени 1942 до начала 1944 года они работают в Москве, затем возвращаются в освобожденный Ленинград⁹. Сведений о том, что сотрудники московских фи-

⁴ В характеристице Файдель от 10.04.1953 отмечено, что «в октябре 1942 г. [она] была командирована в Москву в Сектор сети спецбиблиотек БАН, где выполняла библиографические работы». Архив БАН. Ф.158/1. Оп.2. Ед хр.4. Л.90.

⁵ В период ленинградской блокады в Секторе сети спецбиблиотек БАН в Москве собирался обязательный экземпляр для БАН.

⁶ Третьим сопровождающим библиотечный груз в Москву была Глафира Федоровна Подозерская. См.: История Библиотеки Академии наук СССР (1714–1964). – М., Л., 1964. С.441.

⁷ Публикацию письма директора БАН профессора И.И. Яковкина сотруднику Библиотеки М.М. Гуревичу на фронт «Ораниенбаумский пятачок» – деревня Ильинка см.: Леонов В.П. Судьба Библиотеки в России. Роман-исследование. – СПб., 2000. С.354–355.

⁸ После смерти в 1942 году первой жены К.И. Шафрановского Э.Ф. Файдель стала его супругой и удочерила его дочь. Архив БАН. Ф.158/1. Оп.2. Ед хр.4. Л.81 об.

⁹ В деле Э.П. Файдель есть запись о том, что «в апреле 1944 г. [она] была направлена в Ленинград». Архив БАН. Ф.158/1. Оп.2. Ед хр.4. Л.90.

лиалов БАН СССР продолжили сбор и систематизацию материалов об изданиях Академии наук, не имеется. Да это было бы и невозможно, поскольку в то время БАН была центральной библиотекой Академии наук, и ее московская сеть не обладала для такой работы ни научными силами необходимой квалификации, ни достаточными фондами. Таким образом, есть все основания утверждать, что работа над указателем была начата К.И. Шафрановским и Э.П. Файдель в Ленинграде в довоенном 1941 году, продолжена там же в первый год блокады, завершена в Москве и там же напечатана в начале 1944 г. перед возвращением в Ленинград.

Странным представляется тот факт, что указатель изданий АН СССР периода 1941–1943 годов – при всей значимости описанного в нем материала – так и не был авторами завершен и издан. При этом условия мирного времени, казалось бы, должны были способствовать публикации (или хотя бы подготовке к публикации) уже готовой части указателя¹⁰. Из готового указателя были использованы только библиографические принципы его создания. Они стали важным этапом подготовки крупного проекта «Библиография изданий АН СССР»¹¹, первый том которого вышел в 1957 году.

Имена библиографов, готовивших военный указатель, можно узнать лишь из предисловия к современной (отредактированной и значительно дополненной) публикации¹², вышедшей в Библиотеке РАН в 2006 году. Самых авторов 1940-х годов вопрос о собственном научном приоритете словно и не волновал.

Можно было бы рассматривать этот факт как единичный, но материалы Комиссии по делам ленинградских учреждений дают право поставить его в связь с целым рядом фактов из биографий ленинградских ученых времен блокады.

Во время блокады был выполнен ряд фундаментальных исследований по разным научным направлениям. Такие работы не только заслуживали публикации – от этой публикации зависела жизнь многих тысяч граждан нашей страны. К числу таких работ относится открытие профессором В.С. Садиковым¹³ соль-

¹⁰ После снятия блокады постепенно наладилось поступление из Книжной палаты обязательного экземпляра и началось возвращение в Библиотеку книг, скопившихся в Москве за период блокады. Над восполнением лакун периода 1941–1944 гг. в Библиотеке работала специальная группа. Стали создаваться нормальные условия для продолжения работы по составлению библиографического указателя академических изданий на месте, в Ленинграде.

¹¹ Проект начат именно К.И. Шафрановским и продолжался почти 40 лет: с 1957 по 1990-е гг. напечатано 38томов, в 2006 г. фактически вышел т.39 («Библиография изданий Российской Академии наук: 1994–2004». Вып. 1: 1994 год. – СПб., 2006. – 696 с. Мемориальный проект). Готовится к изданию т.40 – также под видоизмененным названием, потому что финансирование под крупный серийный проект найти практически невозможно. Приходится изыскивать способы дробной подачи материала, чтобы добиться хотя бы поддержки издательского проекта с помощью грантов.

¹² Библиография изданий Академии наук СССР: 1941–1945 гг. Вып. 1: 1941 год / рук. проекта Н.В. Колпакова, ред. коллегия: Н.М. Баженова и др. – СПб., 2006. – 660 с. (Мемориальный проект).

¹³ Садиков Владимир Сергеевич (1874–1942), биохимик. С 1921 г. работал в тесном контакте с В.И. Вернадским, был научным сотрудником Минералогического музея АН и ГРИ, с 1926 г. – в Отделе живого вещества КЕПС, в 1928–1934 гг. – Биохимической лаборатории (БИОГЕЛ). Остался в Ленинграде

вентного способа производства дрожжей и метода их комплексного использования в качестве дрожжевого белка в условиях военного времени. Во время блокады это открытие спасло от смерти тысячи ленинградцев. Первое же обсуждение доклада В.С. Садикова на Комиссии по делам ленинградских учреждений, которое состоялось 5.01.1942, вызвало самую бурную реакцию. В решении по этому вопросу сказано, что «тема доклада является крайне актуальной и предложенный новый способ комплексного использования дрожжей может явиться научным открытием, имеющим весьма практическое значение, давая возможность замены мясных белков полноценным дрожжевым белком», что «внедрение в пищевую промышленность сольвентного способа Садикова <...> не должно ограничиться Ленинградом и может иметь общегосударственное значение как в условиях военного, так и в условиях послевоенного времени»¹⁴. Было решено издать тезисы доклада В.С. Садикова (тиражом в 100–200 экз.) и его брошюру «Производство белков, жиров и витаминов как пищевое задание военного времени» (тиражом 500 экз.), а также «обратиться в вышестоящие организации с просьбой разрешить издание книги В.Садикова (в Казани) 10–12 листов: "Химия дрожжей и новый способ их полного комплексного использования" как имеющей большое оборонное и практическое значение»¹⁵. Тем не менее, публикация книги, подготовленной к печати, очевидно, не состоялась, и имя автора отсутствует в библиографических указателях по блокадной тематике. С известной долей осторожности можно трактовать отсутствие печатной работы по разработанной теме как фактический отказ от публикации.

Правда, не всем ученым блокированного Ленинграда предоставлялось право выбора в отношении возможности публикации своих трудов военного времени. У большинства возможность печататься практически исчезла. Блокада внесла существенные изменения в условия научной жизни города. Естественный для мирного времени выпуск научных трудов (монографий, статей) как результат исследовательской работы ученых Ленинграда постепенно сузился. Издательство АН СССР и Типография в силу многих причин фактически прекратили свою работу.

1 сентября 1941 г. началось сокращение в Издательстве АН СССР¹⁶. 6 октября поставлен вопрос о полной эвакуации оставшихся сотрудников¹⁷. 14 октя-

после отъезда сотрудников БИОГЕЛ в Москву. С 1935 г. возглавил Лабораторию биоорганической химии в Институте витаминов, а также Лабораторию по ЛГУ, где занимал профессорскую должность. В 1938 г. перешел в Физиологический институт им. И.П. Павлова, умер в эвакуации, в Казани.

¹⁴ Протоколы Комиссии Президиума АН СССР по Ленинградским учреждениям. 2 января 1942 г.–10 апреля 1942 г. ПФА РАН. Ф.2. Оп.18. №2. Л.2.

¹⁵ Там же. Л.3.

¹⁶ Протоколы Комиссии Президиума АН СССР по ленинградским учреждениям: 25 августа 1941 г.–29 декабря 1941 г. ПФА РАН. Ф.2. Оп.18. Д.1. Л.6.

¹⁷ Там же. Л.21.

бря все книги, находившиеся в производстве, разбиты на группы, подлежавшие печати и матрицированию¹⁸. 10 ноября прекращен «до особых указаний прием рукописей от институтов и сдача рукописей в производство за исключением книг оборонного характера, принимаемых к изданию на основании специальных указаний Президиума в каждом отдельном случае»¹⁹. Приостановлена выплата гонораров²⁰, а освободившиеся средства решено использовать для матрицирования особо важных изданий²¹. Один экземпляр заматрицированных в двух экземплярах изданий решено отдать на хранение в институты, а второй – отправить в Казань. Списки матрицируемых изданий утверждались специальным решением Комиссии по делам ленинградских учреждений²². 1 декабря поставлен вопрос о вывозе из Ленинграда матриц трудов оборонного характера и журналов²³.

Вопрос об эвакуации типографии поставлен на повестку 26 августа 1941 г.²⁴. С 5 сентября часть сотрудников стала эвакуироваться²⁵. 29 сентября часть оставшихся сотрудников была сокращена²⁶. 10 декабря в связи с отсутствием электричества деятельность типографии в Ленинграде была «приостановлена»²⁷. В экстренных случаях типография выполняла работы «ручным способом»²⁸. Есть сведения и об отпечатании в типографии оборонных материалов (24.12.1941)²⁹.

Таким образом, публикация как мера научного вклада ученого, его ценности как исследователя становилась практически недоступной. Во время блокады тот слой интеллигенции, который был связан именно с научной деятельностью в рамках научно-исследовательских институтов (в частности, в Академии наук), оказался лишенным возможности своевременно заявлять о результатах своего личного исследования. Под вопросом оказалась печать даже тех трудов, которые еще до войны были рекомендованы к печати учеными советами институтов.

В этих новых условиях документы Комиссии по делам ленинградских учреждений фиксируют стремление некоторых ученых закрепить приоритет за своим научным именем хотя бы за счет минимизации тиража. Так, 21.11.1941

¹⁸ Протоколы Комиссии Президиума АН СССР по ленинградским учреждениям : 25 августа 1941 г. – 29 декабря 1941 г. ПФА РАН. Ф.2. Оп.18. Д.1. Л.23.

¹⁹ Там же. Л.29.

²⁰ Там же. Л.33.

²¹ Там же. Л.29.

²² Там же. Л.30.

²³ Там же. Л.37.

²⁴ Там же. Л.2.

²⁵ Там же. Л.9, 9 об.

²⁶ Там же. Л.16.

²⁷ Там же. Л.40.

²⁸ Там же. Л.34.

²⁹ Там же. Л.43.

Комиссия рассматривала заявление Н.А. Воскресенского с просьбой «об отпечатании ручным способом 15 экземпляров его работы “Указы Петра I”. Решено «разрешить Лен. изд. АН СССР отпечатать ручным способом работу т. Воскресенского в 4 экземплярах»³⁰. Стремление закрепить за собой приоритет хотя бы в минимальном тираже можно условно назвать отказом от многоиздания публикации. Интересно, что в 1945 г. вышел из печати составленный Н.А. Воскресенским ценный справочник «Законодательные акты Петра I»³¹.

Шло время, ситуация в городе быстро ухудшалась. Возникла ситуация, когда у многих ученых стали возникать сомнения в физической возможности когда-либо завершить свой труд и увидеть его напечатанным. Имени автора стала угрожать полная безвестность. Характерно, что перед лицом смертельной опасности отступало обычное для мирных лет научное честолюбие. Сохранились сведения о фактах добровольной передачи своих научных разработок в Комиссию по делам ленинградских учреждений с тем, чтобы новое поколение исследователей могло завершить эти работы после войны. Такую передачу можно в известном смысле трактовать как отказ от имени. Например, 22 декабря 1941 г. в Комиссию поступило заявление профессора П.Ф. Домрачева³² «с просьбой принять на хранение в Академию Наук и завершение его историко-биографической работы». Решение Комиссии: «Работу П.Ф. Домрачева передать на хранение в Архив Академии Наук с тем, что в дальнейшем при наличии благоприятных условий поручить ее завершение соответствующим научным сотрудникам АН»³³. Сведений о завершении и публикации сданной П.Ф. Домрачевым в Комиссию работы у автора статьи на данный момент не имеется.

Существует еще один вариант решения проблемы взаимоотношения ученого и его имени. При этом варианте имя вообще не принимается в расчет, потому что речь идет о фактическом отказе от жизни во имя науки. Такой жертвенный вариант мы находим в документах Комиссии по делам ленинградских учреждений, связанных с отказом большой части коллектива Пулковской обсерватории (в том числе всех остававшихся в Ленинграде членов ее Ученого совета) от эвакуации. Так, в коллективном «Мнении» Ученого совета Пулковской обсерватории от 6 сентября 1941 г. указывается на нежелательность эвакуации части сотрудников из-за уникальности той работы, которую они выполняют для обороны города и страны именно на широте обсерватории и Ленинграда³⁴.

³⁰ Протоколы Комиссии Президиума АН СССР по ленинградским учреждениям : 25 августа 1941 г. – 29 декабря 1941 г. ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 18. Д. 1. Л. 34.

³¹ Законодательные акты Петра I / сост. Н.А. Воскресенский. – М. ; Л., 1945.

³² Умер в декабре 1941 г. (по другим сведениям, в январе 1942 г.).

³³ Протоколы Комиссии Президиума АН СССР по ленинградским учреждениям : 25 августа 1941 г. – 29 декабря 1941 г. ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 18. Д. 1. Л. 42.

³⁴ Переписка Комиссии Президиума по вопросам эвакуации учреждений АН СССР и по организации охраны ценностей в Ленинграде. 6 сентября 1941 г. – 10 апреля 1942 г // ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 18. №4. Л. 2-6.

Отказаться от принятого решения остаться ученых не смогли даже жесткие условия блокады. 20 февраля 1942 г. они подтвердили свое решение: «в связи с эвакуацией Пулковской Обсерватории в г. Ташкент, для охраны имущества Обсерватории и приведения в порядок дел в Ленинграде оставляются в качестве штатных работников обсерватории следующие сотрудники: Павлов Н.Н., Романская С.В., Безрукова А.Я., Тазуля Д.Ф., Ковальницкая О.Б.»³⁵.

Таким образом, проблема анонимности, анализируемая в связи с деятельностью ученых Академии наук в блокадный период, может рассматриваться в определенной динамике. Наблюдается ослабление связей ученого с именем – вплоть до отказа автора от фиксации результата своего научного труда под собственным именем и перевода этого результата в область общественного достояния. В известной степени этот процесс сродни отказу от известности и переходу к анонимности. Причиной такого перехода служат специфические условия блокады: нарушение системы публикации результатов научного труда, гарантировавшей ученому его (авторское) право на этот результат; разрушение системы жизненно важных условий физического существования ученых, поставивших их на грань жизни и смерти; разрушение в результате пережитой блокады системы приоритетов, обусловившее перемещение публикации собственного научного результата на более низкую ступень иерархической шкалы ценностей по сравнению с обеспечением жизнедеятельности.

³⁵ Протоколы Комиссии Президиума АН СССР по Ленинградским учреждениям. 2 января 1942 г. – 10 апреля 1942 г. ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 18. №2. Л. 14об.

Екатерина Махотина

«Палач» или «Жертва»?

**Развитие дискурса о жертвах сталинизма
в немецком обществе на примере спора
о музеефикации Спецлагеря 7/1
в Мемориальном комплексе Заксенхаузен**

Екатерина МАХОТИНА

Мюнхенский университет
(Германия)

9 декабря 2001 года в Мемориальном комплексе Заксенхаузен был открыт музей по истории советского спецлагеря, который находился с 1945 по 1950 год на той же территории, что и Концлагерь СС Заксенхаузен–Ораниенбург (1936–1945). Звучали официальные приветственные речи. Публику приветствовал один из бывших узников Спецлагеря 7/1 Курт Вейс.

„Концлагерь Заксенхаузен находился в непрерывной эксплуатации с 1936 по 1950 год, 9 лет под руководством СС, а затем служил НКВД. Во время всего существования лагеря в нем издевались, пытали и мучили невинных людей. Мы, жертвы Сталинизма, требуем равноправного отношения к нам – как и к жертвам Концлагеря СС. ...Огромное спасибо нашим немецким врачам. Мы, узники Спецлагеря, были лишены Медицинской помощи. Кто заболел – сам виноват. Регулярно советские врачи проводили контроль –

machitch@yahoo.de

и ставили диагноз «давай барак». Лично я и многие пережившие Спецлагерь благодарны за спасение жизни проф. Гейнце, проф. Тимму и другим врачам [далее – список имен, Е.М.], которые должны быть здесь названы поименно...¹

Один из упомянутых на официальном открытии «немецких врачей» – Др. Ганс Гейнце – является по меньшей мере «спорной фигурой», по фактам его биографии – одним из палачей национал-социалистического режима. С 1933 г. невролог и психиатр Гейнце был членом партии НСДАП, а с 1939 г. напрямую возглавлял акцию T4 (*Aktion T 4*) – операцию по эвтаназии. Целью этой акции являлось уничтожение «недостойных» с точки зрения национал-социалистической идеологии людей – инвалидов, людей с психическими расстройствами или эпилепсией, детей-инвалидов, многих также по расовому признаку. Подписывая «диагноз», Др. Гейнце обрекал на смерть не только взрослых пациентов (ок. 70 тыс.) но и около 5 тысяч детей². Именно он был основоположником детской эвтаназии – в своей клинике Гейнце создал «детское отделение». По иронии судьбы, он был арестован НКВД после войны не за участие в «чистке от недостойных жизни существ», а по широко распространенному обвинению в пропаганде и антисоветской деятельности и заключен в Спецлагерь НКВД 7/1 Заксенхаузен. Он был осужден за то, что как «прусский чиновник поддерживал политику фашистского правительства и обучал в своем университете не медиков, а фашистов»³. Освободившись из лагерного, а затем тюремного заключения в 1952 г., он продолжал работать в ФРГ по специальности в клинике детской психиатрии Вунстдорфа до выхода на пенсию в 1960 г.. Процесс, готовившийся над ним в ФРГ по делу о причастности к эвтаназии, не состоялся по причине признания Гейнце «недееспособным». Дело было окончательно закрыто в 1966 г.⁴.

Его биография, представленная в музее СЛ 7/1 Заксенхаузен, до сих пор вызывает неоднозначные реакции у жертв концлагеря, дискуссии в прессе и вопросы у посетителей – если по факту биографии он однозначно – палач, то для многих жертв сталинизма – это их спаситель, их герой, и одна из «жертв» произвола НКВД.

На примере представления биографии Гейнца в Музее Спецлагеря 7/1 можно показать не только особенности эмоционально заряженной полемики

¹ Morsch, Günther, Reich, Ines. Sowjetisches Speziallager Nr. 7/Nr. 1 in Sachsenhausen (1945–1950). Katalog zur Ausstellung. Berlin, 2005. S.39.

² Haustein, Petra. Geschichte im Dissens. Die Auseinandersetzungen um die Gedenkstätte Sachsenhausen nach dem Ende der DDR. – Leipzig, 2006. S.170.

³ Klee, Ernst. Was sie taten – was sie wurden. Ärzte, Juristen und andere Beteiligte am Kranken-oder Judenmord. Frankfurt 2004. S.136.

⁴ Там же. S. 137–138. Гейнце умер в 1983 г. и удостоился некролога от бывших коллег по клинике: «Мы сохраним его в честной памяти».

о «конкуренции жертв», но и рассмотреть проблематику музеефикации Спецлагеря. Представленная в музее Спецлагеря Заксенхаузен биография Др. Гейнце по задуманной концепции экспозиционеров должна представлять собой пример биографии «палача» среди узников Спецлагеря. Однако данная оценка не является общепринятой: вокруг фигуры Гейне до сих пор ведутся споры, которые могут дать представление об амбивалентности оценки Спецлагеря как «места памяти»⁵ и актуальности этой дискуссии спустя 18 лет после объединения Германии. Две конфликтующие памяти – жертв национал-социалистического режима и жертв сталинизма – пытаются добиться признания их версий прошлого. Так, многие представители общества жертв национал-социализма опасались конца памяти о преступлениях гитлеровской Германии из-за все более громко звучавшей критики в адрес антифашизма ГДР. От исторических исследований они ожидали подтверждения того, что Спецлагерь в первую очередь был инструментом денацификации. Объединения жертв сталинизма, напротив, ожидали от истории доказательства, что Спецлагерь был исключительно средством репрессии: некоторые определяли послевоенную политику советской зоны оккупации как «Холокост над гражданско-крестьянским населением».

Мемориальный комплекс Заксенхаузен находился в 1990 году в непростом положении: актуальные остро разгоревшиеся дискуссии на политической и общественной сцене требовали от Мемориала-Музея принятия позиции в отношении прежде скрытого «слоя» истории лагеря. Мемориал должен был объединить два опыта тоталитаризма – Национал-социализм и сталинизм под одной крышей.

В разработку новой концепции места памяти были включены объединения жертв – Международный комитет Заксенхаузен (общество жертв национал-социализма) и Рабочая группа Заксенхаузен 1945–1950 гг. (общество жертв сталинизма). Музейный комплекс должен был, таким образом, учитывать интересы обеих сторон и, лавируя между ними, пытаться показать, с одной стороны, наиболее объективную и, с другой стороны, для обеих групп приемлемую версию истории лагеря. Данная статья рассматривает развитие дискурса о «других» жертвах войны – жертвах сталинизма и показывает проблематику представления двух диаметрально противоположных исторических оценок в одном мемориальном комплексе.

«У памяти нет места» – память о Спецлагере в немецком обществе

Дебаты о Спецлагере как месте памяти значительным образом повлияли на расширение категорий «немецких жертв» тоталитаризма. Коротко следует

⁵ «Место памяти» здесь употребляется по смыслу Pierre Nora, «lieu de memoires».

обозначить историю появления и развития дискурса о Спецлагере в послевоенной Германии.

В послевоенные 1950-е годы «Советский концлагерь» (метафора, часто употребляемая в Западной Германии) был вписан в общественный дискурс Холодной Войны и был символом правового произвола во внутренней и внешней политике Советской Империи. Биографии бывших узников Спецлагеря к тому же использовались как свидетельства против Советского Союза в эпоху Холодной Войны. После конца эпохи Аденауэра и смены политической власти в ФРГ летом 1961 года жертвы Спецлагеря исчезли из общественного восприятия. Новым символом попрания прав Советской системой стала Берлинская стена. Так, западно-германская газета «Der Abend», пишет в августе 1961 г.: «весь Восточный Берлин – концлагерь».

Спецификой Спецлагеря как «места памяти» стала невозможность говорить о нем, на том месте, где он был – в Восточной Германии, а там, где его не было, и о нем разрешено было говорить, он не воспринимался людьми как их собственная история. Памяти не хватало места, а месту не хватало индивидуальной памяти. Студенческая революция 1968 года в Западной Германии накладила табу на коллективное воспоминание опыта Спецлагеря. Признание: «Я был в Бухенвальде – но после 45-го» стало стигматом в ГДР и Западной Германии с конца 1960-х годов.

Поэтому, в 1990-е годы после падения Берлинской стены и усиленного обращения к теме жертв сталинизма – и в последующем – жертв коммунистической диктатуры ГДР – бывшие узники спецлагерей НКВД увидели новый шанс заявить о себе. Они начали активно участвовать в т.н. «конкуренции жертв»⁶.

Весной 1990 года Спецлагерь снова стал темой оживленного обсуждения в средствах массовой информации – его снова провозглашали символом коммунистического бесправия.

Тема Спецлагеря вернулась в исследовательский, научный круг и общественные дискуссии благодаря двум факторам – с одной стороны, это предопределили новые поступления архивных документов из Москвы, а с другой стороны, о себе начали заявлять живые свидетели того времени – непосредственно бывшие узники Спецлагеря. Конечно, сразу встал вопрос о возможности музеиного представления спецлагеря в уже имеющихся мемориальных комплексах бывших концлагерей – Заксенхаузене, Бухенвальде, Ямлице.

Главным вопросом экспозиционеров стал вопрос о том, как представлять Спецлагерь – как часть Архипелага ГУЛАГа (подчеркивая невинность жертв

⁶ «Конкуренция жертв» – понятие, введенное Alexander von Plato, подразумевает появление аргумента «уравнять» жертв одной группы с другой с точки зрения социальных льгот и материальных компенсаций (повышение пенсий и социальных льгот).

и произвол ареста)⁷, или как механизм денацификации немецкого общества после войны.

Два конкурирующих (и полемизирующих) общества жертв – и вместе с ними – две конкурирующие коллективные памяти – «жертвы национал-социализма» и «жертвы Спецлагеря», влияли на мемориальный комплекс Заксенхаузен самым непосредственным образом – и мемориал-музей был вынужден искать компромисс на требования той или иной группы. Руководящей линией новой экспозиционной концепции мемориала Заксенхаузен после 1990 года должна была стать т. н. «Формула Фауленбаха»: «Преступления гитлеровской Германии не должны быть релятивизированы исследованиями преступлений сталинизма, а сталинские преступления не могут быть оправданы или слажены с оглядкой на преступления национал-социалистов»⁸. Для выставки был выбран биографический метод. Путем представления биографий узников Спецлагеря – (их сопровождают объекты лагерного быта и архивные документы), музей защищает себя от возможных упреков в изначальном навязывании оценок, выводов и суждений. Посетителю выставки предлагается самому сделать вывод о том, кто находился в лагере, в чем он был виновен (или не был виновен вообще) и, исходя из этого, сделать вывод, чем был, собственно, Спецлагерь по сути⁹.

Конфликт о моральной оценке персоны Др. Гейнце затрагивает вопрос об осмыслении собственной ответственности за преступления национал-социалистов.

На примере оценки персоны Гейнце представителями общества жертв сталинизма становится очевидно, насколько недостаточно с их стороны осмыслен опыт «Третьего Рейха». Др. Гейнце оценивается ими как «спорная фигура»¹⁰, может быть, совершившая преступление (которое на момент его совершения преступлением не являлось); далее – как человек, спасший жизнь многим узникам зоны II. К тому же, Гейнце был арестован НКВД вовсе не за эти преступления и реабилитирован Московской Военной прокуратурой в 1998 году.

При оценке деятельности «спасителя» общество жертв сталинизма делит жизнь (и жизнеописание др. Гейнце), на две части – до и после 1945 г.. Точно

⁷ Такой версии придерживается прежде всего директор музея Берлин-Хохеншенхаузен Хубертус Кнабе.

⁸ Cit. Kaminsky, Anette. Ausstellung des Sowjetischen Speziallagers. In: Haustein, Petra et. Al. (Hrsg.): Instrumentalisierung, Verdrängung, Aufarbeitung. Die sowjetischen Speziallager in der gesellschaftlichen Wahrnehmung. 1945 bis heute. Göttingen 2006. S.151.

⁹ Интервью с куратором выставки Инес Рейх. 17.01.2008.

¹⁰ Haustein, Petra. Geschichte im Dissens. Die Auseinandersetzungen um die Gedenkstätte Sachsenhausen nach dem Ende der DDR. – Leipzig, 2006.

так же делятся и собственные биографии – на до и после 1945. Вначале жизнь по реальным и моральным законам «Третьего Рейха», потом – арест, заключение в спецлагере – испытание, ставшее для них трагическим опытом. Таким образом, амбивалентная (а для многих почитаемая) персона др. Гейнце, осталась неосмысленной, так же, как осталась неосмысленной и собственная ответственность за преступный режим, грань собственной вины и причины массовой поддержки тоталитарной Системы.

Их подчеркнуто осторожно-почтительное обращение с фигурай др. Гейнце можно объяснить тем, что они боятся быть коллективно дискредитированными как группу жертв и превратиться в группу палачей.

Принятое в общественном дискурсе основоположение, что общественная память только тогда уместна и возможна, когда речь идет о невинных жертвах неправомерного преступления, жертвы сталинизма опровергают тем, что в концлагере же тоже были «асоциалы, профессиональные преступники и цыгане», т.е. там тоже «не все были невинные»¹¹, к тому же экзистенциальный опыт лагеря не позволяет делать различий между жертвами немцев и жертвами-немцами. Эти аргументы отвергаются пережившими концлагерь. Отсутствие основополагающего консенсуса о понятиях «жертва», «вина», «ответственность» было и остается причиной для постоянных проблем коммуникации и радикализации конфликта в дискуссиях о будущей культуре памяти в Германии с историческим опытом двух диктатур.

Конкуренция «памятей» жертв концлагеря и жертв сталинизма до сих пор является причиной конфликтов о новой концепции выставок в музейном комплексе Заксенхаузен.

Несмотря на осторожный, биографический подход к представлению истории Спецлагеря общественные организации, задействованные в разработке новой концепции мемориального комплекса Заксенхаузен, не были полностью удовлетворены. Бывшие узники Спецлагеря 7/1 (общество жертв сталинизма) отвергают принятую мемориалом основоположение, что музей должен носить характер просветительно-информационный, а не почетно-мемориальный, как им бы хотелось. Для многих жертв концлагеря (общество бывших узников концлагеря Заксенхаузен) – представление их бывших «палачей» с биографиями тоже носит характер воздания почести, и поэтому вызывает протест. Здесь стоит

¹¹ Haustein, Petra. In: Haustein, Peter et. Al. (Hrsg.) Instrumentalisierung, Verdrängung, Aufarbeitung. Die sowjetischen Speziallager in der gesellschaftlichen Wahrnehmung. 1945 bis heute. Göttingen, 2006. S.142.

кратко отметить, что не только подход к представлению биографий вызывает разногласия, но и остальное в концепции музея: бывшие узники Спецлагеря недовольны расположением музея (музей Спецлагеря находится в отдалении, он вынесен за основной треугольник концлагеря) и не согласны с представленной в каждой выставке четкой хронологической контекстуализацией Спецлагеря, в этом они видят себя «жертвами второго сорта»¹². Жертвам сталинизма не хватает в музее посыла – «здесь произошло преступление» и «здесь лежат невинные жертвы» с той очевидностью, как это показано в мемориале Концлагеря Заксенхаузен, например в скульптурной группе *Лиета*¹³.

Чтобы сохранить хрупкий консенсус между обществами жертв в вопросе о памятном знаке, Музей провел концепцию разделения пространства комплекса – у Места памяти Спецлагеря есть свой выставочный зал и свой памятник на массовых захоронениях, отдельно от мемориала жертвам концлагеря. Таким образом, жертвы Спецлагеря поминают своих жертв в одном, а жертвы концлагеря – в другом месте, так же разделены и дни памяти.

Однако если историческое осмысление обоих слоев прошлого исторического места Заксенхаузен более или менее решено «академическим» путем представления биографий, то вопрос о надлежащем поминовении жертв в форме памятника и дней памяти стоит до сих пор остро. Всегда ли уместно упоминать обе «истории» Заксенхаузена? Какие памятные знаки уместны для жертв Спецлагеря? Могут ли это быть коллективные знаки поминовения или только частные, от родственников и близких? О знаке погибшим в Спецлагере долгое время шли споры – Мемориал решил отказаться от установления памятника (как знака общественной памяти) и установить христианский поминальный крест умершим.

Жертвы Спецлагеря желали бы видеть себя в «дискурсе немецких жертв» victims¹⁴ – который появился в Германии в 1990-е годы. Категория жертв Второй Мировой войны расширилась тогда на прежде табуированные категории – на изгнанных с территории Чехословакии и Польши, на жертв бомбежек Дрездена и Гамбурга и сосланных в Воркуту немцев. Практически одновременно в посткоммунистической Германии обратились к жертвам коммунистической диктатуры ГДР. Именно в этом дискурсе – жертв войны и коммунизма – хотят себя видеть бывшие узники Спецлагеря. Также устоявшееся в риторике употребление для спецлагеря названия «концлагерь» означает, что с их точки зрения

¹² Об этом самовосприятии они пишут открытые письма Бюнтеру Моршу, директору Мемориала Заксенхаузен. (Интервью с Петром Хаусштейн, 20.01.2008.)

¹³ Интервью с Петром Хаусштейн. 20.01.2008.

¹⁴ Victim – пассивная жертва насилия, в отличие от Sacrifice – мученика, осмысленно погибшего солдата.

любое различие между судьбами тех и других узников недопустимо и ведет к сглаживанию сталинизма. Бывшим заключенным Спецлагеря наиболее важно поставить знак памяти погибшим от болезней, холода, голода и массовой изоляции людям. Установка ПАМЯТНИКА (в контексте воздания почести) в Заксенхаузене, тем не менее, проблематична, так как таким образом надо будет признать, что они невинно страдали. Однако сложившийся политический дискурс в Германии сегодня – восприятие «жертв спецлагеря» не как пассивных жертв насилия, а скорее как «жертв войны»¹⁵ с немецкой стороны. Жертвы Спецлагеря, рассматривая выданные им в 1990-е годы московской военной прокуратурой справки о реабилитации, как доказательство их невиновности, взывают к обществу с требованием признать их жертву и страдания равнозначными с жертвами концлагерей и удостоить почитания.

Может, эта претензия кажется неправомерной – и как раз не по причине особенности биографий узников Спецлагеря, а из-за того, что в их мышлении не произошло критического дистанцирования от преступлений Национал-социалистов и однозначного осуждения палачей.

Мемориальный комплекс Заксенхаузен позиционирует себя и как место памяти, и как музей – образовательное учреждение, ответственное за воспитание гражданской позиции, основанной на опыте мужества и сопротивления диктатуре. Бывшие узники спецлагеря придерживаются другой позиции, они стремятся отвергнуть вопросы собственной ответственности за преступления, акцентировать внимание на вынужденности содействии режиму национал-социалистов. Возникает явное противоречие между позициями Музея как «Места памяти и Места Просвещения» и позицией бывших узников.

¹⁵ Haustein, Petra: In: Haustein, Peter et. Al. (Hrsg.) Instrumentalisierung, Verdrängung, Aufarbeitung. Die sowjetischen Speziallager in der gesellschaftlichen Wahrnehmung. 1945 bis heute. Göttingen, 2006. S.139.

Максим Скороходов

Научная биография как исследовательский жанр

Максим СКОРОХОДОВ

кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник
Института мировой литературы
им. А.М.Горького РАН

В начале XX века сформировалось понимание того, что необходимо комплексное изучение биографии и произведений писателя. Так, В.Н.Перетц, хотя и рассматривал биографию в числе «вспомогательных наук» в литературоведении, отмечал, что биография писателя «представляется для нас немаловажной. Зная ее, мы точнее можем определить круг литературных влияний на писателя; иногда по ее указаниям – безошибочно можем прийти к определенным источникам его творчества»¹.

В 1920-е годы об особенностях биографических исследований писали Н.А. Рыбников², А.П. Скафтымов³,

¹ Перетц В.Н. Из лекций по методологии истории русской литературы. История изучений. Методы. Источники. – Киев, 1914. С.223.

² Рыбников Н. Биографии и их изучение. – М., 1920

³ Скафтымов А.П. К вопросу о соотношении теоретического и исторического знания в истории литературы. // Ученые записки Государственного Саратовского университета им. Н.ГЧернышевского. Том I. Вып.. 3. Словесно-историческое отделение педагогического факультета. – Саратов, 1923. С.63.

msk2002@rambler.ru

Б.В. Томашевский⁴, Н.К. Пиксанов⁵, П.С. Коган⁶, П.Н. Сакулин⁷ и другие учёные. Так, М.М. Бахтин в работе «Автор и герой в эстетической деятельности» отметил: «Самым обычным явлением даже в серьезном и добросовестном историко-литературном труде является черпать биографический материал из произведений и, обратно, объяснять биографией данное произведение, причем совершенно достаточными представляются чисто фактические оправдания, то есть попросту совпадение фактов жизни героя и автора, производятся выборки, претендующие иметь какой-то смысл, целое героя и целое автора при этом совершенно игнорируются; и следовательно, игнорируется и самый существенный момент – форма отношения к событию, форма его переживания в целом жизни и мира. <...> для пользования художественным произведением как источником для биографии совершенно недостаточны обычные в исторической науке приемы критики источников, ибо они как раз не учитывают специфической структуры его...»⁸.

В середине 1920-х годов начал заниматься вопросами биографии и Г.О. Винокур. В тезисах доклада «Биография как научная проблема» он отмечал: «Биография, в противовес обычному пониманию, есть проблема не психологическая, а культурно-историческая⁹ и имеет своим предметом историю индивидуальной жизни личности, включая в поле своего изучения все признаки (интеллектуальные, психические, психофизические и т. п.), с которыми личность вообще дана в истории культуры»¹⁰.

Г.О. Винокур писал о необходимости изучения личности в разных ее проявлениях и при этом обязательно в широком контексте эпохи: «История личности раскрывается в различных своих формах, научное описание которых и составляет задачу биографа. <...> Непременным условием изучения личности в этих формах является рассмотрение этих последних в рамках широкого культурно-исторического контекста»¹¹.

⁴ Томашевский Б.В. Литература и биография. // Книга и революция. Ежемесячный критико-библиографический журнал. 1923. №4(28). С.6-9.

⁵ Пиксанов Н.К. Новый путь литературной науки. // Искусство. Журнал Российской академии художественных наук. – М., 1923. №1. С.97. Его же. Два века русской литературы. Пособие для высшей школы, преподавателей словесности и самообразования. Изд. второе, переработанное. – М.: Государственное издательство. <1924>. С.11–12.

⁶ Коган П.С. Литература этих лет. 1917–1923. – Иваново-Вознесенск. 1924. С.9.

⁷ Сакулин П.Н. Социологический метод в литературоведении. – М., 1925. С.130, 133, 138, 223.

⁸ Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. С.11–13.

⁹ Ср. с высказыванием М.М. Бахтина: «Нет художественно-биографического задания и у чисто научной формы биографии культурного деятеля – это чисто научно-историческое задание..» (Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. С.132).

¹⁰ Винокур Г. Биография и культура. Русское сценическое произношение. – М.: Русские словари, 1997. С.11.

¹¹ Там же.

Если Б.В. Томашевский призывал изучать «биографические легенды», возникавшие при жизни писателей и создававшиеся не без их участия, полагая, что «своим созданием поэт предпосыпал не реальную – послужную свою биографию, а свою идеальную биографическую легенду»¹², то для Г.О. Винокура неприемлемо рассматривать произведение, опираясь на изучение биографии писателя. Он писал: «Вопрос об обратном соотношении между наукой о литературе и биографией, т. е. о литературном памятнике как источнике биографии, – должен быть решен отрицательно»¹³.

Более детально вопросы, связанные с биографией и ее изучением, Г.О. Винокур рассматривал в своей книге 1927 года «Биография и культура». Если в тезисах 1924 года ученый называл изучение биографии наукой, лежащей на стыке филологии и истории, то в 1927 году отнес изучение биографии к сфере исторических дисциплин: «Личная жизнь как предмет науки и изучающая ее биография находятся <...> в рамках истории и исторической науки»¹⁴.

Изучение биографии отдельной личности, по мысли ученого, крайне затруднительно: «К примеру, нельзя знать биографию Пушкина, не зная одновременно биографий Дельвига, Куницына, Нащокина, Николая I и т. д.»¹⁵. Это замечание во многом справедливо, поскольку биография любого человека в значительной степени складывается в процессе его общения с другими людьми. Знание фактов биографии одного человека позволяет подтвердить или опровергнуть получаемые из разных источников материалы к биографии другого.

Вопросы, связанные с изучением биографии, широко обсуждались в нашей стране не только в 1920-е годы, когда еще не была достигнута унификация, характерная для советского этапа развития науки, но и позже. Как и прежде, в наибольшей степени эта тема вызывала внимание литературоведов.

Д.Д. Благой раскрыл свое понимание соотношения между результатами творчества и биографическими фактами, выявляя значимость и важность изучения биографии: «Биография в широком и правильном понимании этого слова (не только события личной жизни писателя, тесно связанной с современной ему исторической обстановкой, явлениями жизни общественной, но и его мировоззрение, история его духовного развития), с одной стороны, с другой – его творчество представляют собой диалектическое единство. Поэтому биограф, в центре внимания которого – история жизни писателя, не может игнорировать самое главное в ней – его художественные создания. Наоборот, исследователь творческого пути писателя, в центре внимания которого находится именно это

¹² Книга и революция. 1923. №4. С.8.

¹³ Винокур Г. Биография и культура. Русское сценическое произношение. С.11.

¹⁴ Винокур Г. Биография и культура / Труды Государственной академии художественных наук. Философское отделение. Вып. II. – М., 1927. С.19.

¹⁵ Там же. С.21.

главное, отнюдь не должен отказываться как от привлечения, там, где это нужно, биографического материала, так и от возможных объяснений фактами жизни фактов творчества»¹⁶.

Д.Д. Благой справедливо отметил, что при изучении «истории жизни писателя» первостепенное внимание надо уделять созданным им произведениям. Писатель привлекает биографа, а затем и читателей созданных им биографий тем, что он является автором значимых для развития литературы произведений. Внимание к произведениям должно быть главенствующим при создании писательской биографии.

Сходную точку зрения, рассматривая биографию историка, высказала М.В. Нечкина в книге «Василий Осипович Ключевский. История жизни и творчества»¹⁷. «Главные вехи в биографии писателя – его книги»¹⁸, – писал С.А. Макашин, автор четырехтомной научной биографии М.Е. Салтыкова-Щедрина.

Неслучайно крупные филологи Д.Д. Благой и С.А. Макашин и историк М.В. Нечкина сходятся в одном: важнейшие события, которые необходимо в первую очередь отразить в жизнеописании выдающегося человека, – это его произведения, т. е. значимые результаты его деятельности.

В.А. Мануйлов, автор первой кандидатской диссертации, темой которой стала научная биография писателя¹⁹, отметил, что «составитель летописи, так же, как и биограф, находится в зависимости от наличия сохранившихся, дошедших до нас биографических материалов, документов, дневниковых записей, автобиографических признаний, литературного и эпистолярного наследия, воспоминаний современников и т. д.»²⁰ Таким образом, В.А. Мануйлов назвал общие источники научной биографии и летописи жизни и творчества.

Однако авторы летописи и научной биографии, по справедливому замечанию ученого, придерживаются разных принципов отбора и систематизации материала. «Биограф располагает четким принципом отбора <...> материала. Составитель летописи не всегда может предвидеть, что окажется для будущего исследователя существенным, а что останется маловажным. <...> Часто бывает так, что случайные, второстепенные материалы до нас доходят, а важнейшие источники бесследно исчезают. Из этого хаоса случайно сохранившегося мате-

¹⁶ Благой Д.Д. Творческий путь Пушкина. (1826–1830). – М., 1967. С.10.

¹⁷ Нечкина М. В. Василий Осипович Ключевский. История жизни и творчества. – М., 1974. С.53.

¹⁸ Макашин С. Салтыков-Щедрин. Середина пути. 1860-е – 1870-е годы. Биография. – М., 1984. С.5. Сходное мнение высказывал и В.Порудоминский: «Творчество составляет главное содержание биографии художника. Каждое создание есть факт биографический» (Порудоминский В. Прошлое без грима // Литературная газета. 1975. 29 октября. №44. С.5).

¹⁹ Мануйлов В. Жизнь и творчество Лермонтова. [Л.] 1945. Часть первая. Детские, отроческие и юношеские годы Лермонтова.

²⁰ Мануйлов В.А. Летопись жизни и творчества М.Ю.Лермонтова. М.–Л.: Наука, 1964. С.4.

риала биограф отбирает все существенное, характерное, типическое и, сопоставляя различные свидетельства и источники, строит научную историю жизни и деятельности своего героя»²¹.

В книге «Пути и навыки литературоведческого труда» Н.Ф. Бельчиков охарактеризовал научные биографии как труды, «основанные на обширных материалах, почерпнутых из работ предшественников и обнаруженных самими исследователями в итоге поисков и разысканий в архивах, забытых журналах, публикациях <...>. В них читатель находит освещение многих важных проблем, переоценку устаревших положений и взглядов, касающихся биографии и произведений писателя, проведенных на основании достоверных литературно-документальных источников»²².

В книге А.А. Демченко «Н.Г. Чернышевский: Научная биография» также дано определение используемого им термина: «Под научной биографией как самостоятельным типом литературоведческого исследования принято понимать – в самой общей формулировке – широкое научно-документальное описание жизни изучаемого деятеля. Цель научной биографии – установление исторического места писателя, кропотливое изучение оказавших на него влияние внешних и внутренних обстоятельств, слагающихся из общепроческих, социальных факторов, а также выявляемых из знания ближайшего окружения (семейного, дружеского, враждебного). Целью такого жизнеописания является также стремление научно объяснить причины и следствия переломных моментов в жизни и творчестве писателя, разработать концепцию творческой личности»²³.

В.Я. Лакшин в докторской диссертации «А.Н. Островский. Проблемы научной биографии»²⁴ отметил: «научная биография – такой же законный элемент литературоведческой науки, как и монографическое исследование творчества или анализ формы художественного произведения. Научная биография, изучающая рост и движение личности автора, взятой в общественных связях и противоборствах эпохи, способна бросить новый свет и на понимание творчества писателя»²⁵.

²¹ Мануйлов В.А. Летопись жизни и творчества М.Ю.Лермонтова. М.–Л.: Наука, 1964. С. 4.

²² Бельчиков Н.Ф. Пути и навыки литературоведческого труда. – М.: Наука, 1965. С.278.

²³ Демченко А.А. Н.Г. Чернышевский: Научная биография. Часть первая. / Под ред. Е.И.Покусаева. – [Саратов]: Издательство Саратовского университета, 1978. С.8.

²⁴ Исследователь и раньше обращался в своих работах к проблемам биографии: «В нашей литературной науке и критике, успешно воевавшей с поверхностным биографизмом, мы утеряли в пылу битвы долю понимания того, что личность писателя и его книги неразделимы. В академическом литературоведении стало дурным тоном говорить о личности писателя. За "науку" почтается иной раз лишь комментируемый пересказ произведения или его социологический анализ. Все же, что хоть немного связано с личным элементом, кажется сомнительным и "ненаучным"» (Лакшин В. Глазами писателей. // Новый мир. 1959. №8. С.220).

²⁵ Лакшин В. Я. А.Н.Островский. Проблемы научной биографии: Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. – М.: МГУ им. М.В.Ломоносова, 1981. С. 10.

По мнению В.Я. Лакшина, «жанр научной биографии писателя характеризуется следующими основными чертами:

1) Научная биография писателя рассматривает личность автора и его творчество в их неразрывном единстве. Биография не должна подменять, разумеется, монографический анализ творчества, с исчерпывающей полнотой вскрывающий взаимосвязь формы и содержания: мир образов, структуру произведения, стиль, композицию и т. п. Произведение интересует исследователя-биографа в той мере, в какой оно представляет весомый факт в прижизненной судьбе творца и литературы его времени, а также постольку, поскольку оно отражает его личность.

2) Научная биография ставит своей целью показать развитие творческой личности не как имманентный процесс, а в теснейшей связи с эпохой, общественными движениями и «веяниями» времени, литературными спорами и влияниями, идеино-художественной близостью литераторов, выражаящейся в создании направлений, школ и «кружков».

3) Научная биография, стремясь к максимальной полноте и вместе с тем не располагая всей суммой фактов, может прибегнуть к реконструкции отдельных моментов судьбы художника. Однако в отличие от «романизированных» или беллетризованных биографий, всякая гипотеза психологического или фактологического характера в научной биографии должна быть основана на достаточном массиве косвенных свидетельств и материалов, а также строго оговорена гипотетичность всякого реконструируемого эпизода²⁶.

Таким образом, можно констатировать, что в 1970–1980-е годы научная биография сформировалась как исследовательский жанр.

Последующие десятилетия характеризуются ростом интереса к научному изучению биографий. Значительное развитие получила и биографика²⁷. В последнее десятилетие появилось немало диссертаций и книг, в которых рассматриваются проблемы биографии писателей, ученых, деятелей политики и культуры. Если в «творческих биографиях» затрагивается лишь тот временной промежуток, на который приходится активная творческая деятельность, то авторы научных биографий стремятся с возможно большей полнотой охарактеризовать весь жизненный и творческий путь исследуемых деятелей. В таких работах рассматривается не только период творчества, значительное место уделяется детским и юношеским годам – периоду формирования творческой личности или политического деятеля. Как правило, в таких исследованиях говорится и о близких родственниках, прежде всего родителях, которые заметным обра-

²⁶ Лакшин В.Я. Указ. соч. С. 4–5. Разрядка В.Я. Лакшина

²⁷ См.: Валевский А.Л. Основания биографики. Киев. 1993; его же. Биографика как дисциплина гуманитарного цикла. // Лица: Биографический альманах. <Вып. 6. – М., СПб.: Феникс; Atheneum. 1995. С. 32–68; Беленький И.Л. Биографика в системе наук о человеке: Становление, этапы развития и междисциплинарный контекст отечественного биографоведения. – М.: ИНИОН РАН, 1999.

зом повлияли на становление личности. Характеризуется и широкий историко-культурный и/или политический контекст эпохи. Это позволяет исследователям проследить жизнь и творчество в эволюционном развитии.

Здесь следует выделить саратовскую школу изучения научной биографии, которая развивается под руководством Адольфа Андреевича Демченко.

В 1997 году под руководством А.А. Демченко защищила диссертацию на тему «Д.Л. Мордовцев: проблемы научной биографии периода 1840–1880-х годов» Н.А. Варганова. Научную биографию диссидент охарактеризовала как «литературоведческое исследование, осуществляющее посредством критического анализа источников и выявляющее своеобразие творческой личности художника в ее конкретно-исторических связях с эпохой и общественной средой»²⁸.

В 2002 году в Саратове была защищена докторская диссертация О.И. Киянской «Научная биография П.И. Пестеля», одним из оппонентов на которой выступил А.А. Демченко. Актуальность своей работы Оксана Ивановна объясняла «особым вниманием современной исторической науки к жанру научной биографии. В середине ХХ века на первый план выдвигались проблемы социально-экономические, проблемы взаимоотношений “производительных сил” и “производственных отношений” – и история изучалась вне человека, вне личности. Сегодня такой “обезличивающий” подход не удовлетворяет историков. Появляются монографии и статьи, посвященные отдельным персонажам отечественной истории...»²⁹. Эти слова с полным основанием можно отнести и к другим областям научного знания, где в последние годы также появляются многочисленные биографические исследования.

Через 5 лет, в 2007 году, в Саратове защитил докторскую диссертацию на типологически сходную тему Ю.В. Варфоломеев – «Николай Константинович Муравьев: научная биография». Юрий Владимирович справедливо отметил, что «историческая наука нуждается в биографии как в источнике для анализа и оценок исторических событий и процессов, так как предмет истории – деятельность людей»³⁰. В качестве методологической основы для реконструкции научной биографии адвоката Н.К. Муравьева (1870–1936) назван «антропологический подход к изучаемым событиям»³¹. Ю.В. Варфоломеев отметил: «Различные фрагменты диссертации написаны на стыке различных наук: истории,

²⁸ Варганова Н.А. Д.Л. Мордовцев: проблемы научной биографии периода 1840–1880-х годов. Автореферат диссертации... кандидата филологических наук. – Саратов: Саратовский государственный педагогический институт, 1997. С.9.

²⁹ Киянская О.И. Научная биография П.И. Пестеля. Диссертация... доктора исторических наук. – Саратов: Саратовский государственный университет им. Н.Г.Чернышевского. С.9.

³⁰ Варфоломеев Ю.В. Николай Константинович Муравьев: научная биография. Автореферат диссертации... доктора исторических наук. – Саратов, 2007. С.3.

³¹ Там же. С.5.

психологии, философии, литературоведения, политологии, социологии, культурологии, юриспруденции, этики»³². Надо отметить, что работы, посвященные научной биографии того или иного деятеля культуры или общественной жизни, часто создаются на грани нескольких научных дисциплин, поскольку деятельность персонажа, который является объектом исследования, довольно часто оказывается многообразной. Знаменательно поэтому, что в числе источников научной биографии, написанной Ю.Варфоломеевым, названы и произведения художественной литературы – «Мать» и «Жизнь Климова Самгина» А.М. Горького.

Авторами научных биографий выступили также А.А. Егоров³³, Л.Р. Кулаковская³⁴, В.М. Файбисович³⁵ и другие исследователи. Все отмеченные работы близки по структуре. В каждой из них рассматривается весь жизненный и творческий путь того деятеля, которому они посвящены. А.А. Егоров объяснял это следующим образом: «Хронологические рамки работы по существу совпадают с годами жизни Питта Младшего. Подобный подход был обусловлен тем, что, как нам представляется, даже ранний этап жизни Питта не может быть проигнорирован и искусственно «отсечен» от дальнейшей парламентской и государственной деятельности наследника Чатама, ибо уже тогда, в детские и юношеские годы, начала формироваться в высшей степени своеобразная и сугубо политическая личность. Поскольку после вступления на государственное поприще Питт в сущности никогда не переставал заниматься политикой, изложение его политической биографии доведено до смерти британского премьера, которая последовала 23 января 1806 года»³⁶. Подобное суждение применимо и к другим личностям, сыгравшим заметную роль в истории, деятелям науки, искусства, писателям. Рассмотрение всего жизненного пути позволяет дать наиболее полную характеристику того или иного деятеля, проследить истоки его творчества или иной деятельности, выявить ранние влияния.

Годы детства и юности – тот период, когда происходит активное изучение и познание окружающего мира, социума, когда человек «впитывает» очень много информации, которая в последующем, порой многие годы спустя, проявляется в его жизни, в его произведениях и поступках. Не случайно детским годам в

³² Варфоломеев Ю.В. Николай Константинович Муравьев: научная биография. Автореферат диссертации.. доктора исторических наук. – Саратов, 2007. С.5.

³³ Егоров А.А. Питт Младший: Политическая биография. Диссертация.. доктора исторических наук. – Ставрополь: Ставропольский государственный университет, 2001.

³⁴ Кулаковская Р.Л. Научная биография А.Е.Кулаковского: личность поэта и его времени. Диссертация.. кандидата филологических наук. Якутск: Якутский государственный университет им. М.К.Аммосова. 2003.

³⁵ Файбисович В.М. Алексей Николаевич Оленин. Опыт научной биографии. – СПб.: Российская национальная библиотека, 2006.

³⁶ Егоров А.А. Питт Младший: Политическая биография. – Ставрополь, 2001. С.10.

каждой из рассматриваемых работ посвящена глава или параграф, говорится об отношениях в семье, о родословии биографируемого.

Отметим, что выявление источников и их всестороннее изучение является лишь созданием документальной базы, основы для написания научной биографии. При исследовании источников обычно обнаруживается, что некоторые из них противоречат друг другу. Это может быть связано, например, с тем, что воспоминания создавались спустя много лет после описываемых событий, поэтому в них отразились «ошибки памяти», произошло совмещение или наложение эпизодов, отнесение описываемых событий к другому периоду и т. п. Эти противоречия нужно осмысливать и обсудить в научной биографии, отметив наиболее достоверные, с точки зрения ее автора, источники. От исследователя требуется не только овладение собранной им документальной базой, но и структурирование материала, выработка общего замысла, в случае нехватки материала – создание собственных, основанных на имеющихся данных гипотез или использование гипотез, предложенных другими исследователями.

Ход подготовки научной биографии можно представить на схеме:

Подготовка научной биографии

Ирина Островская

Героизация неизвестности: Образы репрессированных родителей в устных воспоминаниях детей

Ирина ОСТРОВСКАЯ

Международный Мемориал (Москва)

В течение нескольких лет Центр устной истории и биографии «Мемориала» разрабатывает ряд проектов, посвященных сохранению семейной памяти. За это время записано, в частности, более 200 интервью. Наши информанты – это дети, в большинстве своем родившиеся в конце 1920-х – начале 1930-х годов, чьи родители были репрессированы. Отцы расстреляны, матери отправлены в лагеря для членов семей «изменников родины», а ребенок часто попадал в специальные детские дома для детей «врагов народа».

Широко известно, как тоталитарная система искажала историю, приспособливая ее к своим идеологическим целям. Но искажалась не только история страны, не только «большая история», но и прошлое обычных людей, прошлое семьи, прошлое человека. Боясь репрессий, люди переставали гордиться прошлым своих предков, скрывали свое социальное происхождение, жены отрекались от мужей, дети – от родителей. Так же, как портреты «врагов народа» вымарывались из учебников исто-

kozlova@memo.ru

рии, точно так же страх заставлял людей уничтожать домашние архивы: письма, фотографии, свидетельства об образовании и роде деятельности родственников, их награды и т.д.

Даже получить информацию о судьбе людей, погибших в ГУЛАГе, в течение многих лет было невозможно. Чуть ли не каждый день к нам обращаются с вопросами, где найти сведения о дедах и прадедах.

Вот, например, одно из писем, пришедших в Мемориал.

Мой дед ушел на фронт в начале войны, а в 1942 году был объявлен пропавшим без вести. Бабушка ждала его всю жизнь, в 2003 году она умерла, так ничего и не узнав. Ей было 93 года. Сегодня случайно натолкнулся на ваш сайт, и каково же было мое удивление, когда в списках репрессированных я увидел имя деда – красноармейца, репрессированного 30.04.1942 года, приговоренного к 10 годам ИТЛ. Помогите узнать о нем еще хоть что-нибудь.

Павел Поймалов

Репрессивная система прятала свои преступления, а тоталитарное государство, воспитывая «нового человека», пыталось превратить его память в *tabula rasa* (чистую доску) и в этом во многом преуспело.

Люди постепенно поняли, что лучше не хранить домашние архивы. Поэтому дошедшая до нас семейная «бумажная» память обрывочна, разрознена и представляет собой довольно случайный набор сохранившихся реликвий. Редкие уцелевшие письма родителей, набор разрозненных фотографий в домашнем альбоме – вот зачастую то немногое, на чем зиждется документальная память о прошлом семьи.

Из интервью Марии Лицинской (говорит о старых фотографиях):

Это всё, что у меня сохранилось. Тетя Ляля всё время их прятала. В какой-то период.. это было уже после войны, «дело врачей»... Она приходит с работы и видит: сидит [ее муж] и рвет фотографии... Она схватила и спасла эти фотографии. И это всё, что у меня осталось.

О таких ситуациях наши информанты рассказывают нередко.

Часто люди, чьи родители прошли через политические репрессии, не имеют представления о семейной истории даже трех поколений своих предков. Весьма приблизительно известна судьба родителей, а сведения о поколении бабушек и дедушек или фрагментарны, или просто отсутствуют.

Вот почему Центр устной истории Мемориала придает такое большое значение записям интервью детей репрессированных родителей в годы тоталитаризма. Зачастую это единственный источник восстановления «биографии семьи».

Устные воспоминания, обладая несомненной ценностью «живых» человеческих свидетельств, могут носить недостоверный, искаженный и подчас мифологизированный характер. Конечно, в определенной мере это является результатом естественной аберрации памяти, ее избирательности в отборе событий прошлого. Но основная причина искажений лежит в реалиях тоталитаризма.

От детей скрывали сведения о происхождении, о социальном положении, о посвященном списке репрессированных родственников. Информацию о собственных предках приходилось черпать из разрозненных рассказов или (уже после реабилитации) из очень ограниченного круга документов архивно-следственных дел.

Из интервью Галины Прусс:

- Что Вы про отца знаете? Откуда он, где родился... учился?
- Ничего, это было покрыто мраком все. Я только вот из дела КГБ узнала, что у него две сестры были. Никогда в жизни не слышала, чтобы у него были сёстры. До КГБ, пока я не читала его «Дело», никогда.

Официальные источники не дают объективной и достоверной информации, из следственных дел архивов НКВД-КГБ-ФСБ удается почерпнуть только те сведения, которые хотела сохранить карательная система, вылепливая образ «врага народа». Иногда, очень редко, в архивно-следственных делах сохраняются вложения – записные книжки, личные документы, автобиографии, письма и т.п., из которых можно получить хоть какие-то сведения о родственниках.

Карл Краевский:

Отцовских родителей я не знаю. И вообще не знаю, были ли у него родственники. Ничего абсолютно. Об отце я знаю только то, что я прочёл в его автобиографии, когда смотрел «Дело».

К сожалению, такие находки редки. Их отсутствие – еще одно свидетельство того, как тоталитарное государство буквально искореняло память нескольких поколений, закладывая на будущее подмену, умалчивания, «белые пятна» в истории семьи. В результате следующие поколения наследуют искаженную историю, не зная отсутствующих звеньев или не понимая их: ведь невозможно понять то, что неизвестно.

Сегодня они пытаются по крохам собрать вычеркнутую судьбу родителей, реконструировать их жизнь. Прежде всего, это касается отца.

В памяти многих людей, чье рождение приходится на конец 1920-х – начало 1930-х годов, отец или совсем не сохранился, или остался смутным образом.

Ирина Ватман:

Я помню, как он играл со мной: лежа на животе, он подтягивал колени, сажал меня верхом, опирал на колени, я прыгала, скакала, и вдруг он выпрямлял ноги, и я падала. Я помню свой визг; он стоит у меня в ушах.

Наши информанты говорят о неповторимом образе утраченного отца. Он остался в их памяти самым-самым: способный, красивый, мужественный, благородный. Боль утраты с годами не только не притупилась, а даже увеличилась.

Валентина Королева:

Это же все время во мне, все время во мне, это же никуда не уходит, из меня это никуда уйти не может. Он (отец) в моем понимании все время вырастает. Как я вспоминаю его, он в моих глазах все время вырастает.

В рассказах наших собеседников о счастливом детстве все самые лучезарные воспоминания связаны отцом, который, по их свидетельствам, в наибольшей степени влиял на формирование их мировоззрения, занимался просветительством, образованием, досугом.

Сурма Туманян:

Я была помешана на папе! Я маме говорила: мама, я тебя очень люблю, но, ты не обижайся, я папу люблю больше! Я папу любила потому, что он мне просто отдавал очень много времени. Он со мной ходил в лес гулять, цветы собирал, природу изучали, он читал. Он меня водил в театр, не мама.

Нет ничего удивительного в том, что детские воспоминания сохранили именно такой образ отца – доброго, любящего, заботливого. Симптоматично другое: полное отторжение тех реалий отцовской биографии, которые способны бросить хотя бы малейшую тень на этот образ. Перед арестом отец нашего собеседника мог быть, например, крупным партийным работником или функционером НКВД, который, исправно служа сталинской системе, сам непосредственно осуществлял репрессии. Однако в рассказах детей он оказывается безупречным «рыцарем революции», и ничто не способно это представление поколебать. Для его подтверждения наши информанты тщательно разыскивают и собирают свидетельства родственников, знакомых и коллег по работе, ссылаются на публикации, энциклопедические и словарные статьи.

Сурма Туманян:

Когда я встречалась с людьми, которые папу знали, все говорили одно: он был кристально чистым человеком. Он был предан этому делу, он верил.

Кира Колодъко:

Недавно я встречалась в Киеве с академиком, и он рассказал: «Я помню, собрание большое было. И вот, когда отец вошел в зал, весь зал встал». Вот так его приветствовали!

Лидия Хлибутина:

Ну, он есть в энциклопедическом словаре, в нескольких изданиях, но в последнем словаре... уже нет. А до этого все время был.

Леонид Мильграм:

После освобождения бывший заключенный мне рассказал, что сидел с отцом в тюрьме, и что больше всего они были благодарны отцу, потому что он сумел подсказать, как вести себя. Когда он рассказывал, у него слезы были на глазах. Отец был прирожденным лидером.

Идеализация, даже обожествление образа отца у сегодняшних, уже очень немолодых, наших собеседников с годами только усиливается. Она впитывает в себя детские мечты, надежду на встречу, веру в справедливость, сожаления о том, что их жизнь могла бы сложиться совершенно иначе, счастливее, если бы отец остался жив.

Ирина Ватман:

Я шла иногда из школы и точно знала, что я приду, а он стоит и ждет меня. Я знала где-то в глубине души, что это иллюзия.

Евгения Смирнова:

Я все мечтала, что, наверное, таких военачальников, полководцев, как папа, выпустили, они все на фронте. У меня сложилось убеждение, что он обязательно вернется генералом.

Как иначе мог вспоминать любимого папу маленький ребенок? Но и впоследствии героический образ отца остается незыблемым. Выросшие дети не задумываются, не оценивают деятельность отцов во время большого террора. Рассказывая о своем отце сейчас, уже очень немолодой сын с гордостью восклицает: «Мой отец – герой Гражданской войны! Он Советскую власть устанавливал». Все негативное из его биографии, как правило, вычеркивается из памяти. И только очень немногие, как, например, Булат Окуджава, способны подняться до анализа.

Да мой отец – мученик идеи, чистый, бескорыстный. Но фанатизм, присущий ему, втянул его в строительство страшной машины, которая в 37 г. перемолола и его.

(Булат Окуджава в письме к С.Вдовину. 13.12.91).

Неожиданным парадоксом в рассказах детей репрессированных родителей становится контраст героического образа утраченного отца, навсегда оставшегося молодым в памяти ребенка, с вернувшейся из лагеря матерью. Дети помнили

ее красивой, благополучной, а встретили постаревшую, прошедшую лагерь и ссылку, совсем непохожую на прежнюю. Да и сами они изменились.

Гертруда Чупрун:

Когда я научилась писать, меня регулярно заставляли писать письма маме. Сажали и велели: пиши. У меня сложился образ невообразимо хорошей, прекрасной мамы, которая где-то там живет.

Марк Нейфельд

Когда мама вернулась из лагеря, она думала, что вернулась к своим прежним детям, маленьким. А я-то отвык от мамы. И мама не могла с этим смириться. Это был такой вот... момент стыковки, не очень приятный.

Встреча с «не придуманной», а с настоящей, постаревшей мамой через 8–10 лет часто была крайне болезненной.

Гертруда Чупрун

И вот мы ее встречали на Казанском вокзале. И вдруг навстречу мне выходит из вагона женщина, в какой-то овчине, мехом наружу, с чемоданом, с торбой – с рюзаком, причесанная на прямой пробор, косички сзади корзинкой вокруг головы, и от нее ужасно пахнет. Мне говорят: «Герта, помоги маме помыться». А где помыться? В ванной соседи жили. На кухне. Нагрели воду, я помогаю маме мыться, и вижу, что эта тетка мне – чужая.

Марат Носов:

Она меня встретила на вокзале, целует, а мне как-то не по себе. Думаю: «Как же? Меня женщина какая-то целует». Я знаю головой, что это – мать моя. И вдруг это меня как-то немножко стесняет.

Еще трагичней бывало в случаях, когда мать возвращалась из лагеря с маленьким ребенком или новым мужем.

Сурма Туманян:

Я когда узнала об этом, бабушке сказала: «Бабушка, не отдавай меня!» Потому, что я считала, что это предательство папы, я это не могла по-другому воспринять.

После долгой разлуки встречались, по существу, совершенно чужие люди. С одной стороны – повзрослевшие, вошедшие уже в самостоятельную жизнь дети, а с другой – постаревшие, до неузнаваемости изменившиеся матери, долгие годы мечтавшие о том, как они снова будут воспитывать своих детей.

Ирина Ватман:

У мамы были принципы. В 9 часов ребенок должен быть дома. «Детонька, куда ты идешь?» – «Как, куда иду? Иду». Почему я должна отчитываться, куда я иду? Мы очень много ссорились.

Сближение, а иногда и просто знакомство с вернувшейся матерью к тому же происходило в крайне тяжелых бытовых условиях. Проживание в больших городах бывшим лагерницам было запрещено, на 101-м километре приходилось браться за любую работу, снимая углы или койки в землянках или бараках.

Гертруда Чупрун:

Был большой барак, деревянный, рубленый, в этом бараке жило несколько семей. Было печное отопление, стены были из бревен, в которых были щели. В этих щелях жили клопы и тараканы. Тараканы полчищами ходили, мама говорила, что избавиться от них нельзя. Нужно было правой рукой есть, а левой стучать по столу, чтобы отогнать тараканов!

Марина Душкина:

Я снимала в таком маленьком домике угол в прихожей... раскладушечка... Даже не прихожая, а крыльцо крытое. Вот, она... Они дали это крылечко.

Для мизерного заработка женщины занимались сельским хозяйством, устраивались уборщицами, санитарками в больницах и яслях, по вечерам подрабатывая на швейной или печатной машинке. Жизнь была далеко не романтической. А в памяти ребенка оставался великолепный образ героического отца, выдающегося военачальника, инженера, ученого и т.п.

Леонид Гальперштейн:

Ее моральный авторитет упал в моих глазах. Я был очень близок с отцом, с матерью нет. Мещанство неискоренимое в ней сидело.

Понимание, что именно пришлось пережить матери, пришло не в юности, а намного позже. К тому же почти все бывшие лагерницы рассказывали о собственных переживаниях скромно, не посвящали детей в подробности своих «крутых маршрутов».

Карл Краевский:

Мама ничего не хотела рассказывать мне. Когда она вернулась, она просто старалась избегать таких разговоров. Переводила на что-то другое. А потом это уже вошло в привычку. Я знал, что она не хочет разговаривать на эту тему. Я ей не задавал вопросов.

И даже после реабилитации между матерями и детьми не всегда возникало взаимопонимание, потому что прошедшие через лагеря женщины зачастую

оставались с прежними коммунистическими убеждениями, тогда как у большинства детей сложились прочные демократические взгляды.

Мария Кузнецова:

Уже был XX съезд, 60-е годы. А мама отстаивала коммунистические идеалы, Советскую власть.

Очень часто вернувшиеся матери смотрели на детей как на то, что должно всецело принадлежать только им: брак сына или дочери воспринимался трагично, как повторная потеря ребенка.

Гертруда Чупрун:

Ее нельзя было попросить о чем-то, потому что на каждую просьбу: «Мам, посидишь с Оксаной (внучкой), мы в кино сходим?», она всегда отвечала стандартно: «Ну, если не будет партийного собрания в ЖЭКе».

И до сих пор, как правило, дети репрессированных, стремясь добиться справедливости, стараются вернуть отцу честное имя, опубликовать максимальное количество газетных и журнальных статей, увековечить память отца в названии улиц, на почтовых конвертах и т.д., а мать, прошедшая многолетние лагеря, в устных воспоминаниях иногда даже и не упоминается. Очень часто образы родителей противопоставляются: отец – талант, лидер, трибун, а мать – домохозяйка.

Леонид Мильграм:

Отец все время тянулся к знаниям. А мать была работницей, она ей и осталась. Она не была глупой, нет. Но ему с ней было, видимо, скучно.

Таким образом, репрессивная машина тоталитаризма не только трагически ломала реальные семейные узы, но и порождала превратные, противоестественные внутрисемейные отношения. Разрушалась не только память, но и человеческие чувства – любви, благодарности, уважения.

Образ отца с годами все более и более приобретал мифологические, легендарные черты – оставаясь все тем же безупречным, несправедливо и безвинно обвиненным и трагически пострадавшим.

И эти разрушительные последствия дают себя знать долгие годы. Печать «ЧСИР» наложила отпечаток на последующую жизнь всех поколений.

Нина Цветаева

О чём говорят «человеческие документы»: Переоценка ценностей в эпоху перемен

Нина Николаевна ЦВЕТАЕВА

научный сотрудник
Социологического института РАН
(Санкт-Петербург)

«Человеческие документы», как принято в социологии называть автобиографии, воспоминания, дневники и другие свидетельства биографического характера, повествующие о прожитой человеком жизни, – уже признанный в современной социологии источник социального знания. Богатый материал таких свидетельств, биографических нарративов¹, по-разному проблематизируется исследователями и может говорить о многих характеристиках и параметрах социальной жизни.

В этой статье я представляю результаты исследования биографических нарративов, которые говорят о том, как менялись представления и ценностные ориентиры общества в процессе социальных изменений, начатых перестройкой, и, в частности, почему очень многие люди, активно принявшие эти

tsvetni12@mail.ru

¹ Термин «нarrатив» (англ. – рассказ, повествование) используется многими гуманитарными науками, занимающимися изучением и интерпретацией текстов. В западной социологии этот термин является общепринятым обозначением любых текстовых данных «качественного» характера.

перемены, стали возвращаться к ценностным ориентирам советского времени и ностальгически переоценивать прошлое. Основой этого исследования стали материалы биографического конкурса «Жить в эпоху перемен», проведенного Биографическим фондом Социологического Института РАН² осенью 2000 среди жителей Санкт-Петербурга. Тема конкурса предлагала участникам не только описать историю их жизни, но и уделять особое внимание последнему десятилетию XX века, принесшему обществу радикальные перемены.

Исследование биографических нарративов участников конкурса проводилось в нескольких направлениях и на нескольких «мини-выборках»³. Здесь представлены результаты интерпретации биографических нарративов трех образованных женщин, принадлежащих к так называемому советскому среднему классу, для которого столкновение старых и новых ценностных ориентиров оказалось наиболее ощущимым.

«Это унизительно для меня»

Сначала рассмотрим случай, когда ценностные ориентиры советского времени оказываются стойкими и сопротивляются изменениям. Проиллюстрируем этот случай биографическим нарративом женщины 1941 года рождения.

Биография этой женщины в определенном смысле представляет собой «классический» образец жизни советского инженера, все ступени которой соответствовали нормам того времени. Она пишет:

Родилась в Ленинграде в рабочей семье. Училась хорошо, занималась спортом, была в литературном кружке... После школы поступила в Военно-Механический институт и была распределена в конструкторское бюро Кировского завода, где проработала всю свою жизнь. Ушла на пенсию в 1997 году в должности конструктора 1-й категории. За время работы награждена медалью «За трудовую доблесть», «Ветеран труда».

На заводе она «встретила свою судьбу, своего будущего мужа», и ее семейная жизнь также сложилась весьма успешно. На сегодняшний день у нее и у ее дочери есть квартиры, которые она называет «основой жизни для любой семьи». Возможно, сама успешность ее жизни в советское время, нарушенная

² Биографический Фонд Социологического Института РАН был создан в 1989 г. В настоящее время Фонд насчитывает около 600 биографических материалов представителей всех слоев общества. Фонд составляют биографические дневники, интервью и материалы биографических конкурсов.

³ На конкурс было прислано около 100 биографических нарративов. Его участниками стали жители Санкт-Петербурга и некоторых городов Северо-Западного региона разного возраста и разного социального статуса.

перестройкой, которую она «сначала встретила с воодушевлением», делают ее «сторонником коммунистов». Во всяком случае, некоторые иллюзии в ее воспоминаниях о достоинствах социализма очевидны:

Да, тогда тоже было много недостатков, но до такого цинизма прошлая власть не доходила. В нашем государстве, кто хотел, тот мог получить образование, медицинскую помощь, даже будучи студентами, ездили на юг отдыхать, дети все без исключения учились в школе, отдыхали в пионерских лагерях.

А в семидесятых годах было вообще замечательно, хочешь квартиру – покупай, хочешь машину – тоже покупай и даже в рассрочку. Это было всем по карману, кто, конечно, не был пьяницей. Вот мы же смогли с мужем на свои оклады и без помощи родителей (оба из многодетных семей) купить квартиру, машину, гараж, вырастить 2-х двойняшек, выучить их и выдать замуж. Мы свои обязанности выполнили на все 100%, а сейчас? Мои внуки учатся в очень хорошей школе, но я не уверена, что моя внучка, которая пойдет в 7-й класс, со временем получит высшее образование.

Тем не менее реальные основания для критики перемен у нее также есть, когда она описывает развал работы своего КБ и другие проблемы. Но самый характерный для описания ее позиции фрагмент, своеобразная «кода» ее рассказа, – это объяснение ее нежелания прибегнуть к новым практикам зарабатывать на жизнь:

В ноябре у нас дома каждый год встречаемся с бывшими сослуживцами. Нас перестройка раскидала кого куда, и теперь ни одной из нас не осталось в КБ. Некоторые уже пенсионеры и не работают, другие работают, например, у новых русских убирают квартиры, сидят с их детьми. А ведь эти женщины все получили высшее образование, были неплохими специалистами. Вот и меня одна женщина упрашивала пойти в домработницы к ее директору, но я отказалась, посчитала, что это унижительно для меня. Звали меня снова в наше КБ, но там за эти годы еще хуже стало, поэтому тоже отказалась, хотя силы поработать у меня еще есть. Вот на свою Родину я бы еще поработала, а на государство – нет, так как в настоящее время государство существует отдельно от народа.

Возможности зарабатывать, которые предлагают этой женщине новые условия жизни, она расценивает как унижительные. (Можно более ясно обозначить ее позицию, если напомнить, что домработница у богатых людей получала тогда значительно больше, чем инженер Кировского завода.) В этой позиции отчетливо выражено вполне понятное с точки зрения ценно-

стей советского времени нежелание терять статус и неприятие новой модели социальной стратификации и новой жизненной перспективы, в которой «деньги» заменяют «культурный престиж». В принципе, такое столкновение «денег» и престижа не может иметь места в современном стабильном обществе, хотя история советского общества опровергает это. Так, советским людям было не привыкать, что статус и доход могли существенно расходиться, и инженер, например, мог зарабатывать меньше рабочего. Если рассуждать с точки зрения теории культурного производства П. Бурдье⁴, можно сказать, что эффекта гомологии, т.е. соответствия между позицией индивида в области экономики и его позицией в сфере культурного потребления, в советском обществе не наблюдалось. В нем существовали другие соответствия, которые определялись идеологически. И в позиции респондентов с высшим образованием, как свидетельствует анализ биографических нарративов, это проявлялось и проявляется вполне отчетливо.

Итак, можно сказать, что автор этого биографического нарратива явно ориентирована на нормы и ценности советского общества, в котором гораздо важнее были статусные механизмы, чем рыночные. В ее позиции отражается также особая роль высшего образования в советском обществе, которое в условиях запрета частнопредпринимательской деятельности оказывалось едва ли не единственным средством повышения социального статуса. Кроме того, в ее позиции читается признание «неправедности» многих из практик, которые теперь признаны легальными, а в советское время были нелегальными.

В целом, как свидетельствуют биографические нарративы участников конкурса, эта позиция довольно типична. Только крайняя нужда заставляла тех, кто получил высшее образование и профессию в советское время, идти на неквалифицированную, но хорошо оплачиваемую работу. При этом нежелание терять обретенный в советское время статус особенно сильно проявлялось у людей, принадлежащих к образованным слоям общества в первом поколении. По всей видимости, для них культурный капитал обладает особой ценностью, так как обретен исключительно собственными усилиями.

«Но сейчас уже смотрю на все иначе»

Приверженность ценностным ориентирам советского времени не всегда оказывается такой неизменной, как в описанном выше случае, когда человек даже не прибегает к новым практикам, считая их унизительными, и живет в русле прежних представлений. Биографические нарративы иллюстрируют случаи, когда человек делает множество попыток адаптироваться к переменам

⁴ Bourdieu P. Distinction. A Social critique of the judgment of taste. New York: Routledge. 1989.

и принять новое, но все эти попытки оказываются безуспешными и оставляют его в смятении, фактически возвращая к прежним ценностям. Одна из таких историй принадлежит женщине 1938 года рождения, работавшей всю жизнь инженером-строителем в проектных институтах.

Став в 50 лет пенсионеркой (так как последние 16 лет перед выходом на пенсию (в 1988 году) она работала на Севере, в Мурманске), она решает помогать родителям, живущим в Новокузнецке, и дочери, которая, уехав в 1983 году в Ленинград учиться, вышла там замуж, родила внучку и живет с мужем в общежитии. Вот как она пишет об этом времени:

И начала мигрировать каждые 6 месяцев между Мурманском и Новокузнецком с остановкой в Ленинграде, часто вместе с внучкой. Денег нужно было немеряно, а взять их было негде. Накоплений, хоть и жила на Севере, практически не было. Тут стали исчезать товары. Чтобы иметь хоть какую-то прибавку к пенсии, начала приторговывать...

Итак, если в первом биографическом нарративе речь шла об отказе от новых возможностей зарабатывать на жизнь, которые были названы унизительными, то здесь речь идет об активных попытках наладить жизнь в новых условиях, несмотря на их унизительность:

Тогда около каждого магазина стояла длинная цепочка таких продавцов. Периодически появлялась милиция, и мы как зайцы разбегались со своим товаром. Или появлялась какая-то шпана, которая могла что-то схватить или потребовать денег. Противно это было до невозможности. Было унизительно бегать от милиции. Новокузнецк – город, где зимы холодные. И даже два-три часа выстоять непросто...

Следующей (судя по описанию, не только унизительной, но и опасной) практикой этой респондентки стала работа в Новокузнецке кассиром «на водной станции» (прокат лодок), куда ее «по блату» устроил отец, работавший там сторожем. Здесь она столкнулась уже со «сплошным криминалом»:

Начальница мне популярно объяснила, как надо работать, чтобы мне было хорошо и всем было хорошо. Я поняла, что мне предстоит. Проработав всю жизнь на проектной работе и получая деньги только по ведомости в кассе, мне было сложно решиться на это. И деваться-то было некуда. Постоянные разъезды, дочь с внучкой практически на мне. И начался сплошной криминал. Приходя домой, я начинала работу с квитанциями, в результате которой сдавала по квитанциям 50% выручки, а 50% отдавала лично в руки своей начальнице, из которых мне выдавалось 70–100 р.

в день. Для меня это были огромные деньги. Моя пенсия была 120 р. Столько денег у меня не было никогда в жизни. Часто, закончив работу с квитанциями, я выходила на балкон покурить... И глядя на звезды, я думала, в каком же дерыне мне приходится крутиться...

После смерти родителей жизнь этой женщины перемещается в Мурманск, где у нее есть квартира, и в Петербург, где живет ее дочь с семьей. Пытаясь обменять свою мурманскую квартиру на петербургскую, она опять попадает в криминальную историю, столкнувшись с угрозами своего соседа, бывшего раньше электриком в домоуправлении, а теперь ставшего очень серьезным человеком:

А в следующий свой приезд в Мурманск я увидела соседа, въезжающего во двор на «Сироене». В домоуправлении он уже не работал. Он просто нигде не работал. Как такое могло случиться, я не понимала. Была пьянь-перепьянь, а сейчас разъезжает на «Сироене». Соседка как-то, оглядываясь по сторонам, мне говорит: «Толик-то в мафии!». Это про моего соседа. Господи! Откуда в нашем тихом Мурманске мафия...

Респондентка проявляет незаурядную смелость и, справившись с угрозами «соседа-мафиози», продает мурманскую квартиру. Но, купив «маленькую двухкомнатную квартиру в спальном районе Петербурга», она опять оказывается вынужденной прибегнуть к не совсем законным уловкам:

Вот так и жили. Я прописана в квартире, в которой они (дочь с семьей) жили. А я живу в их комнате в общежитии, где прописаны они. Вот дочери и пришлось, как переехали они в мою квартиру, снова идти преподавать в школу, чтобы внучку взяли.

Денег по-прежнему не хватает, и ей снова приходится «думать о работе». И опять все ее «практики» – работа кассиром на площадке аттракционов в Парке Победы, продавцом в маленьком магазинчике, контролером на игровых автоматах – в той или иной степени оказываются унизительными и сталкивают ее с криминалом. Это наезд налоговой инспекции, угрозы бандюганов и т.п. Вот как она резюмирует свой рассказ об этой деятельности:

И такое впечатление, что до ухода на пенсию вроде никто меня ни на что не провоцировал. И не было у меня в жизни таких ситуаций...

Да, видно уж у нас на Руси без криминала не бывает, там где работа с деньгами идет...

Еще одной «краской» в ее разностороннем, активном и смелом стремлении адаптироваться к жизни в новых условиях становятся ее попытки стать акционером и заработать таким образом на квартиру дочери. Вот как она описывает эту, можно сказать, совсем необычную для советского человека, деятельность:

Начала следить за котировкой акций наших питерских предприятий. Деловое обозрение – рубрику из «Часа пик» – чаще всего просто не могла выбросить. Завела себе папку, где собирала все таблицы с котировками акций...

Акции бурно начали расти в цене. Начала я постоянно забегать в фондовый магазин на Невском. Лихорадочно считать! Ну, еще чуть-чуть и хватило бы на квартиру. Но чуть-чуть не получилось. Ахнул кризис в августе 1998 г. Если бы кто-нибудь накануне мне подсказал продать эти акции и перевести в доллары деньги!

Итак, все активные попытки вписаться в новые условия и новые практики дорого стоили этой женщине, заставив ее пройти через целый ряд унижений и фактически изменив ее взгляды, которые она отстаивала в начале перестройки:

Споря с отцом когда-то, я обвиняла КГБ во всех смертных грехах. Но сейчас уже смотрю на все иначе. Бесконечная работа, вечно связанная с криминалом, жуткие разборки с квартирой... В стране все перевернулось с ног на голову... Я так устала от всего, что творится у нас вокруг. И не поймешь, какой у нас строй. И кто у нас правит всем в государстве. И почему эта «мафия» сильнее государства. Газеты пишут о ком-нибудь, что он связан с криминалом, а он выставляет свою кандидатуру на выборах...

Итоги своего биографического рассказа она подводит следующим образом:

Мне не нравилось то, как мы жили при социализме. Проработав целую жизнь, мы практически ничего не имели. Была малосенькая квартира. Даже работая на севере, не так просто было купить машину рядовому исполнителю. Вечные проблемы с мясом, сыром, деликатесами. Все это имела только Москва и Ленинград. Большую часть жизни я прожила в Сибири и знаю, что такое дефицит. Ну разве это нормально? А теперь что? Страна завалена этим самым дефицитом. Так денег нет! Работы нет!

И сейчас думаю, а что ждет моих детей, моих внуков? Как им жить? Они, конечно, не попадут в тот маленький процент, который имеет все. Не будут иметь коттеджей, дорогих машин. Да и бог с ним. Но хотя бы

работу имели нормальную. Чтобы жили без страха попасть постоянно в какую-нибудь криминальную ситуацию.

Итак, новые возможности, которые обрела автор этого биографического нарратива в результате происходящих в стране перемен, она не считает работой, точнее, нормальной работой. Такой работой, которая, по крайней мере, позволяет не бояться попасть постоянно в какую-нибудь криминальную ситуацию, не говоря уже о возможностях самореализации и достижениях, которые в принципе может дать человеку нормальная работа. Кроме того, все ее разнообразные и активные практики оказываются направленными не на то, чтобы удержать социальную позицию, а только на то, чтобы прокормиться, выжить. И цена, которую ей пришлось заплатить за это выживание, – унижение и страх.

«Копить деньги. Но зачем?»

Предыдущие биографические нарративы хорошо дополняет и оттеняет следующий. Его автор – женщина 1940 г.р., которая, будучи старшим научным сотрудником университета и кандидатом наук, в советское время могла позволить себе творческую и довольно свободную от режима жизнь, которую сегодня она с иронией называет «сладкой жизнью». Эта «сладкая жизнь» закончилась в эпоху перемен вследствие того, что финансирование исследований в области астрономии, которыми она занималась, прекратилось. Тем не менее, процесс перемен она оценивает как положительный:

Так что, хотя лично я при этом только потеряла, процесс в целом был положительным – нищему народу не под силу было содержать тысячи научных учреждений, дублирующих разработки друг друга.

Свой опыт «понижающей» адаптации к переменам она описывает так же иронично, как и свою закончившуюся «сладкой жизнью» научного сотрудника. В этот опыт она включает попытки зарабатывать на жизнь другими видами деятельности: азартную работу помощницей черного маклера в течение года, которая не принесла ей никакого дохода; репетиторство, которое носило сезонный характер; работу учителем в частной школе и, наконец, писание фельетонов, которое она практикует и сегодня, называя фельетоны самым дефицитным жанром.

Конечно, статус этой женщины, научного сотрудника со степенью, в советское время был более высоким, чем у авторов первых двух рассказов, что хорошо видно как в ее ироничных описаниях жизненного пути, так и в используемых ею практиках. Возможно поэтому ее «понижающая» адаптация не вы-

глядит унизительной. Однако в ее отношении к новым ценностным ориентирам и, прежде всего, к мотивации достижения, считающейся одной из основных ценностей эффективного рыночного общества, читается серьезное ограничение, хотя и выраженное вполне оптимистично:

В силу невысоких запросов (есть крыша над головой, еда и чем прикрыть стыд) моя жизнь мне снова нравится. Да, я могла бы набрать абитуриентов, заниматься с ними с утра до ночи математикой и копить деньги. Но зачем? Купить лишнюю тряпку я при этом смогу, а виллу на Канарах – нет. Т.e. вкалывай как лошадь или не вкалывай, а в другой социальный слой не перейдешь... Я предпочитаю, особо себя не утруждая, заниматься по-переменно, – но всегда с удовольствием! – то математикой, то сочинительством.

В этом оптимистичном ограничении собственной мотивации к достижению, по всей видимости, можно прочесть критику сложившейся ситуации. Возможности, которые обнаружились в меняющемся обществе, оказались очень суженными и поставили перед многими вопрос о «цене» достижения – ради чего «вкалывать». Как свидетельствовали и другие биографические рассказы участников конкурса, люди часто платили высокую цену – унижением и страхом – только за то, чтобы просто выжить. При этом они все же теряли прежние социальные позиции, на которые в свое время затратили немало труда и усилий.

Заключение

Факты «переоценки ценностей» и ностальгии по советскому времени были зафиксированы и традиционными социологическими опросами населения⁵. Однако интерпретация биографических нарративов участников конкурса «Жить в эпоху перемен» дала возможность увидеть этот процесс более содержательно и, тем самым, позволила сделать некоторые заключения, отличные от выводов массовых опросов.

Так, представленные в нарративах способы адаптации людей к происходящим изменениям подтверждают важное положение современной социальной теории. Происходящие изменения всегда обусловлены не только новыми «правилами игры», установленными властью. Они во многом обусловлены также и тем, как эти правила в результате разного рода практик повседневной жизни

⁵ См., например, результаты одного из самых репрезентативных исследований того времени: Левада Ю.А. «Человек советский» 10 лет спустя: 1989-99 (предварительные итоги сравнительного исследования) // Мониторинг ОМ. 1999. №3.

(в том числе и называемых по результатам опросов населения «пассивными») становятся привычными для людей или же обходятся ими, не принимаются.

Нarrативы проясняли и еще одно положение социальной теории. Для объяснения мотивации достижения, считающейся одной из основных ценностей эффективного рыночного общества, недостаточно обращения к стандартной рациональности. Люди часто ведут себя нерационально. И мотивацию достижения (как и другие ценности) необходимо рассматривать как результат пересечения многих причинных взаимосвязей, тесно связанных с конкретным социально-культурным контекстом.

И, наконец, нарративы говорили о том, что аддитивные практики и мотивирующие их ценности нельзя строго разделить на старые и новые. Как известно, в советское время многие из используемых сегодня практик были довольно редкими, а некоторые из них нелегальными, и в процессе перемен превратились в массовые и легальные. И, если иметь в виду их сегодняшнюю массовость и легальность, их можно назвать новыми, но, если говорить об истории их становления до того, как они появились в массовом масштабе, они давно уже новыми не являются. Это переплетение старого и нового оказывается значимым для характеристики взаимосвязи практик и мотивирующих их ценностей, позволяя прочесть не только историю их появления, но и наиболее рельефные «узлы» этой взаимосвязи и, тем самым, увидеть, как в переломные эпохи жизни общества происходит «переоценка ценностей» и, соответственно, меняется логика повседневной жизни и логика культуры общества в целом.

Наталья Колесник

Реконструкция биографий необычных людей

Наталья КОЛЕСНИК

старший научный сотрудник
Социологического института РАН

knv96@yandex.ru

В исследовании властных структур вообще и элиты в частности особое место занимают качественные методы исследования. Несмотря на огромный потенциал качественных методов в исследовании властных структур, основные принципы данной исследовательской процедуры до сих пор не сформулированы. Но как показывает эмпирический опыт западных и российских элитологов, элита выступает в роли субъекта биографирования и посредством биографического материала происходит реконструкция прошлого и настоящего представителей элитного сообщества.

В процессе воспроизведения биографии элитной группы исследователь сталкивается, по меньшей мере, с несколькими разновидностями биографий субъекта исследователя. В первом случае имеет место сконструированная или ранее заданная для дальнейшего анализа биография, в которой в роли автора текста выступает представитель элитного сообщества и в которую могут проникать «случайные» факты из его жизни, искажаться либо осознанно

умалчиваться некоторые сведения. Второй тип биографий представлен тем материалом, который воссоздается непосредственно исследователем элитного сообщества из различных источников и может иметь прямое и/или косвенное отношение к предмету исследования. Многообразие источников при построении биографии элиты предъявляет серьезные требования к исследователю, который в этом случае выступает, по справедливому замечанию Е. Здравомысловой и А. Темкиной, в роли детектива, который «...должен увидеть то, чего не замечают другие и что содержит ключ к решению исследовательской задачи»¹.

В этой биографической работе главной задачей выступает воссоздание из отдельных, порой разрозненных и противоречивых жизненных сведений об элите относительно достоверной биографии. По своей сути эмпирические исследования на основе воспроизведения биографий элиты относятся к малоизученным областям не только в российской, но и западной элитологии, и потому представляют особый интерес для исследования².

О работе по созданию базы данных биографий элиты

На протяжении последних пяти лет в секторе социологии власти и гражданского общества Социологического института РАН проводится работа по формированию базы данных о региональных элитах в современной России. Основные этапы по созданию этой базы связаны с систематизацией и структурированием, последующей статистической обработкой формальных показателей, касающихся основных, жизненных периодов представителей региональной элиты (политической, экономической, административной, судебной). Полученные при обработке эмпирические данные позволили определить базовые социально-демографические характеристики, векторы карьерных и жизненных путей элиты, основные каналы рекрутования, содержательные элементы процесса внутриэлитного взаимодействия (формальный и неформальный аспект).

Кто в исследовательском проекте представляет региональную элиту? Согласно позиционному подходу, политический сегмент региональной элиты представлен депутатами региональных законодательных органов власти, депутатами Государственной Думы и представителями Совета Федерации от исследуемого региона. Экономическая элита – те, кто руководит крупнейшими (крупными) компаниями/предприятиями в регионе, входит в состав советов

¹ Здравомыслова Е., Темкина А. Анализ нарративного интервью: реконструкция биографической работы // Российский гендерный порядок: социологический подход: Коллективная монография / Под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. – СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2007. С.228.

² Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, грант 08-06-00460 «Судебная система в современной России: единство формального и неформального порядка».

директоров, правление компаний. Что касается административной элиты, то в нее вошли члены региональных правительств (высший уровень), руководители комитетов, главы администраций городов и районов.

На первом этапе сбора информации в поле зрения оказались два российских региона: г. Санкт-Петербург и Ленинградская область. Далее база данных была расширена за счет Калининградской и Ростовской областей и в количественном выражении составляет 833 (единицы/биографии). Почему были избраны эти российские регионы? При отборе этих четырех регионов вовлекалась комбинированная стратегия двух противоположных случаев – «наибольшего сходства» и «наибольшего различия». Случай Санкт-Петербурга и Ленинградской области рассматривается как макрорегион и является собой пример «наибольшего сходства» как по отношению друг к другу, так и в связи с рассмотрением случая Калининградской области. Ростовская же область представляет некий различный тип по отношению к Санкт-Петербургу/Ленинградской, Калининградской областям.

В случае выбора стратегии «наибольшего сходства» учитывалась, прежде всего, географическая близость таких регионов, как Санкт-Петербург, Ленинградская, Калининградская области (Северо-Западная часть РФ). Существенно похожими эти регионы оказываются по экономическим, социальным показателям: развитая промышленность, портовые зоны, высокая степень интеграции в международные процессы, рост ТНК, активное развитие финансовых рынков, преобладание городского над сельским населением, наличие большого количества пограничных территорий, активная миграция населения внутри регионов, относительный рост инвестиций. При этом учитывается, что в пределах этих трех регионов имеются различия, среди которых, пожалуй, самым важным оказывается «анклавность» территории Калининградской области.

Стратегия «наибольшего различия» в случае Ростовской области по отношению к Санкт-Петербургу, Ленинградской, Калининградской областям состоит одновременно в географической удаленности (южный регион РФ) и географической выгодности региона («ворота Северного Кавказа»), наличие весомой доли в социальной структуре региона сельского населения, ввиду сильной развитости сельского хозяйства и распространенности соответствующего типа поселения, высокой оседлости местного населения, наличие пограничных зон (края, республики области РФ, а также Украины). Кроме выше упомянутого, следует отметить также особый статус Ростовской области (столица Южного Федерального округа), который дополнительно повышает политическое, экономическое значение области. Обе стратегии не лишены недостатков ввиду того, что в пределах рассматриваемых регионов имеются как общие, так и особенные характеристики. Однако избранная комбинированная стратегия, совмещение случаев «наибольшего сходства» и «наибольшего различия»,

позволяет получить некоторые обобщения, которые важны при проведении сравнительного исследования.

Источниковедческая база исследования

Особый интерес в процессе создания базы данных представляют источники информации, на основе которых происходит реконструкция биографии элиты. Источниковедческая база по региональной элите достаточно дифференцирована и представлена следующими источниками: биографические справочники по типу «Кто есть кто», материалы региональных СМИ, официальные сайты органов власти, сайты экономических структур (корпораций) исследуемых регионов, официальные отчеты крупных компаний/предприятий. Что касается биографических сборников, то, по мнению экспертов, за последние годы претерпела изменение и «...типо-видовая структура биографических справочных изданий»³. Как отмечают исследователи, в современной России утвердился справочник коммуникационного типа «Кто есть кто», который реализуется на широком географическом материале (отдельные регионы, крупные города, небольшие населенные пункты)⁴.

Внутренний анализ источников позволяет отметить, что чаще всего объектами биографирования становятся политики, реже представители экономической и административной элиты, пожалуй, за исключением высшего сегмента. Что касается специальных биографических сборников, содержащих сведения об экономической элите, то ввиду «отсутствия» самого объекта исследования, еще до недавнего времени представители экономических институций не были предметом биографирования.

Чаще всего сведения об элите упоминаются в открытых, доступных источниках, и в этом случае исследователь сталкивается с жестко заданной матрицей биографии. Сведения, которые имеют место в этой матрице, отвечают формальным требованиям той институции, которую представляет субъект исследования. Однако не исключены случаи, когда в руках исследователя оказываются и автобиографические описания жизни региональной элиты. Иной исходный биографический материал получает тот исследователь, когда проводит глубинное интервью с целью реконструкции жизни субъекта исследования. В этом случае, как исследователь, так и субъект анализа, находясь в условиях все

³ Бекканова Н., Жабрева А., Сидоренко Н. К проблеме библиографирования биографий // Право на имя. Биографика 20 века. Эпоха и личность: рабочие исторического понимания. Пятые чтения памяти Вениамина Иоффе. 16–18 апреля 2007 года. Сборник докладов. С. 32.

⁴ Бекканова Н. Указ. соч. С. 32.

расширяющихся исследовательских возможностей, одновременно оказываются авторами ситуативной биографии элиты.

Последовательное выстраивание фактов из личной биографии элиты может происходить в ходе интервью на страницах региональных СМИ. Представители региональной элиты как повествователи собственной жизни в интервью чаще всего освещают те или иные аспекты профессиональной биографии. В таком случае, биография конструируется как: 1) биография «...человека, который «сделал себя сам» (по крайне мере, таким он себя представляет)», 2) биография как описание «цепочки ролевых образцов, соответствующих разным институциональным аффилиациям рассказчика»⁵.

Если попытаться определить жанр той биографии, которую получает исследователь после обработки большого/малого количества источников, то в первую очередь речь идет о сортировке тех сведений, которые касаются карьерных путей представителей региональной элиты. Реконструкция биографии элиты сводится к тому, что исследователь последовательно описывает жизненные ситуации, в которых респондент выступает в роли ребенка, ученика, студента, солдата армии, чиновника, политического деятеля, экономически активного агента и др. Возможности исследователя при реконструкции биографий региональной элиты ограничены общим исследовательским замыслом и сводимы к набору формальных индикаторов. Но даже в этой ситуации, вне зависимости от сегмента элиты, наиболее полно в профессиональных биографиях элита представляет собственный образовательный статус (наличие высшего образования, тип образования, ученые степени, опыт по повышению квалификации и др.), а также символический капитал (звания, награды, премии, изобретения и др.).

Прежде всего, обратим внимание на основные характеристики формирующейся базы данных о региональной элите в современной России. При создании матрицы базы данных авторы исходили из того, что она должна вместить в себя те индикаторы, которые непосредственно отразят основные, жизненные этапы исследуемого, как прошлое, так и настоящее. Осуществив сбор биографической информации, исследователь, в первую очередь, систематизирует полученную информацию. При этом, различается первичная и вторичная информация, которая, по нашему мнению, при проведении подобного рода исследований одинаково равнозначна, так как элита представляет собой относительно закрытую социальную общность. Первичная информация представлена теми сведениями, которые касаются основных, формальных социально-демографических характеристик респондента и по своей сути представляют достаточно подробное описание тех или иных фрагментов из жизни элиты. Следует отметить, что

⁵ Здравомыслова Е., Темкина А. Анализ нарративного интервью: реконструкция биографической работы // Российский гендерный порядок: социологический подход. Коллективная монография / Под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. – СПб., 2007. С.236–237.

наиболее проблемной зоной в блоке «первичная социализация» оказывается та часть биографической матрицы, в которой содержатся сведения о детстве, юношеских годах, службе в армии, семейном положении (в том числе и данные о родителях) респондента. Эта информация не отличается информационным насыщением, полнотой, достоверностью. При этом, в ходе сбора биографической информации, заметно, что наиболее подробно жизненные этапы описаны у представителей политической элиты регионов. Кроме того, биографии региональных политиков в ходе сбора биографического материала оказываются и наиболее доступными.

При систематизации данных, полученных из различных источников, исследователь неизбежно оказывается в такой ситуации, когда за границы матрицы попадают те биографические сведения, которые не поддаются строгой формализации и эмпирической обработке. Так называемая вторичная информация по своей сути представляет не строго структурированный материал и отражает как формальные, так и неформальные практики региональной элиты.

О возможностях биографии (опыт анализа биографических данных женской элиты российских регионов)

Теперь обратим внимание на результаты, которые были получены в ходе реализации исследовательского проекта. Один из сюжетов в исследовании региональной элиты в современной России был посвящен гендерной проблематике, но при этом отметим, что гендерный аспект процесса функционирования региональных элит не был предметом специального исследования, а исследовался нами в ходе анализа процесса функционирования региональных элит, политического, экономического, административного ее сегментов.

С точки зрения рассмотрения возможностей биографий региональной элиты, интересным видится то, какими ресурсами обладают женщины, которые представляют не только политическую, но и административную, экономическую элиту исследуемых регионов. В качестве ресурсов рассматривалось то, что дает возможность женщинам не только для вхождения/выхода из элитного социального сообщества, но и позволяет конвертировать имеющиеся ресурсы в различные институции с целью получения дивидентов на полученный капитал. Если возраст и показатели трудоспособности женщин анализировались как некий физиологический ресурс (в типологии Тихоновой Н.Е.), то квалификационный ресурс представлен образованием, навыками, которые достаточно жестко

коррелируются с общим уровнем жизни и тем, каким объемом экономического капитала обладают представители исследуемой общности⁶.

При исследовании региональной элиты мы обратили внимание на культурные и социальные ресурсы, которые измерялись посредством рассмотрения процесса социализации, стиля жизни, наличия либо отсутствия устойчивых/временных сетей, социальных связей. Имеющиеся описательные эмпирические данные позволили отразить некоторые существенные элементы процесса социализации женского сегмента региональной элиты, а именно какова роль родительского статуса в процессе социализации, в каких городах родились и выросли представительницы женской элиты, какой образовательный уровень их родителей.

Далее мы рассматривали так называемый квалификационный ресурс региональной элиты, среди важных составляющих которого оказалось образование, навыки. Интерес представляют общие распределения внутри региональных элит по типу образования в связи с половой структурой, а также данные о наличии/отсутствии научной степени, которая является индикатором объема квалификационного ресурса исследуемых, о связи возраста и времени повышения образовательного статуса. Не меньший интерес при воссоздании биографии женской элиты представляют полученные данные о таком важном показателе, как наличие/отсутствие номенклатурного опыта, сведения об институциях, где приобретался номенклатурный опыт.

Если же рассматривать биографию женской элиты в институциональном разрезе (политическая, административная, экономическая сферы), то эмпирические данные позволили определить гендерную структуру четырех региональных парламентов, объективные/субъективные возможности женской элиты по вхождению в политическую элиту исследуемых регионов. Интерес для нашего исследования представляют также те биографические данные, которые позволили определить: уровень представленности женщин в административном секторе, гендерно-профессиональную структуру исполнительной власти, каналы и практики рекрутования, особенности социально-профессиональной иерархии в региональных администрациях.

В биографии региональной элиты особое место принадлежит вопросу о гендерном измерении экономической элиты. Обращение к эмпирическим данным позволило определить уровень представленности женщин в экономической эlite регионов, выявить основные характеристики социально-половой структуры региональной экономической элиты. Кроме того, полученные данные позволили обозначить типично женские отрасли, в которых женщинам удается занять руководящие посты, определить роль ряда важных факторов в процессе

⁶ Тихонова Н.Е. Социальная стратификация российского общества: ресурсный подход //http://www.hse.educente/20060406_tihonova.doc, доступно 6 Апреля 2007 г.

социального продвижения женщин на руководящие посты в различных региональных институциях (возраст женщин, наличие/отсутствие номенклатурного опыта, образовательный уровень, уровень квалификации, место рождения).

Таким образом, биографический материал с точки зрения исследования элиты вообще и региональной элиты в частности является одним из главных и иногда оказывается единственным возможным эмпирическим источником для социального измерения и понимания происходящего. Однако следует отметить, как и любая иная исследовательская стратегия, биографический метод в изучении элитного сообщества имеет свои недостатки и ограничения.

Юлия Крашенинникова

Семейный архив: специфика составления биографии.

На примере семейного архива
Крашенинниковых

Юлия КРАШЕНИННИКОВА

Институт языка, литературы и истории
Коми НЦ УрО РАН, г. Сыктывкар

Биография — жизнеописание, «воссоздаёт историю жизни человека в связи с общественной действительностью, культурой и бытом его эпохи»¹. Составление описания жизни персонажа зависит от множества факторов, в числе которых полнота и разнообразие источников, тщательность при фиксации материалов, степень публичности человека, использование всевозможных контекстов (исторического, литературного и проч.) и др.². В этом отношении составить биографию предка (« рядового человека ») на первый взгляд представляется задачей более легкой, поскольку большинство документов (письменные документы официального и личного характера, устные нарративы, записанные от членов семьи и представителей ближнего

krasheninnikova@rambler.ru

¹ Большая советская энциклопедия. Изд-е 3-е. М., 1970. Т. 3. С. 333.

² Рейтблат А.И. Что не попадает в биографию? // Право на имя. Биографика 20 века. Эпоха и личность: ракурсы исторического понимания. Сборник докладов Пятых чтений памяти В.Иоффе (16–18 апреля 2007 г.). – СПб., 2007. С. 3–11.

и дальнего окружения интересующего персонажа, фотографический фонд) сосредоточено в семейном архиве, хранится в семейной «памяти». С другой стороны, исторические события, семейные коллизии в контексте этих событий, степень ответственности потомков за «семейное наследие» и наличие установки на сбережение памяти о предках³ – эти и другие факторы оказывают влияние на составление насыщенного не только официальными датами, но и эмоциональными наблюдениями жизнеописания.

Наши наблюдения основаны на материалах, которые собирались и хранятся в домашнем архиве семьи Крашенинниковых, проживающих в поселке Водный (бывш. Водный промысел⁴) Ухтинского района Республики Коми. Документы связаны с Михаилом Дмитриевичем Крашенинниковым (1898–1953) – начальником ремонтно-монтажного отдела 1 Московской городской электростанции, осужденным в 1933 г. с последующим поражением в праках, главным инженером Водного промысла, лауреатом Сталинской премии (1947), реабилитированным в 1991 г.

Анализируя имеющиеся материалы, мы задавались вопросом: возможно ли составить биографию предка на основании тех документов, которые хранятся в семейном архиве, не «выходя за рамки» семейного круга? Какие факторы влияют на удержание или исчезновение информации из семейной памяти? Какие факты биографии имеют большое значение для потомков, какие продуктируют возникновение интереса к истории своей семьи? Можно ли на основании имеющихся материалов понять, каков был биографируемый человек в частной жизни, есть ли возможность составления его портретной характеристики (черты характера, ценностные установки и проч.), если из знативших и общавшихся с ним людей практически никого не осталось в живых?

Архив достаточно объемный, содержит разные типы источников (официальные, личные, письменные, устные и пр.). Самая большая по объему – группа официальных документов, написанных «языком власти» (справки, обвинительное заключение, многочисленные анкеты арестованного, анкеты сотрудника предприятия и пр.)⁵. Эти документы безэмоциональны, содержат краткую

³ Об этих условиях при сохранении «историй жизни», «семейных хроник» см.: Алексеев А.Н. Биографический дискурс: акт общения, отображение реальности и изъявление себя (заметки об «эстафете памяти») // Право на имя. Биографика 20 века. Эпоха и личность: ракурсы исторического понимания. Сборник докладов Пятых чтений памяти В.Иофе (16–18 апреля 2007 г.). – СПб., 2007. С. 198–200.

⁴ Водный промысел – завод, расположенный на месте нынешнего поселка Водный и работавший с 1931 по 1956 г., продукция которого был радио. До начала 1990-х гг. информация об этом уникальном предприятии, на котором радио выделяли из подземных минерализованных вод, была засекречена. В последние годы написан ряд работ о Водном промысле: Евсеева Т.И., Таскаев А.И., Кичигин А.И. Водный промысел. – Сыктывкар, 2000; Таскаев А.И., Кичигин А.И. Водный промысел: производство радио в Республике Коми / Научные доклады Коми ЦУР О РАН. Вып. 452. – Сыктывкар, 2002; Кичигин А.И., Таскаев А.И. «Водный промысел»: история производства радио в Республике Коми (1931–1956 гг.) // <http://vivoco.sci.ru/VV/JOURNAL/VIET/NORD/RADIUM.HTM> и др.

⁵ Эти документы попали в домашний архив после закрытия Водного промысла.

официальную информацию об интересующем нас персонаже. Вторую группу составили документы личного характера (письма, воспоминания, дневниковые записи), они дают представление о самых разнообразных сторонах жизни персонажа (имущественное положение, состояние здоровья, круг общения, предпочтения, черты характера и пр.), сведения о семейных коллизиях. Третья группа – устные рассказы, записанные автором, распределяются по степени приближенности к главному участнику событий (ближний круг – семья, ближнее окружение, дальний круг – знакомые, коллеги, соседи и пр.). Весьма объемен фотографический фонд, ранняя граница которого приходится на 1880-е. В формировании архива можно выделить два периода: первая значительная часть собрана сыном, в нее вошли официальные документы, публикации, которые касались биографируемого человека и производства, организованного на Водном промысле⁶, фотоархив, личная переписка. Вторая часть архива начала формироваться в середине 1990-х годов нами⁷.

На основании официальных документов мы смогли составить краткую биографическую справку, в которой представлены «социально важные и социально обусловленные аспекты жизни»⁸: обучение, профессиональная деятельность; из личных качеств подчеркиваются те, которые показывают «квалифицированного работника» – инициативного, смелого в принятии профессиональных решений, грамотного специалиста. Другими словами, мы получили набор дат и фактов, выстроенный в хронологической последовательности, и характеристику работника предприятия. Ранний этап (до ареста) документами практически не представлен, за исключением выписки из метрических книг, нескольких строк в автобиографии, семейных фотографий (большинство из которых, к сожалению, не атрибутировано); поэтому он восстанавливается на основании анкет заключенного.

Крашенинников Михаил Дмитриевич (7 февраля 1898, с. Новое Богоявленской вол. Владимирской губернии, ныне Владимирский район Владимирской области – 11 октября 1953, п. Водный Коми АССР), русский, из крестьян. Отец – Дмитрий Яковлевич, строительный десятник, мать – Евдокия Васильевна, домохозяйка, имел 5 младших братьев и сестер. С 1907 г. после приглашения отца на строительство 1-й Московской электростанции семья переехала в Москву. В 1915 г. – практиканант, с 1917 г. – техник по постройке линий

⁶ Например, личное дело сотрудника промысла, справки, выписки из метрических книг, грамоты, документы о наградах, ходатайствах о реабилитации (1957–1961), личная переписка, публикации, касающиеся производства на Водном промысле и отдельных сотрудников, официальный стенографический отчет Специального присутствия Верховного Суда СССР о «Дело о вредительстве на электротехнических станциях в СССР» (М., 1933), журнал «Огонек» от 3.08.1947 со списком и фотографиями лауреатов Сталинской премии за 1947) и мн. др.

⁷ Личное дело заключенного, копии документов из Центрального архива ФСБ, публикации 2000–2006 годов о Водном промысле, устные рассказы очленах семьи и др.

⁸ Рейтблат А.И. Указ. соч. С 5.

электропередач на 1-й Московской электростанции, в 1920–1925 гг. учился в Московском высшем техническом училище (МВТУ) и по совместительству работал электромонтером, с 1925 г. работал на 1-й Московской государственной электростанции им. Г. Смидовича начальником ремонтно-монтажного цеха. Арестован 12 марта 1933 г. В 1933–1936 гг. в заключении в Ухто-Печорском лагере, в рабочем поселке Ухта, досрочно освобожден 1 сентября 1936 г. (по другим данным – 7 или 8 сентября). Остался работать по вольному найму на Водном промысле. Исполнял обязанности начальника энерго-механической колонны Водного промысла Ухто-Ижемского исправительно-трудового лагеря НКВД (1936–1937), начальника энерго-механического отделения этого же лагеря, с июня 1938 г. – главный инженер Водного промысла. В 1944 г. исполнял обязанности начальника и по совместительству главного инженера Водного промысла. С февраля 1946 г. по 1953 г. – главный инженер ОЛП № 10.

Неоднократно был награжден грамотами, правительственные наградами, денежными премиями. Из правительенных наград: в 1943 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР за освоение Печорского угольного бассейна награжден Орденом «Знак Почета», в 1946 г. – медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», в 1947 г. вместе с Ф. А. Тороповым получил Сталинскую премию 2-й ст. за разработку нового метода получения химического продукта. Судимость снята решением Президиума Верховного Совета СССР 14 апреля 1944 г.

В характеристике 1943 года, хранящейся в личном деле и подписанной начальником Управления Ухтизмлага НКВД комиссаром госбезопасности С. Бурдаковым, отмечено, что тов. М. Д. Крашенинников «высококвалифицированный инженер с широким кругозором, большими организаторскими способностями. В 1936–1942 гг. под его руководством построены и расширены дизельные станции промысла и освоено крупное компрессорное хозяйство для добычи воды, что обеспечило быстрое развитие производства с выпуском продукции в три с лишним раза более по сравнению с 1936 г. Добыча радиоактивной воды за это время поднялась почти в два раза».

Обладая разносторонними инженерными знаниями, обеспечил освоение глубокого вращательного бурения, постройку нового завода концентратов, двух компрессорных станций, воздухо- и водопроводов и электросети в несколько десятков километров. В этой работе проявил инициативу и смелость инженера и внес многочисленные рационализаторские предложения. В личной своей работе является примером исключительной работоспособности. По инициативе тов. Крашенинникова на промысле ведется успешное бурение на газ, что дало возможность сэкономить значительное количество мазутного топлива в котельных. Промысел добился по эксплуатации высоких технических и технологических показателей, обусловивших в основном снижение себестоимости продукции».

Некоторые сведения, позволяющие дополнить «портрет» биографируемого человека, обнаруживаются в официальных документах, которые были написаны самими участниками событий и их родственниками: автобиографиях, заявлениях, ходатайствах и пр. Так, в заявлениях, написанных в период 1957–1961 гг. женой М.Д. Крашенинникова и адресованных в военную прокуратуру, упомянутое в официальных документах одно из важных событий жизни семьи – арест и «спровоцировавшие» его события – подробно проанализировано, получило оценку «изнутри», портретная характеристика интересующего нас человека и его ближнего окружения получила дополнительные детали. В этих документах содержится просьба о снятии обвинения с М.Д. как врага народа, приводятся факты в пользу его невиновности, которые были получены обеими женщинами из личных бесед с М.Д. и другими участниками процесса⁹.

Одним из сюжетообразующих мотивов этих ходатайств является мотив принуждения к признанию во вредительстве «в интересах Родины»: «...в процессе следствия пугали тем, что если не будет поддерживать навязанную ему версию, то ему будет хуже» (жалоба жены, К.И. Крашенинниковой, в Генеральную прокуратуру СССР от 12.06.1959); «В 1934 г. во время свидания в лагере он (М.Д. – Ю.К.) подтвердил, что Вышинский уговаривал и ссылался на необходимость таких показаний (признаний во вредительстве – Ю.К.) в интересах Родины <...> показания были даны по требованию следственных органов» (заявление жены в Военную прокуратуру СССР от 16.02.1961); «Из отрывочных высказываний вырисовывалась картина допросов с заранее заготовленными протоколами и длительными уговорами о необходимости принести себя «в жертву на благо Родины». Особое давление и инструктаж перед процессом производил прокурор Вышинский» (заявление жены секретарю ЦК КПСС А.Н. Шелепину от 18.11.1961). Жена брата М.Д., Л.А. Крашенинникова, также отмечает: «В августе 1953 г., когда М.Д. был в отпуске в Москве, он рассказал о событиях, связанных с арестом: «круглосуточные допросы». Вышинский в течение двух недель ежедневно на допросах требовал, чтобы М.Д. взял на себя роль вредителя, хотя следственные органы знают, что он невиновен» (заявление в Военную прокуратуру СССР от 8.03.1961).

В текстах ходатайств выделяется несколько устойчивых констант изложения: эпизод свидания с женой в Бутырской тюрьме и ответная реплика М.Д. «так было нужно, никогда больше не спрашивай об этом» на вопрос, чем были вызваны признания. Эта реплика настойчиво повторяется во всех заявлениях,

⁹ Сопоставление этих документов с официальнымstenографическим отчетом Специального присутствия Верховного Суда СССР о «Дело о вредительстве на электрических станциях в СССР», выпуск о заседаниях 14–15 апреля 1933 (М., 1933, по-другому называлось «Дело групп советских инженеров и служащих английской фирмы «Метрополитен-Виккерс»), материалами многотомного дела о вредительстве на электрических сетях чрезвычайно показательно в рамках проблемы функционирования судебной системы того времени.

написанных в период с 1957 по 1961 год. Эпизод посещения в 1929 г. ресторана вместе с английским инженером, приглашенным на электростанцию для наладки оборудования (этот случай явился поводом для ареста), описывают обе женщины, причем Л.А. более фактографична, рассказывает о событии без эмоций, передавая факты, полученные от М.Д. Жена, напротив, будучи непосредственным участником событий, эмоциональна; описывая этот эпизод, говорит о «предчувствии испорченной жизни». Это событие по истечении почти 30 лет в ее интерпретации и изложении приобретает экспрессивную окраску, высвечивает детали, которые были неизвестны тем, кто не принимал участия в событии (пролитый на платье соус, несколько звонков М.Д. с просьбой прийти в ресторан). Так на первый план выступает мотив «сбывшегося недоброго предчувствия». Устойчив мотив «личных и профессиональных качеств М.Д.», обе женщины говорят о «честности», «преданности Родине», «полной отдаче на работе», «ценности как сотрудника», «порядочности», «принципиальности», т.е. характеризуя морально-профессиональные качества, вторят официальным документам. Выделяется одна цитата Л.А., в которой М.Д. наделен «домашними» характеристиками, которые, как нам кажется, не свойственны подобного рода документам: «он всегда ходил с высоко поднятой головой <...> Он был чист перед своей совестью, он и в жизни был самим собой, очень тверд, совершенно не материалист, очень добрый, всем родным всегда помогал, так что вся прожитая им жизнь говорит о безусловной его невиновности» (заявление в Военную прокуратуру ССР от 8.03.1961). Еще одной «общей» точкой изложения, по сути самой трагичной, является мотив «разрушения семьи», «замалчивания трагического опыта семьи»: «после осуждения в семье Крашенинниковых был объявлен закон не говорить о процессе и об осуждении старшего сына. Закон не нарушился в течение 20 лет. <...> Трагический случай с Мих[аилом] Дм[итриевичем] по существу загубил всю семью. Мать разбил паралич, и через три года в 1936 году она умерла. Отец вынужден был после процесса уйти на пенсию и, проболев в бездействии, умер в 1940 году. В 1947 году умерли скоропостижно брат и сестра, в 1953 г. – М.Д., 1958 г. – Александр Дмитриевич (братья М.Д. – Ю.К.), и семьи не стало» (там же).

Документы личного характера (письма, воспоминания) содержат сведения об участниках событий, окружении, обстановке, личностных качествах, проблемах жителей Водного промысла, ценностных ориентациях, мотивациях, представлениях адресантов. Непосредственность в изложении отдельных событий, повышенная («домашняя») информативность, не свойственные официальным письменным документам, подчеркнуто домашняя, искренняя тональность придают этим свидетельствам особую ценность. Между тем, сквозь призму личных семейных документов высвечиваются отдельные факты истории промысла и жизни людей в 1950-е гг.

Писем немного, датированы они декабрем 1951 – декабрем 1952 г., это письма М.Д., адресованные жене: два письма из Водного промысла, одно из Котласа, четыре письма из Кисловодска.

Темы и обсуждаемые сюжеты разнообразны: обеспечение промысла продуктами и промышленными товарами, самочувствие, отношение к сыну и жене, взаимоотношения с родственниками, быт семей промысла, настроения, привязанности, стремления, дружеские и служебные связи, театральные и литературные предпочтения, материальное положение, состояние железнодорожного транспорта, функционирование и оснащение санатория ВЦСПС №15 в Кисловодске. Приведем ряд любопытных выдержек, в которых репрезентируются и обсуждаются факты социальной, культурной истории промысла. Из упоминания о местном театре мы узнаем, что не только профессиональные актеры, музыканты, но и сотрудники промысла, их дети принимали активное участие в постановках¹⁰. В целом ряде фрагментов затрагивается тема снабжения промысла: так, в письме от 29.09.1952 пишет жене в Москву, что на промысле «у нас уже продают яблоки, арбузы, виноград»; в письме от 11.01.1952 отмечает, что отправил из Кисловодска посылку с 14 кг муки, из Ленинграда – чугунные сковороды, шоколад, печенье, елочные игрушки, книги, рыбные консервы, ткань (от 11.01.1952). Обращается к жене с просьбой привезти из Москвы на Водный продукты, лекарства: «Привези с собой или организуй посылку с ванильными сухарями, сушкой, печеньем. Здесь этого ничего нет. Сахар бывает. <...> Поставлю рецепт, если можно, то достань это лекарство, по возможности порции 3–4. <...> Привези также лекарство, которое присыпала Б., его очень все хвалят – многие спаслись от дизентерии. Привези также хвойных лепешек для ванн, термометр для ванн (в деревянной оправе), горчичники готовые, термометр комнатный» (письмо от 29.09.1952). Описывает заготовительный сезон 1952 года: «Заготовки ягод здесь мы провели. Заготовлено: две бутыли 3-х литровые со специальным маринадом брусники, 1 бутыль, кажется, 13 литровая брусники, залитую в специально приготовленной воде, большую бутыль клюквы. Сделали по несколько бутылок сладкого пюре из голубики, черники, брусники. Сделали маленький пакетик сущеной брусники и сварили несколько литров (каждого сорта по 1 литру) варенья из земляники, малины, жимолости – получилось горьковатое, черники и голубики. Черной смородины найти не могли. Нашли и высушили штук 25 белых хороших грибов. Заготовили соленых огурцов. Капусту еще не солили. Картошку собрали. Вот наш творческий хозяйствственный отчет» (письмо от 29.09.1952).

¹⁰ О театре пос. Водный (репертуар, режиссеры, музыканты, профессиональный и любительский состав театральной группы) К.И. Крашенинниковой были написаны воспоминания, опубликованы см.: Крашенинникова Ю.А. Неизвестные страницы истории самодеятельного театра пос. Водный (из воспоминаний К.И. Крашенинниковой) // III Савинские чтения. Материалы республиканской конференции. – Сыктывкар, 2005. С 94–101.

В письмах 1952 года прослеживается наступление болезни; ухудшение физического состояния отражается и на настроении: «Скучаю я ужасно, чувствую полное одиночество. Нигде не бываю, в кино бываю редко. Много читаю и рано засыпаю. Зато очень рано встаю. Все ужасно надоело. Радости не ощущаю» (от 16.09.1952), «У нас все время лют дожди, холодно. Березы желтеют. Скучно» (там же) и др. Читательские предпочтения М.Д. связаны с творчеством и письмами А.П.Чехова.

Некоторые путевые зарисовки несут в себе отпечаток эпохи, «дух» эпохи, вместе с тем демонстрируют хороший эпистолярный стиль автора писем.

Третья группа источников – устные рассказы о М.Д. Крашенинникове, которые распределяются по степени приближенности рассказчиков к главному участнику событий. К сожалению, корпус этих текстов невелик, и вряд ли он может значительно увеличиться, поскольку круг знакомых, родственников существенно сузился. Серьезную роль сыграли наложение запрета на обсуждение темы ареста и ссылки, ослабление родственных связей и даже на какое-то время их прекращение. Вероятно, поэтому не фиксируются устные рассказы старшего поколения о предках, содержащие этиологические мотивы (откуда род, указание топографических и исторических координат родины предков и пр.¹¹). Искусственное ограничение сведений о «первопредках» стало причиной того, что «отправным» населенным пунктом в устных рассказах старших родственников «откуда семья М.Д.», является Москва, маркируется и время (конец 1920-х – 1930-е гг.); вероятно, этим можно объяснить практически отсутствие текстов о «той», доарестной, «прежней» жизни М.Д., сведений о его роде. Дефицит этих текстов компенсируется кругом рассказов о его жене, Клавдии Ивановне, ее детских годах, жизни в девичестве и первых годах замужества (устойчивые мотивы – «семья с хорошим достатком», «собственный дом в центре Москвы», «получение хорошего образования» и пр.). Эти тексты резко отличаются по тональности от тех, которые описывают годы жизни семьи на Водном промысле в 1940-е – 1960-е гг., особенно после смерти М.Д. (безденежье, безнадежность возвращения к прежней жизни, болезненное состояние К.И.), однако ярко высвечивают поступок жены, оставившей устроенный быт и поехавшей вслед за мужем. Тот факт, что невестка М.Д. не застала его в живых, а более плотно общалась со свекровью, сыграл существенную роль при «реконструкции» образов предков: младшие родственники мало говорят о деде, зато образ бабушки в семейных рассказах яркий (стиль одежды и общения, участие в постановках местного театра, хорошее образование, знание языков, умение играть на фортепиано, детские годы и мн. др.), многие ее изречения превратились в семейные цитаты, прагматика рассказов и лаконичных

¹¹ Об этих маркерах семейно-биографических повествований, см.: Разумова И.А. Потаенное знание современной русской семьи. – М., 2001. С. 188–190.

свидетельств о ней обширна (информационная, познавательная, ностальгическая, воспитательная, поучительная и пр.).

В устных рассказах практически полное отсутствие дат компенсируется сильной эмоциональной составляющей, иллюстративностью; здесь же нужно отметить и роль невербальных средств выразительности (жесты, интонации, расстановка смысловых акцентов при описании того или иного факта).

Тот небольшой круг текстов о М.Д., который попал в поле нашего зрения, распределяется на две группы: одни связаны с каким-то конкретным, чаще «кризисным» событием в жизни семьи (например, получение Сталинской премии; смерть и похороны М.Д.), другие объединяются эмоциональными переживаниями, вызванными воспоминаниями об эпизодах одного порядка (например, несколько лаконичных текстов, в которых реализуется мотив трепетного отношения М.Д. к сыну и жене, его организаторские и инженерные способности, которые проявились во время налаживания производства). Наблюдается ситуация, при которой информация устного рассказа «возвращается» из дальнего круга в ближний (к младшим родственникам), при этом участники событий приобретают т.н. «фольклоризованные» черты, а само событие мифологизируется. Так, например, в рассказе племянника о том, каким образом была потрачена полученная в 1947 году Сталинская премия, М.Д. предстает не просто непрактичным, не испытывающим интереса к материальным ценностям человеком (см. выше характеристику, данную ему женой брата), а настоящим расточителем; воспоминания о смерти М.Д. во время охоты, которые в рассказах отдельных жителей промысла приобретают трагически-загадочный оттенок, и проч.

Таким образом, составление связного, отражающего как можно больше сторон жизни предка, жизнеописания зависит от многих факторов, в числе которых качество и характер родственных связей, трансляция семейного опыта и непрерывность этого процесса, открытость в изображении семейных событий самого разного порядка, «замалчивание» фактов жизни персонажа, фактор случайности при получении информации, установка семейного коллектива на закрепление в памяти случившихся событий, мотивации представителей семейного коллектива при сохранении тех или иных событий. В нашем случае замалчивание фактов биографии деда, ослабление родственных контактов и, как следствие, прерывание трансляции семейного опыта сыграли отрицательную роль при составлении семейного хрониката и осмыслиении роли, образа персонажа в контексте истории всей семьи. Положительной мотивацией для «знакомства», «узнавания» младшими родственниками своего предка явилось чувство гордости за него, а также желание добиться реабилитации деда и обозначить его роль в истории радиевого промысла.

Нина Пономарева

Николай Васильевич Здобнов (1888–1942): Право на имя

Нина ПОНОМАРЕВА

кандидат педагогических наук,
Библиотека РАН

Николай Васильевич Здобнов – отечественный книговед, библиотековед, библиограф – как никто другой вписывается в тему данной конференции. Вступив в юности в партию эсеров (1905), он в 1919 г. был членом Всероссийского Учредительного собрания от Пермской губернии, где работал в комиссии по народному образованию. В 1918 г. он входил в состав Уфимской дирекции, где был заместителем управляющего ведомством народного просвещения, а позднее – членом президиума. В начале 1919 г. его мобилизовали в колчаковскую армию, в которой он числился в резерве, а с марта по июнь 1919 г. (до увольнения в отставку по болезни) служил нестроевым младшим офицером Курганского местного батальона. Приход частей Красной Армии застал Н.В. Здобнова в Томске. Он сразу же пришел в Губревком и заявил о прекращении какой-либо политической деятельности. Однако это не спасло Н.В. Здобнова от периодических «профилактических» арестов до конца

oian@rasl.nw.ru

его жизни – последний (четвертый) арест, последовавший в 1941, завершился в 1942 г. его гибелью.

Такой «послужной список», конечно же, не способствовал спокойной и благополучной жизни Николая Васильевича. В начале 1920-х годов он переехал в Москву, активно работал в Книжной палате, различных библиографических организациях, во Всесоюзной ассоциации сельскохозяйственной библиографии при Государственной библиотеке им. В.И. Ленина, а в последние годы жизни – в Московском библиотечном институте, готовил к защите диссертацию по истории русской библиографии. Однако, во всех начинаниях Н.В. Здобнова его так называемое «серовское прошлое» вызывало недоверие к его работе, приводило к ограничениям публикаций и прямой краже его трудов. Наиболее яркие и показательные примеры этого связаны с двумя крупнейшими работами Николая Васильевича: «Библиографией Дальневосточного края» и «Историей русской библиографии от древнейших времен до начала XX века».

«Библиография Дальневосточного края (ДВК)» – капитальный библиографический труд, которому Н.В. Здобнов отдал пять лет жизни, выполнялся во Всесоюзной ассоциации сельскохозяйственной библиографии при Государственной библиотеке им. В.И. Ленина по заданию Дальневосточного исполнкома. Библиографический указатель предполагал отражение материалов по всем направлениям развития дальневосточного региона с 1890 по 1931 год. Работа выполнялась большим коллективом сотрудников под руководством Н.В. Здобнова и при его непосредственном участии и финансировалась исполнкомом ДВК. Структура указателя предполагала издание 24 томов библиографического указателя и отдельного тома сводного указателя. Предполагалось, что издание будет выходить в свет в 1934–1935 гг.

Первые два тома действительно вышли в 1935 г., но фамилии Н.В. Здобнова, как руководителя работ и ответственного редактора в них не было. На титульном листе стояли фамилии совершенно других лиц (А.Н. Асаткина и В.А. Самойлова), мало участвовавших в работе над указателем, но имевших политическую благонадежность и вес. В хранящемся в Библиотеке Академии наук личном архиве Н.В. Здобнова имеются подлинники корректуры титульных листов этих томов, где указано: «Составлена под руководством Н.В. Здобнова. Под общей редакцией В.И. Невского, Н.В. Здобнова, В.А. Самойлова и Е.И. Чистякова¹», а также вышедший том «Библиографии ДВК» без его имени и с надписью рукой Н.В. Здобнова «Жулики!». Помимо двух вышедших томов было уже отредактировано десять томов, еще десять томов представляли собой подготовленные к машинописи картотеки (в интерпретации Н.В. Здобнова – картотека собрана, ведется ее составление, работа сдается по частям в переписку). К сожалению, судьба самого библиографического труда новоявленных

¹ Архив Н.В. Здобнова. Библиотека РАН. Ф. 1. Оп. 1. Ед хр 316. Л. 1.

ответственных редакторов не интересовала, поэтому, несмотря на все старания Н.В. Здобнова, подготовленные тома изданы не были, а местонахождение материалов к «Библиографии ДВК» в настоящий момент неизвестно².

Можно предположить, что материалы были переданы администрации ДВК, так как в архиве Библиотеки Российской академии наук имеется «Постановление № 240 Президиума Дальневосточного Краевого Исполнительного комитета Советов РК и КД», принятное 11 марта 1938 г. «О прекращении работ по составлению «Библиографии Дальневосточного края», в котором указывалось: «Прекратить работы по составлению Библиографии ДВК» и «...по окончании работ материалы сдать в Далькрайплан»³. Это может быть связано с тем, что в конце 1930-х гг. шла административно-территориальная реорганизация страны. Хабаровский край образовался 20 октября 1938 г. Именно тем, что в ходе реорганизации Дальневосточного края его администрации необходимо было отчитаться об израсходованных средствах, может объясняться решение о прекращении работ и возвращении всех материалов в Хабаровск.

Отдельные машинописные материалы были обнаружены в архивах Хабаровска и Томска, куда во время Великой Отечественной войны были эвакуированы хабаровские архивы⁴. Возможно, со временем более тщательное обследование хабаровских архивов позволит обнаружить новые машинописные материалы «Библиографии Дальневосточного края». К сожалению, подобной работы, отражающей публикации о дальневосточном регионе, до сих пор не предпринято. Обнаружение материалов по «Библиографии ДВК» позволило бы восстановить, а, может быть, и продолжить эту основательную и далеко небесполезную для специалистов работу.

Не менее сложна, хотя и в другом аспекте, судьба другой работы Н.В. Здобнова – монографии «История русской библиографии с древнейших времен до начала XX века» – первого капитального труда по истории этой области деятельности, сохранившего свое значение до настоящего времени. Монография была подготовлена как база для защиты кандидатской диссертации и в 1940 г. принята к изданию во Всесоюзной книжной палате. Однако начало Великой Отечественной войны и арест Н.В. Здобнова остановили подготовку монографии к изданию. После многочисленных обращений его жены Нины Ивановны Здобновой в различные инстанции, в 1944–1947 гг. вышло первое издание монографии. Н.В. Здобнов еще не был реабилитирован, и выход его работы оказался возможен,

² Подробнее см.: Пономарева Н.В. Судьба «Библиографии Дальневосточного края». Статья / Н.В. Пономарева // Мир библиогр. – 2001. №1. С.35–39; Материалы по «Библиографии Дальневосточного края» // Публикация А.Н. Масловой, Н.В. Пономаревой // Историко-библиогр. исслед.: сб. науч. трудов. Вып. 9. – СПб., 2002. С.181–203. Вступ. ст. с.181–185. Примеч.: с.200–203.

³ Архив БАН СССР. Оп. 3. Д. 64. Л. 175.

⁴ Маслова А.Н. О томах «Библиографии Дальневосточного края», хранящихся в Хабаровском архиве // Научные библиотеки Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск, 1970. С.204–205.

по всей видимости, на волне патриотического подъема, а также в связи с заступничеством А.А. Жданова, с которым Н.В. Здобнов был знаком в период работы А.А. Жданова в Шадринске – родном городе Н.В. Здобнова. Возможно, сыграло роль и то, что Н.В. Здобнова в 1942 г. уже не было в живых.

Второе и третье издания «Истории русской библиографии» вышли соответственно в 1951 и 1955 г. Однако, хотя при издании монографии имя автора сохранено, содержательно все три издания отличаются друг от друга, так как издавались разными издательствами и редактировались разными людьми. При этом все три издания не совпадают с рукописью «Истории русской библиографии», хранящейся в архиве Н.В. Здобнова⁵. В процессе редактирования, зачастую с самыми добрыми намерениями, редакторы всех трех изданий изменяли структуру работы, вносили материалы из черновиков и других работ Н.В. Здобнова, сокращали или переносили авторский текст. В итоге вышедшая в трех изданиях монография не соответствует авторской воле ее создателя⁶. Это легко устанавливается по рукописи Н.В. Здобнова и отредактированной автором машинописи первого тома монографии.

Так первое издание вышло в двух томах, а второе и третье – в одном томе. Структурно, все три издания имеют пять частей, у автора же монография состояла из четырех частей (XIX век он не делил на две части). В результате внесенных редакторами изменений монография уменьшилась на пять параграфов. Внесенные в текст изменения могут быть сгруппированы по следующим направлениям: 1. Внесение (или изъятие) цитат классиков марксизма и И.В. Сталина в соответствии с конъюнктурой. 2. Упрощение авторского текста по причине его «сложности» для широкой публики (например, абзац об «эмбриональном развитии библиографии» в § 1 Главы 1 или сокращение около трети текста в начале § 1 Главы 2). 3. Перестановка текста Н.В. Здобнова внутри глав и параграфов, а также включение соответствующих с точки зрения редакторов кусков текста из подготовительных материалов к монографии и опубликованных работ. 4. Исключение «сомнительных» мест, например, двух абзацев о еврейской литературе в § 2.5 «Цензурный террор и возникновение государственной библиографической регистрации».

⁵ Архив Н.В. Здобнова. Библиотека РАН. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр.42–74.

⁶ Пономарева Н.В. Особенности публикации «Истории русской библиографии» Н.В. Здобнова в 1940–1950-е гг. // Библиотечное дело – 2005: деятельность библиотек и развитие информационной культуры общества: материалы Междунар. науч. конф. (Москва, 20–22.04.2005). – М., 2005. С.139–140; Пономарева Н.В. «История русской библиографии» Н.В. Здобнова в контексте времени (публикации 40–50-х годов XX в.) // Информационные ресурсы региона. – Барнаул, 2005. С.28–34; Пономарева Н.В. «История русской библиографии» Н.В. Здобнова в публикациях 40–50-х годов // XX век. Две России – одна культура: 14-е Смирдин. чтения. сб. науч. трудов. – СПб., 2006. С.253–257; Пономарева Н.В. Публикации «Истории русской библиографии» Н.В. Здобнова в 1940–1950 гг. // Книга в России. Сб. 1. – М., 2006. С.216–222.

Даже такой небольшой перечень изменений, внесенных в структуру и текст «Истории русской библиографии...» свидетельствует о том, что вышедшая в трех изданиях монография очень далека от подлинника.

В настоящее время в Библиотеке Российской академии наук готовится к изданию подлинный текст «Истории русской библиографии» на основе рукописи и авторской машинописи Н.В. Здобнова⁷. Есть основания надеяться, что это, уже четвертое по счету, издание монографии Н.В. Здобнова станет первым подлинным, соответствующим авторской воле, изданием «Истории русской библиографии с древнейших времен до начала XX века» Н.В. Здобнова.

В связи с вышесказанным можно утверждать, что право на имя следует восстанавливать не только в случаях прямого использования материалов автора другими лицами, но и восстанавливая подлинные тексты уже опубликованных материалов.

⁷ Обаяние подлинности / В.П. Леонов, Н.М. Баженова, Н.К. Леликова, М.П. Лепехин // Вестник Российской академии наук. – 2005. Т.75. №1. С.51–55.

Дмитрий Смирнов

«Осознание видений» под натиском лишений:

Вальтер Беньямин в работе над «Пассажами» в 1934–1940 годах

Дмитрий СМИРНОВ

Ивановский Государственный университет

Первый опыт исследования Вальтером Беньямином парижских пассажей XIX века включал лишь короткое пребывание мыслителя во французской столице в 1927 году, после которого он вернулся в Берлин. В 1933 году Беньямин уехал из Германии навсегда и вскоре поселился в Париже. Он вновь приступил к исследованию парижских пассажей, но к данному моменту условия жизни и деятельности мыслителя значительно изменились. Беньямин мог больше времени уделять изучению материалов в Национальной библиотеке, однако при этом испытывал экономические трудности, поскольку не имел достаточных средств к существованию.

Письма Беньямина к друзьям и коллегам, наряду с подробным рассказом об исследованиях, изобилиуют в это время постоянными просьбами о материальной поддержке. В конце февраля 1934 года Беньямин писал Гретель Карплус: «Тем временем здесь становится все труднее. Теперь дошло до крайней нужды — дальше уже некуда. Последние четырнадцать дней — после того

d-smirnov@mail.ru

как снова была оплачена комната – были вереницей лишений». Тем не менее, мыслитель продолжал заниматься наукой, и, прежде всего историей, а проект изучения парижских пассажей стал к середине 1930-х годов для него главным. Он признавался в письме Карплус: «Работа над пассажами сейчас словно *tertius gaudens* между мной и судьбой¹». Кроме того, и другие его крупные работы этого времени, например, исследования, посвященные Шарлю Бодлеру, или статья «О понимании истории», методологически были связаны с изучением пассажей.

Гретель Карплус, владевшая в начале 1930-х годов небольшим производством кожаных перчаток, в середине десятилетия была лишь руководителем одной из подобных фирм. Тем не менее, она помогала Беньямину, за что он ей был чрезвычайно благодарен². Кроме поддержки Карплус и небольших гонораров, Беньямин мог надеяться в эмиграции только на поддержку Института социальных исследований, переместившегося в середине 1930-х годов в Нью-Йорк и руководимого Максом Хоркхаймером, который высоко оценивал работу Беньямина³. Но перспективы такой поддержки к концу 1930-х годов становились все более туманными, и Хоркхаймер признавался в одном из писем, что решение вопроса о ее регулярности зависит от положения фонда, созданного институтом, который сам находится в «очень серьезной научной ситуации»⁴.

Однако Вальтер обращался к Гретель не только за материальной поддержкой. Карплус была подругой, а впоследствии женой Теодора Адорно, во многом способствовавшего его сотрудничеству с Институтом социальных исследований. Беньямин часто обращался к нему с просьбой высказать мнение по поводу своих идей. В конце 1920-х годов Беньямин и Карплус познакомились именно благодаря Адорно, но основой их столь близкого общения в Берлине стали взгляды на искусство и политику: обе эти сферы общественной жизни в Германии того времени были тесно переплетены.

Когда Беньямин покинул Германию, Вальтер и Гретель, еще остававшаяся какое-то время в Берлине, выбрали себе вымышленные имена для переписки «Детлеф» и «Фелиция». Сначала это было связано с опасностью перлюстрации переписки, а затем вошло в привычку, став одной из особенностей их необычной формы общения. К тому же сыграли определенную роль и более доверительные отношения адресатов друг к другу, чем Беньямина и Адорно. В начале 1930-х годов для Вальтера, оказавшегося в одиночестве в чужой стране, такая

¹ Benjamin an Gretel Adorno, Ende Februar 1934 // GS. Band V S. 1099. Далее цитаты из произведений Вальтера Беньямина даны в тексте по собранию сочинений (Benjamin W. Gesammelte Schriften. 7 Bände. Frankfurt/M., 1974–1989) и приведены в соответствии с принятой в работах о нем сокращенной формой (Gesammelte Schriften – GS) с указанием тома и страницы.

² Benjamin an Gretel Adorno, 3.03.1934 // Ibid. S. 1100.

³ Max Horkheimer an Benjamin, 18.09.1935 // Ibid. S. 1143.

⁴ Horkheimer an Benjamin, 23.02.1939 // Ibid. S. 1168.

переписка была возможностью отгородиться от повседневных проблем. Ему было важно общение с Гретель как близким по духу человеком.

В течение 1934 года проблемы Беньямина, связанные с поиском источников доходов, становились все остree. «Последние возможности журналистской работы» в Германии он, по его собственному признанию, потерял летом. Впрочем, такое положение, как признавался Беньямин, позволяло ему — в качестве единственного постоянного занятия, а в перспективе источника дохода — сконцентрировать внимание именно на работе о пассажах⁵.

На наш взгляд, общий настрой к работе и ее условия объединяют отдельные письма и конкретные идеи, нашедшие отражение в материалах исследования. Можно сказать, что над рядом проблем Беньямин размышлял постоянно. Они стали ключевыми для него. При этом обстоятельства — не только постоянное «живое» наблюдение мыслителя за парижской жизнью, но именно чувства и эмоции человека, вынужденного оказавшегося в исключительной ситуации — сыграли в их развитии большую роль.

Важнейшее место в философских размышлениях Беньямина в 1930-е годы занимала методология истории, а именно механизмы познания прошлого. Изжившее себя, по его мнению, позитивистское представление об историческом прогрессе должно было быть исключено из инструментария исторического материалиста. Оно препятствовало не только познанию прежних эпох, поскольку они рассматривались как менее развитые по сравнению с нынешней, но не позволяло оценить возможности их влияния на современность, так как подразумевало, что, вступив в новую эпоху, человечество покидало минувшие безвозвратно. Познание истории было для него не созданием в настоящем опоры для движения вперед, но разрушением любых основ настоящего в процессе движения вглубь прошлого: «Для материалистического историка любая эпоха, которой он занимается, является только предысторией той, о которой он сам ведет речь. И потому для него нет в истории видимости повторения, так как в большинстве своем представленные ему моменты течения времени являются через их обозначение как "предыстории" моментами этой современности и изменяют свой собственный характер в их катастрофическом или победном определении»⁶.

Одним из инструментов познания прошлого для Беньямина стало понятие диалектического образа. Для исторического материалиста исторические эпохи раскрывались именно в диалектических образах. При анализе источников можно было увидеть, а затем необходимо было расшифровать значение этих образов: «В диалектическом образе минувшее определенной эпохи всегда одновременно "давнее минувшее". Но как таковое оно одновременно делает

⁵ Benjamin an Horkheimer, Oktober/November 1934 // Ibid. S. 1105.

⁶ Passagen-Werk // Ibid. S. 592.

очевидной только определенную эпоху: эпоху, в которой человечество, противя глаза, именно узнает этот образ видения как таковой. В этот момент историк воспринимает с ним задачу толкования видений»⁷.

Диалектичность подразумевала неоднозначность прошлого. Задача историка заключалась не только в том, чтобы согласиться с этим, но и подобрать необходимые механизмы, как к любому из предметов окружающей действительности. Диалектические образы были такими механизмами, и Беньямин утверждал, что их можно обнаружить в самых разных сферах общественной жизни: от политики до искусства.

Еще не обратившие на себя образы прошлого представлялись для Беньямина своеобразными видениями в общественном сознании. В конечном итоге историческое познание выступало для Беньямина пробуждением, понимавшимся им «как ступенчатый процесс, который проходит в жизни отдельного человека, как и поколения. Сон – его первичная стадия. Опыт юности каждого поколения имеет много общего с опытом видений. Их исторический облик – это облик видения»⁸. Для того, чтобы общество приступило к познанию прошлого, необходимо его собственное желание пробудиться, иначе говоря, освободиться от видений, с которыми вырастает каждое поколение, прежде чем начать постижение окружающего мира: «Любая современность определяется через те образы, которые синхронистичны с ней: любое настоящее время является настоящим временем определенной познаваемости. В нем со временем накапливается правда до момента разрыва. ...Взаимосвязь современности и прошлого чисто временная, взаимосвязь минувшего и настоящего является диалектической: не временной, но образной природы. Только диалектические образы являются подлинными историческими, тем самым не архаическими образами. Прочитанный образ, хочется сказать, образ в настоящем времени познаваемости, несет в высшей степени печать критического, опасного момента, который лежит в основе всего прочитанного»⁹.

Момент критичности в данном случае отражает не только отношение стремления к познанию собственно объекта познания, но и положение самого субъекта познания. Поколение или отдельный человек в момент пробуждения находятся в критическом состоянии, когда они начинают вновь ощущать и воспринимать реальность.

По сути, в таком же положении находился и Беньямин. Именно тяжелое материальное положение, давление социальной среды, политические события на родине и личные переживания способствовали тому, что он открыл свое сознание для пробуждения. Уже в 1934 году, переосмысливая сделанное ранее,

⁷ Ibid. S. 580

⁸ Ibid. S. 490.

⁹ Ibid. S. 578

мыслитель изложил свой взгляд на эту проблему в эссе «Автор как производитель». В этой работе еще не звучали мотивы исследования парижских пассажей, но она написана автором с пробудившимся сознанием.

Коллеги, понимая, какое значение имела для Беньямина научная деятельность в столь тяжелое время, всячески поддерживали его в этих начинаниях. Важна была оценка именно результатов деятельности мыслителя. Гретель Карплус выразила это так: «Меня больше всего волнует работа о пассажах... Я испытываю чудовищные опасения от того, что все же столь узкие рамки не позволят тебе написать то, что ждут твои настоящие друзья много лет, крупную философскую работу, которая создается только ради ее самой, не уступая ни чему, и ее значение должно стать тебе вознаграждением за очень многое в последние годы, Детлеф, это будет одинаково спасением не только тебя, но и твоей работы»¹⁰.

Именно работа давала Беньямину мужество сопротивляться обстоятельствам. В конечном итоге они стали для него не только физическим унижением, когда он голодал, но и духовным, когда он не видел перспектив для своей работы. Ведь Беньямин считал, что работает над серьезной научной темой, призванной открыть человеку путь к пониманию его прошлого. Однако бытовые проблемы не позволяли сконцентрироваться только на исследованиях: «В этой работе я вижу действительную, если не единственную причину, не терять мужества в борьбе за существование. Я могу ее писать — так много мне сегодня становится совершенно ясным вопреки огромной вложенной в нее массе изысканий — с первого до последнего слова только в Париже. Естественно, в первую очередь, по-немецки. Мой минимальный бюджет в Париже составляет тысячу франков в месяц... столько мне нужно какое-то время, чтобы можно было дальше работать. Трудности становятся и без того достаточно заметными. На мое трудное бытие часто заставляют обратить внимание сильные приступы мигрени»¹¹. Такое состояние пробуждения позволяло Беньямину задавать прямые вопросы. Он спрашивал, интересуется ли институт его исследованиями. На что Адорно ему отвечал, что работа интересна институту¹².

В середине октября 1935 года письмо Беньямина Хоркхаймеру выражало особенное отчаяние: «По сравнению с моими расходами на жизнь в апреле мой бюджет после возвращения в Париж исключительно ограничен. Так я живу сейчас у эмигранта как субквартирант. Кроме того, мне удалось, получить право на обед, предоставляемое французским интеллектуалам. Но, во-первых, это

¹⁰ Gretel Adorno an Benjamin, 28.05.1935 // GS. Band V. S. 1116.

¹¹ Benjamin an Theodor Adorno, 31.05.1935 // Ibid. S. 1118.

¹² Theodor Adorno an Benjamin, 08.06.1935 // Ibid. S. 1120.

разрешение временное, во-вторых, я могу им воспользоваться только в те дни, которые не провожу в библиотеке; так как столовая далеко от нее»¹³.

Однако именно в это время он продолжал работу особенно упорно. Летом исследование достигло своеобразного промежуточного финиша, когда мыслитель представил развернутый план работы о пассажах, названный «Париж, столица XIX столетия» и позже напечатанный. В качестве одного из выводов здесь было сказано: «Использование элементов видений при пробуждении – показательный случай диалектического мышления. Поэтому диалектическое мышление – орган исторического пробуждения. Каждая эпоха не только видит в видениях следующую эпоху, в видениях она еще и стремится к пробуждению. Она несет в себе свое окончание и развивает его – как уже заметил Гегель – хитростью»¹⁴. Ему самому это позволяло сохранить трезвость ума и критичность к происходившему вокруг.

Впрочем, даже после этого у близких друзей оставались вопросы о том, над чем именно он работал. Шолем выразил это таким образом: «В чем будет действительно содержание твоего труда, я еще никак не пойму, идет ли речь об историческом исследовании или о теории предметов невидимых сфер жизни? Или о продолжении тех линий рассуждений о сюрреализме, о которых ты хотел высказаться ранее, если я не ошибаюсь»¹⁵. Отвечая Шолему, Беньямин отметил: «Работа представляет как философское применение сюрреализма – и тем самым его раскрытие, так и попытку удержать образ истории в невидимых сосредоточениях бытия, так сказать в его отбросах»¹⁶.

Дискуссии, которые он вел с коллегами из Института социальных исследований по поводу тех или иных нюансов повествования о парижских пассажах – этой «диалектической феерии», как мыслитель первоначально хотел назвать свою работу – с трудом увязывались с реальностью ежедневных проблем, окружавших его. Самым острым критиком и внимательным читателем Беньямина стал в это время Адорно. Он не был согласен со многими его идеями, например, с представлением о диалектичности прошлого, с помощью которого мыслитель стремился упорядочить еще непонятое прошлое. По мнению Адорно, Беньямин чрезмерно увлекся толкованием фактов из сферы культуры – литературы или живописи. Оппонент Беньямина считал результаты подобных опытов неубедительными и не способствовавшими описанию общественных процессов, поскольку они препятствовали марксистскому материалистическому объяснению¹⁷. Коренную причину такого взгляда Беньямина на историческое

¹³ Benjamin an Horkheimer, 16.10.1935 // Ibid. S. 1149

¹⁴ Paris, die Hauptstadt des XIX. Jahrhunderts // Ibid. S. 59.

¹⁵ Gerschom Scholem an Benjamin, 28.06.1935 // Ibid. S. 1123.

¹⁶ Benjamin an Scholem, 09.08.1935 // Ibid. S. 1137.

¹⁷ Theodor Adorno an Benjamin, 06.11.1934 // Ibid. S. 1106.

познание Адорно видел в повышенном внимании к психоанализу и предостерегал его от поворота к психологической интерпретации прошлого, удалявшую его от марксизма.

В следующем письме Адорно еще жестче сформулировал свое несогласие с Беньямином. Он указал на то, что для ясного понимания «диалектического характера этих образов» «их нужно интерпретировать не “психически” в имманентном смысле, но объективным»¹⁸.

Спустя полгода Адорно высказался в отношении диалектического образа еще более обстоятельно. Объективная ключевая власть диалектического образа как «видения» могла быть «легитимирована лишь материалистически»¹⁹. Адорно полагал, что «диалектический образ как видение нужно было бы не переносить в сознание, но избавить диалектической конструкцией видение и понять имманентность сознания как констелляцию действительного». Он настаивал на том, чтобы Беньямин использовал понятие архаических образов, поскольку именно оно способствует пониманию буржуазного сознания: «Оно открыто критике со всех сторон: со стороны общественного процесса, гипостазируя там архаичные образы, где диалектические продуцируются через характер товара, только не в архаичном коллективном, но в буржуазно отчужденных индивидах... Коллективное сознание только выдумано вокруг настоящей объективности и ее коррелята, чтобы именно отвергнуть отчужденную субъективность»²⁰. Для него видения были субъективным моментом в диалектических образах, хотя он и не исключал их использование в качестве модели²¹.

Беньямин был с этим не согласен. Он равным образом обнаруживал влияние психологии на исторические события и значение роли самого историка, выражавшего стремление общества к познанию, в историческом исследовании. В архивных материалах Беньямина, относящихся к периоду работы о пассажах, присутствует упоминание о «микрокосмическом путешествии», которое совершает каждый человек во время сна. Благодаря видениям человек получает информацию о состоянии своего тела, о неблагоприятных процессах в нем: «Эту обостренную способность восприятия имеет окруженный видениями коллектив, который углубляется в пассажи как внутрь своего собственного тела. Ему должны мы следовать, чтобы растолковать 19 столетие как облик видений»²². Описывая в связи с этим психоаналитическую суть исторического исследования, Беньямин заметил: «Одна из безмолвных предпосылок психоанализа в том, что противопоставление сна и пробуждения и вообще эмпирических впечатлений

¹⁸ Theodor Adorno an Benjamin, 05.12.1934 // Ibid. 1108.

¹⁹ Theodor Adorno an Benjamin, 02.08.1935 // Ibid. 1128

²⁰ Ibid. S. 1129.

²¹ Theodor Adorno an Benjamin, 05.08.1935 // GS. Band V. S. 1136.

²² Passagen-Werk. Erste Notizen // Ibid. S. 1010.

сознания не имеет для человека значения, но смягчает бесконечную вариативность состояний сознания, которые определяются уровнем бодрствования всех духовных и физических центров. Этому непременно флюктуирующему состоянию между пробуждением и сном всегда на много частей разделяемого сознания, должно быть перенесено с индивидуума на коллектив. Сделать это, так очевидно для 19 столетия, чтобы дома являлись образами видений своего дремлющего в самой глубине слова»²³.

Беньямин называл подобный «новый диалектический метод истории» «искусством, испытывать современность как мир пробуждения, с которым в истине соотносится то видение, которое мы называем минувшим». Он указывал тем самым, что кроме мастерства исследователя, и общества в целом, которое познает свое прошлое, необходима значительная доля мужества, чтобы «пережить минувшее в воспоминании о видении»: «Воспоминание и пробуждение используются самым тесным образом. Пробуждение является диалектическим, коперниковым поворотом в припоминаемое»²⁴. Анализируя социальный интерес к определенному предмету, факту или событию прошлого, многое можно сказать об обществе: «Диалектический метод ведет речь о том, чтобы сделать справедливой конкретно-историческую ситуацию своего предмета. Но это недостаточно. Потому что в такой же мере он ведет речь о том, чтобы сделать справедливой конкретно-историческую ситуацию интереса к своему предмету. И эта ситуация всегда определяется в том, что интерес сам преформирует себя в любом предмете, но прежде всего в том, что он конкретизирует любой предмет в себе самом, чувствует переход из его бытия прежнего в высшую конкретику наущенного (пробужденного!) бытия»²⁵.

В последние годы жизни Беньямина к повседневным трудностям добавились и политические проблемы: началась II мировая война, и мыслитель находился под постоянной угрозой быть интернированным. К тому же его чрезвычайно угнетало происходившее в самой Германии: преследование несогласных, тревожные новости о близких, а также поведение тех, кто отказался от сопротивления режиму²⁶. Происходившее ясно отражало одно замечание, сделанное Беньямином в «мыслительных образах», относившихся еще к периоду кануна эмиграции: «События повседневья, затасканные фразы, осадок, который нас удерживает, пульс собственной крови – это делает прежде незаметное – переставляя и чрезмерно заостряя – материалом видений. В видении никакого удивления и в боли никакого забвения, так как обе уже несут в себе

²³ Ibid. S. 1012

²⁴ Passagen-Werk. S. 491.

²⁵ Ibid. S. 494.

²⁶ Benjamin an Gretel Adorno, 20.03.1939 // GS. Band V. S. 1172.

свое противоречие, как гребень или ложбина волны в штиль лежат рядом друг с другом»²⁷.

Современное действие было для Беньямина пространством возможностей освобождения от исторических видений. Осознание их реальности и влияния на мысли и поступки людей вело к тому, что человек строил свои планы на свободной основе. Но для того, чтобы понять чудовищность и опасность самых мощных видений, человеку необходимо было оказаться в столь же опасной для него ситуации: «Диалектическое проникновение и представление о прошлых взаимосвязях является пробой на истину для современного действия»²⁸. Для Беньямина такой ситуацией стал период его жизни в Париже, где в тяжелых условиях ему пришлось не только решать насущные проблемы, но и находить силы продолжать научную деятельность, отказываясь от подчинения реальности.

²⁷ Denkbilder // GS. Band IV. S. 408

²⁸ Passagen-Werk. Erste Notizen. S. 1027

Анна Желнина, Татьяна Баarendova, Александра Касаткина, Анастасия Рогова, Анна Клепикова

Большое событие как обряд перехода.

**Закрытие Европейского Университета
в биографии его слушателей:
«Мы» и внешний мир**

Анна ЖЕЛНИНА
Татьяна БАРАНДОВА
Александра КАСАТКИНА
Анастасия РОГОВА
Анна КЛЕПИКОВА

Европейский Университет
в Санкт-Петербурге

azhelnina@gmail.com

Анна Желнина. Трудности переходного периода

Мы выбрали для выступления довольно сложный формат с организационной точки зрения: коллективный. Однако для нас важно выступить и высказаться вместе: поскольку сейчас, спустя некоторое время после открытия ЕУ СПб, наш коллектив «защитников», сложившийся в ходе борьбы за Университет, переживает тяжелый период самоопределения в новых условиях.

Инициативная группа слушателей ЕУ СПб за несколько недель, в течение которых университет был закрыт, развила бурную деятельность — организовывала сбор подписей, отправку писем в различные инстанции, публичные, уличные акции в поддержку ЕУ. За то время, в которое мы не могли продолжать привычную для себя деятельность, мы пережили «период перехода», наподобие того, что переживает неоднократно любой человек в своей биографии. Скажем, выходящая замуж женщина: обряд подготовки невесты и собственно

свадьбы маркирует смену ее статуса. Она прекращает жизнь в старом статусе и рождается в новом, который показывается с помощью определенных действий и ритуалов. То же самое произошло и со слушателями ЕУ: в Университете ничто уже не сможет быть таким, как было до его закрытия. Это особенно важно для коллектива активных слушателей, для которых этот период перехода не закончился с открытием ЕУ – сейчас мы ищем способы, с помощью которых сможем свой новый статус понять и продемонстрировать.

Чтобы понять свой новый статус, мы проанализировали небольшие интервью, которые давали слушатели ЕУ СПб, когда университет был закрыт, а также несколько эссе-рефлексий участников Инициативной группы, попытавшихся резюмировать свой опыт.

Итак, мы пережили переходный, лиминарный период. Наша привычная среда обитания оказалась разрушена. Интересно, что до закрытия ЕУ СПб функционировал как замкнутый, закрытый мир, в котором комфортно «проживали» и вели свою научную деятельность пара сотен человек. Это ощущение закрытости и уютности передает цитата из интервью с Александрой Семикрас с факультета этнологии:

Когда я пришла, меня очень привлекла атмосфера, которая есть в Европейском Университете <...> И мы, когда заходили в университет, ну, по крайней мере я, у меня было такое ощущение, что я от другого мира закрывалась, и вот можно было быть в уютной для себя атмосфере, обстановке и заниматься тем, что тебе нравится. И мне, конечно, было очень хорошо, то, что очень плотный был график».

Это идиллическое существование прекратилось, когда двери аудиторий ЕУ опечатали. Мы оказались выброшены во внешний мир, который до сих пор был лишь объектом изучения для многих из нас. А теперь нам пришлось учиться существовать в этом мире не на правах исследователей, а на правах активных участников событий, которые эти события отчасти и создают сами. В этом мире нам пришлось искать свою позицию в спектре уже существующих в нем идеологических, политических и прочих групп интересов. Дистанцию сохранять оказалось практически невозможно. При этом, однако, на наших собраниях, на которых мы придумывали и обсуждали планы действий, присутствовали всегда люди с dictaphonами, блокнотами, видеокамерами, фотоаппаратами – профессиональные исследователи пытались, как могли, сохранить дистанцию по отношению к происходящему, вести себя привычным образом.

В этом внешнем мире оказался также и наш «враг» – та сила, которая напала и разрушила закрытый мир ЕУ. Во внешнем мире уже были те, кто пытался противостоять этому врагу – и по отношению к этим силам и группам нам также пришлось позиционироваться. Нашей конкретной целью было открытие ЕУ СПб,

то есть устранение несправедливого действия «врага», но были группы, которые были готовы бороться против него самого, попутно помогая нам. В этой сложной ситуации мы не стали принимать какую бы то ни было идеологию и подключаться к этим группам: мы продолжали эксплуатировать свой статус слушателей, которые хотят учиться.

Мы не выходили за рамки конкретного вопроса. Это связано с тем, что «мы» не были предоставлены сами себе, был еще Университет, который решал вопросы в «элитных переговорах». С этим связаны и некоторые сложности выхода из переходного периода: теперь, когда ЕУ открыли, эти группы интересов, с которыми нам оказалось «по пути», ждут от нас продолжения «революционного банкета» – однако мы, как целевая, а не идеологическая группа, не можем удовлетворить их ожидания. Группа слушателей ЕУ не стала их единомышленниками, у нас не было общей идеологии – была лишь общая цель. Мы не можем соответствовать их представлениям о нас и быть «против врага», и теперь они переосмысливают и переоценивают нас.

В то же время многим приходилось отвечать на серьезные личные вопросы – какое место занимал ЕУ в индивидуальной жизненной траектории каждого из нас и как вести себя, если его больше не будет. Жизненные траектории – а поступление в ЕУ действительно стало важным поворотным пунктом в жизни многих из нас, серьезным решением, особенно иногородних слушателей – оказались под угрозой поломки, все ожидаемые индивидуальные планы были разрушены, их пришлось пересматривать. О месте, которое Европейский занимает в биографии слушателей, на примере своей биографии расскажет Татьяна Барандова.

Татьяна Барандова. Поступление в ЕУ СПб как часть личной траектории

Перипетии складывания той или иной биографии и комплиментарности её с любого вида последующих биографий коллективных существенно зависят от контекстуального сопровождения жизни. В моменты «поломок» эти опыты вполне могут «со-уживаться» в ученике/це спецшколы, убежавшем/ей в 15 лет из дома (цит. В.Цоя вполне про меня), формируя «матрёшечность» идентичностей мотивирующих человека на определенные действия и поддерживая в борьбе или выживании.

Основной моей гипотезой является, что слушатели ЕУ СПб в той или иной степени маргиналы, это в итоге и обусловило его/её приход именно в этот университет и может быть обозначено как одна из фундаментальных основ для создания «коллективной» биографии. Это влияет на последующее конструирование идентичности слушателя ЕУ как «инакового» по отношению к «общепринятой» системе (образования, например), что не отрицается, а скорее рефлексируется

индивидуально слушателями и целенаправленно культивируется внутри профессорского состава. В любом случае – поступление в ЕУ САМО ПО СЕБЕ является чрезвычайным шагом в биографиях и замыкается на «индивидуальный жизненный план», конструируемый именно с учетом маргинальности исследовательских интересов, или маргинальности статуса ученого-гуманитария в современной России, или даже маргинальности собственного социального статуса и таким образом уже «замыкает траекторию предшествующего жизненного пути».

Так случилось, например, в моей личной биографии, цитатами из которой меня просили иллюстрировать свою часть нашего группового выступления.

Этот факт биографии случился в 2005 году и был проинтерпретирован/отрефлексирован как факт «заслуженно-выстраданной награды» потому, что в контексте разрушения и преследовавшего меня перманентного реформирования российской образовательной системы, начавшейся Горбачевским призывом «За реформу школы» с момента завершения мной 8 класса в 1987 году (выбросивший меня из элитной школы советского периода в вечернюю школу для работающей молодежи) и продолжающегося сейчас реформой ВАКов. Необходимость случайного соединения огромных личных моральных и организационных усилий для подкрепления жажды знаний, вкупе с исключительным везением, способствовали реализации «образовательной части моего жизненного плана».

Первый осознанный шаг к созданию персональной линии в будущей «коллективной биографии слушателей ЕУ» был сделан еще в 1996 году, когда в результате политической работы я включилась в сеть региональных исследователей «Института гуманитарно-политологических исследований» (ИГПИ) где работал В.Гельман, основоположник российской «политической регионалистики». В его мысли я «влюбилась с первого взгляда», настолько они соответствовали представлениям о происходящем. Мечта не просто учиться, а учиться у профессоров-единомышленников, мгновенно оформившись, потребовала десятилетия для её достижения, поскольку ЕУ СПб доступен только для послевузовского образования.

Таким образом, даже основным устремлением формального получения степени бакалавра с 1997 года в моей жизни было желание поступить на магистерскую программу в ЕУ СПб. Основа высшего юридического образования была, во-первых, очно-заочная (с новаторскими дистантными методами обучения), а во-вторых, платная. Сочетание социальной маргинальности с негибким форматом государственного послевузовского образования на осях системы координат моей жизни не умещалось, возможность посещать лекции ежедневно с утра до вечера у разведенной (одинокой) матери не существовала.

Параллельно продолжался процесс самообучения: мне повезло, в ИГПИ со мной практически работали в индивидуальном порядке. Неформальное образование в рамках третьего сектора в период 1998–2000 годов привносило из маргинального существования в общественный мэнстриминг множество

тематических инноваций. Термин «гендерное равенство» именно тогда плотно вошел в лексикон публичного пространства и моей жизни. А «правильные» гендерные исследования, отраженные в работах А.Темкиной и Е.Здравомысловой, взахлеб читаемые мной, тоже связаны именно с ЕУ. Второй уровень осознания «особости» обучения в ЕУ пришел в результате интеллектуального общения и обмена исследовательскими навыками со слушательницей ПНИС Н.Яргомской в рамках совместной стажировки на базе Института международной политики (Осло, 2000). Тогда же я более широко познакомилась и с работами Г.Голосова, человека, чья гражданская позиция (помимо блестящего знания предмета) восхищает.

В 2002 году я перебралась в Санкт-Петербург по стечению обстоятельств и зову ставшей «навязчивой» идеи обучения в ЕУ СПб (неясно, что было первичным). Подготовка к поступлению заняла еще три года по экономическим причинам.

Лишь в 2005 году, после восстановления английского языка и разрешения вопросов «проживания» в чужом городе, я принесла документы в учебную часть ЕУ СПб. «Поступали» мы вместе с сыном, и отчетливо помню, как отдав бумаги секретарю Учебной части Е.Гребневой и написав заявление, не веря происходящему, я (взрослая сложившаяся личность) в детском душевном порыве поделилась тем, что мечтала об этой минуте более 5 лет. Улыбнувшись, она ответила, что мечты обязательно должны сбываться. Пройдя вступительные испытания в день своего тридцатиреходия я была зачислена слушателем Европейского университета. В то мгновение произошло подтверждение для меня «судьбоносности» происходящего, поскольку «в нагрузку» и этот личный выбор осуществлялся на грани потери места работы при условииобретения места учёбы. Маргинальность внутри ЕУ сохранялась из-за разницы в возрасте и параллельной работы, не позволявшей социализироваться с сообществом ЕУ.

Вплетение нити личной биографии «отрефлексированного маргинала» в канву «коллективной биографии слушателей ЕУСПб» в моём случае действительно происходило в рамках развития процесса студенческого коллективного действия в защиту университета в феврале-марте 2008 года с той или иной степенью интенсивности осознания университета как «мэнстрима маргиналов» (что составляет его уникальность, на мой взгляд) и в поисках возможностей соединения с ним как институцией и как «коллективом». В процессе развития внешнего конфликта вокруг ЕУ СПб происходили интенсивные внутренние трансформации студенческого сообщества, реально превращавшие его в коллектив. Мобилизованные общей бедой, грозящей коренным образом перевернуть их жизненные планы, слушатели сумели перешагнуть индивидуальные рамки и создать «объединенный фронт», формируя параллельно и коллективную биографию (по крайней мере – актива) в процессе коллективного действия.

Александра Касаткина. Атомизация

Не знаю, насколько возможно всех слушателей ЕУ назвать маргиналами, но что верно, так это то, что до начала всей этой истории студенты жили в общем каждый своей жизнью: каждый пришел в ЕУ со своей целью, своими планами, многие учились параллельно в других местах. Сильным объединяющим фактором была, конечно, совместная напряженная учеба, она сплачивала людей внутри группы, особенно на 1 курсе, но не всегда она могла дать основу для складывания коллектива, группы, способной на коллективное действие. Но когда над ЕУ нависла угроза, многое изменилось, появилась одна общая для всех цель, вдруг оказавшаяся очень важной, — не допустить исчезновения ЕУ из нашей жизни. Многие вдруг обнаружили, что без ЕУ их планы на будущее едва ли реализуемы. Мы буквально заметили Европейский университет, он стал актуален для нас. Показательно, что участие в коллективном действии в поддержку университета приняли и те, кто параллельно учился где-то еще, и, казалось бы, имеет путь отступления.

Еще более заметным и актуальным стало преодоление обособленности на уровне факультетов. ЕУ состоит из 5 факультетов, и как-то так получилось, что все они достаточно замкнуты, живут каждый своей внутренней жизнью. Я могу говорить только за слушателей и проиллюстрировать хотела бы собственным примером. Даже закончив 1-й курс, то есть проучившись в университете год, я знала очень мало людей с других факультетов. Знала кое-кого из своих однокурсников, потому что некоторых из них видела на общих парах. Но так вышло, что ни на английском, ни на информатике я не пересекалась с ребятами с ПНИСа, и в итоге этот факультет оказался для меня закрыт в наибольшей степени. Ну а старшекурсники и вовсе для меня и, думаю, для многих моих однокурсников будто не существовали, потому что они гораздо реже появляются в университете, чем первокурсники. В нашей среде бродили мифы о других факультетах, мы почти не знали, о чём разговаривают люди в соседней аудитории, о чём пишут свои эссе и диссертации. В кампанию поддержки университета стали включаться слушатели разных факультетов, и я помню, что не переставала удивляться, сколько, оказывается, замечательных людей у нас в университете, и странно было, что больше года я ходила с ними по одним коридорам, но познакомилась только сейчас! Не могу сказать, что границы между факультетами были забыты, но разрушились стереотипы, вместо них появились живые люди.

Анастасия Рогова. Кризисная ситуация

Кризисная ситуация, о которой мы сейчас говорим, стала в первую очередь, общим делом, в процессе которого начало формироваться новое сообщество.

Это сообщество было вынужденное, стихийное, явившееся ответом на разрушение привычной системы. Но и оно, со своей стороны, если не разрушило, то отодвинуло на задний план все другие значимые для каждого из нас системы взаимоотношений. Таким образом, привычная для каждого из нас структура отношений с внешним миром претерпела значительные изменения. Для многих из нас именно в эти дни произошла (точнее, наверное, многократно усилилась) «идентификация» с ЕУ. В биографиях слушателей и без этих событий было много общего, но общее действие дало нам всем ощущение принадлежности к Коллективу, в эти дни мы не просто занимались одним и тем же делом (как до этого – посещением лекций и семинаров и написанием диссертации), но общим, совместным делом.

Не надо, наверное, переоценивать роль этих событий, так как тот факт, что часть слушателей активно включилась в борьбу, забыв о своих личных делах и проблемах, свидетельствует о том, что ЕУ и до этого был им не безразличен. К тому же, причины участия в этих действиях могли быть у всех самые разные. Тем не менее, это была кризисная, «пограничная» ситуация, которая актуализировала роль и место ЕУ в жизни слушателей, усилила его значение. Европейский университет стал еще более важным компонентом социальной/профессиональной идентичности слушателей (по крайней мере тех, кто принимал участие в этой кампании). И даже если через год-два мы уйдем отсюда и не сохраним тесных связей с ЕУ, его место в нашей жизни будет гораздо значительнее, чем было бы без этих событий. Мы сплотились, за это время качественно изменилось само понятие «мы». В тот день, когда отмечали открытие ЕУ, мне позвонил мой однокурсник и спросил, кто там есть из «наших». Я не сразу поняла его вопрос: там было много людей, не могла ведь я ему всех перечислить... И только через какое-то время я поняла смысл его вопроса: его интересовало, есть ли в ЕУ кто-то из наших однокурсников, ну или, на худой конец, кто-то из студентов нашего факультета. Подобное использование «мы» в тот момент не имело для меня смысла. В тот момент «мы» для меня были – все те люди, которые собрались вместе в здании на Гагаринской.

Мы также можем говорить, как мне кажется, о том, что изменилось не только восприятие коллег из ЕУ, по отношению к которым появилось особое чувство лояльности. Изменилось и восприятие более широкого «научного сообщества», острее стало ощущение принадлежности к тому, что принято называть «российской академической средой» и определение своего места в ней. За время этого конфликта неоднократно проводилась традиционная оппозиция между «мы» и «они», которая приобретала различное наполнение на разных этапах развития ситуации и с разных точек зрения: «учёные» против «членовников», одна часть научного сообщества против другой, ЕУ против всех остальных вузов России (нам неоднократно напоминали как то, что «мы» лучшие, так и то, что «мы» ничем не лучше других, а если посмотреть, сколько «нас», так и вообще непонятно, о чём шум)...

А ведь именно в ситуации противопоставления актуализируется идентичность. Нам так часто напоминали, что есть «мы», а есть «они», что «мы» не могли не стать «нами». Хотя бы на какое-то время.

Анна Клепикова. Кто «мы» такие?

Я довольно долго не могла принять окончательного решения — пробовать поступать мне в ЕУ или нет. Ведь здесь идёт речь не просто о сдаче экзаменов, а — во многом — о самоопределении, о выборе жизненного пути. И таким образом, закрытие ЕУ выглядело для меня как бы «знаком», неизвестно, правда, что именно означающим, или даже насмешкой. Меня как бы лишили права выбора, некие «силы» сделали выбор за меня. Поэтому я не могла не вступить в ряды «инициативной группы» и не стать одной из «мы».

Со времени нашей первой акции — возложения шланга — нам постоянно говорили: «Определитесь, кто вы такие». Далее предлагались разносторонние варианты в спектре от аутичных интеллектуалов до оранжевых активистов. «Кто вы? Созидатели науки или студенты, жаждущие протеста?». Эти вопросы нам задавали и те, кто позиционировал себя как нашего «идеологического союзника», и те, кого мы воспринимали как «вражескую» силу. Пожалуй, самой большой ценностью (и в то же время, возможно, самой большой проблемой для нас теперь) было то, что мы так никак себя и не определили. Ценностью, потому что среди нас были люди разные, — наверное, более ли менее равномерно распределённые по означеному спектру, — и мы при этом умудрялись договариваться, не создавая единой идеологии, не прописывая уставов, сохраняя за каждым право самоопределения. Умудрялись, потому что была общая цель — что-то дорогое, хрупкое, несправедливо отнятое, и ещё — общий «враг», это отнявший. Именно эти факторы удивительным образом объединили и заставили прислушиваться друг к другу всех этих разных людей с разными взглядами, характеристиками, опытом, некоторые из которых непосредственного отношения к ЕУ не имели. Возможно, из-за отсутствия этого самого «идеологического» единства мы иногда действовали неуверенно и с оглядкой, за что нас ругали другие, за что мы корили сами себя. Но теперь с очень разных сторон слышны одни похвалы: «Вы победили. Вы сделали всё грамотно и красиво. Вы молодцы».

Когда же, в свою очередь, нас спрашивали о наших целях, мы — как «мы», как единый организм — не знали, что ответить, и так до конца этот ответ и не сформулировали. Чего мы хотим? Фотографироваться на фоне Ломоносова? Заниматься саморекламой? Пощуметь? Тихо писать свои диссертации? Реформировать отечественное образование? Выполнять гражданскую миссию? Да, прежде всего мы хотели вернуться в открытый ЕУ. Но постепенно мы стали думать и о возможных иных, более широких задачах — потому что каждый из нас стал

переоценивать свои собственные понятия и представления, свои взгляды (на ту же ситуацию с образованием, на гражданское общество, на характер его диалога с властью и т.п.), и, наконец, пересматривать своё место – если не в жизни, то в этом обществе. Пожалуй, так или иначе эта трансформация затронула всех нас, и направила к какой-то новой самоидентификации. И в этом смысле, для каждого отдельного участника коллективный опыт оказался бесценным опытом личным. Лично для меня, помимо прочего, он помог окончательно и уверенно ответить «да» на вопрос – пробовать поступать мне в ЕУ или нет.

Однако, именно то, что это уникальное и удачное единение было лишено общей идеологии, что мы как «мы» так и не самоопределились, и смогли при этом действовать и добиться успеха, оборачивается тем, что «мы» сейчас мучительно ищем пути этого самоопределения.

Заключение

После открытия ЕУ СПб было бы очень обидно растерять сложившееся общество, состоящее не только из сплотившихся слушателей, но и представителей других вузов и организаций, которые оказались неравнодушны к закрытию ЕУ. Однако теперь довольно трудно найти основания для развития и укрепления единства – ведь цель достигнута, а общей идеологии нет. Поэтому сейчас мы активно ищем новые цели, новые способы поддержания коммуникации, маркирования своего нового статуса. Мы планируем создать в ЕУ Студсовет, сделать свой активистский опыт публичным.

Петр Базанов

Братья Солоневичи: Документы и легенды

(На основе коллекции В.В. Иофе НИЦ
«Мемориал»)

Петр Николаевич БАЗАНОВ

доктор исторических наук, профессор
Санкт-Петербургского государственного
университета культуры и искусств

Вениамин Викторович Иофе (1938–2002) известен как создатель и первый директор «Архива-библиотеки Санкт-Петербургского научно-информационного центра (НИЦ) «Мемориал», созданного в 1988 году при Санкт-Петербургском обществе «Мемориал» и официально зарегистрированного в 1991 году. Инженер по профессии, В.В. Иофе в 1964–1965 гг. являлся сотрудником нелегального общественно-политического журнала «Колокол», где писал о перспективах политической и производственной демократии в СССР. 12 июня 1965 г. был арестован по делу журнала и приговорен к трем годам лагеря строгого режима. После освобождения занимался историей политической оппозиции в СССР, редактировал реферативный журнал самиздата «Сумма» в 1979–1982 г., был постоянным автором исторических сборников «Память» (Москва–Париж, 1976–1982), публиковал документы и статьи о политическом подполье в СССР под псевдонимами С. Песков и С.Д. Рождественский. В 1991 году он создал НИЦ

bazanovpn@mail.ru

«Мемориал» с архивом, библиотекой, издательством, выпускавшим альманах «Вестник “Мемориала”»¹. Основой для архива послужили составленная им картотека политзаключенных в СССР и материалы по истории Сопротивления. После его смерти многие личные документы и материалы поступили сюда по воле родственников, образовав «Коллекцию В.В. Иофе». Именно в ней, главным образом, и сосредоточены источники по истории русской эмиграции.

Особое место в коллекции занимает любимый фонд создателя архива-библиотеки «Братья Солоневичи», включенный в две папки (описи²). Это единственный в России семейный фонд И.Л., Б.Л. и Ю.И. Солоневичей³. Интерес В.В. Иофе к семье Солоневичей на первый взгляд может оказаться странным, т.к. творчеством И.Л. и Б.Л. Солоневичей интересуются чаще всего люди далеко не либеральных взглядов. Но этот интерес легко объясняется, прежде всего, двумя причинами. Во-первых, И.Л. Солоневич – бывший заключенный «Беломоро-Балтийского Комбината», автор первой широко известной в мире книги о коммунистических концлагерях – «Россия в концлагере» – своеобразный «пред-Архипелаг ГУЛАГ». Во-вторых, И.Л., Б.Л. и Ю.И. не только сидели, но и оба раза бежали через территорию, которая тогда подчинялась Ленинградскому пограничному округу.

Иван Лукьянович Солоневич (1891–1953) – выпускник юридического факультета Петроградского университета, был репортером газеты «Новое Время», участвовал в Белом движении. Он не смог эмигрировать в 1920 г. и только в 1930-е вместе с братом, сыном и единомышленниками предпринял две попытки перейти финскую границу, последняя из которых оказалась удачной. После побега из заключения И.Л. Солоневич написал, как уже выше указывалось, книгу «Россия в концлагере», разоблачающую карательную систему в СССР и ставшую бестселлером. Более всего И.Л. Солоневич известен как идеолог «неомонархизма», основатель и первый редактор аргентинской газеты «Наша страна» и как автор много раз переиздававшейся книги «Народная монархия». Борис Лукьянович Солоневич (1898–1991) – спортсмен, участник скаутского и Белого движений, правый монархист, редактор и писатель (к нему у В.В. Иофе был особенный интерес)⁴. Юрий Иванович Солоневич (1915–2003) – художник и писатель, сын Ивана Лукьяновича.

¹ Иофе В. Границы смысла. – СПб., 2002 – С.7–8.

² Составлены П.Н. Базановым в 2001.

³ О самом фонде см. подробнее: Базанов П.Н. Фонд «Братья Солоневичи» в Архиве-библиотеке Петербургского НИЦ «Мемориал» // И.Л. Солоневич – идеолог Народной Монархии: Материалы I научно-практич. конф. – СПб.: Рос. Имперск. Союз-Орден, ред. газ. Монархист, 2004. – С.1-4; базанов П.Н. Документы и материалы о русской эмиграции в Архиве-Библиотеке Санкт-Петербургского научно-исследовательского центра «Мемориал» // Отечественные архивы. 2005. №6. С. 77–83.

⁴ См.: Иофе В.В. Крах СВИРЛАГа // Вестник Мемориала. – СПб., 2001. №6. С.27–40. В этой статье В.В. Иофе несколько раз цитирует «Россию в концлагере» (с.28–30, 32–34) И.Л. Солоневича и приводит биографическую справку на Б.Л. Солоневича, как на заключенного СВИРЛАГа (с.39): Борис Лукьянович

Опись №1 содержит сведения о ксерокопиях и оригиналах документов о жизни и деятельности Солоневичей и их окружения. В документах нашли отражение непростые судьбы членов семьи, перипетии эмигрантской жизни, политическая борьба, поссорившая даже родных братьев.

Материалы о первой неудачной попытке Солоневичей эмигрировать из СССР в 1933 г. (ксерокопии из Архива УФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области рукописных и машинописных документов об их задержании при нелегальном переходе советско-финской границы и аресте, а также протоколы допросов Солоневичей, характеристики, формуляры и т.д.) включены в самостоятельное «Дело Солоневичей фондов ФСБ РФ (ОГПУ в Ленинградском военном округе)». Следующее дело – «Справки и требования по делу Солоневичей» – содержит переписку НИЦ «Мемориал» за 1999 г. с УФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, Управлением регистрации и архивных фондов ФСБ РФ, Главным информационным центром МВД РФ и справки о реабилитации. Эти документы важны для уточнения биографических данных членов семьи Солоневичей. О побеге братьев Солоневичей из лагерей Беломорско-Балтийского канала и эмиграции в Финляндию рассказывает дело, сформированное из ксерокопий документов Национального архива Финляндии о переходе Солоневичами границы. В ближайшее время предполагается публикация этих материалов, переведенных на русский язык. В них в частности говорится, что, по мнению финской полиции, Борис Лукьянович – агент НКВД, а Иван Лукьянович и Юрий Иванович отпущены для его прикрытия. В деле имеются три редких фотографии Солоневичей, их письма, рукописи, анонимный материал «Хеопсова пирамида» и докладная записка Ю.И. Солоневича «Дела комсомола». Особую ценность представляют ксерокопии биографических данных Солоневичей из

Солоневич родился в 1998 году в Гродненской губернии. С 1912 г. в скаутском движении, инструктор физкультуры: борьба, бокс, тяжелая атлетика, спортивная стрельба из боевой винтовки. После 1917 г. в спортивных и скаутских организациях Юга России, сотрудник ОСВАГом, работал в екатеринодарских газетах. После 1921 г. в Одессе, был арестован Одесской ЧК, освобожден. Окончил физкультурный институт, физкультурный врач. Работал в спортивных организациях Севастополя и Москвы. 2 июня 1926 г. арестован в связи со скаутской деятельностью. 20 сентября 1926 г. осужден Коллегией ОГПУ на 5 лет концлагеря. Срок отбывал на Соловках (спортив станция «Динамо»), комиссован в связи с ухудшением зрения в 1928 г. В ссылке в Томске, Орле. Осенью 1932 г. вместе с братом и племянником сделали неудачную попытку побега из СССР в Финляндию, во время повторной попытки побега арестован (9.09.1933). Постановлением Судебной тройки ОГПУ в ЛВО от 28.11.1933 приговорен к 8 годам заключения. В заключении в Подгорожском отделении ББК, затем в Сирялате (Ладейное Поле), начальник санчасти. 28 июля 1934 г. совершил побег (по предварительной договоренности в тот же день брат и племянник бежали из лагеря в Медвежьей Горе). В эмиграции в Бельгии, в Германии, литератор. Активно участвовал в литературной и политической жизни русской эмиграции. Автор книг: «Молодежь и ГПУ» (София, 1937), «День врача в концлагере» (София, 1938), «Тайна старого монастыря» (Брюссель, 1941), «Рука адмирала» (Берлин, 1942), «Тайна Соловков» (Берлин, 1942) и др. После войны арестован в Бельгии по обвинению в коллаборационизме. В январе 1946 г. за издание в Берлине своих романов осужден военным судом в Брюсселе, приговорен к 1 году тюремного заключения (освобожден через 4 недели) и к лишению гражданских прав. В 1948 г. судом чести исключен из Общества взаимопомощи российских Ди-Пи. В связи со своей литературной деятельностью повторно арестован и осужден в Брюсселе в 1955 г. (3 месяца тюремного заключения).

малодоступного отечественным исследователям Архива Народно-Трудового Союза во Франкфурте-на-Майне (так называемый фонд эмиграции). Вместе с другими документами из эмигрантских архивов за 1936 г. и ГАРФ об И.Л. Солоневиче за 1950–1990-е гг. они составили самостоятельное дело.

Наиболее поздние материалы фонда связаны с деятельностью Б.Л. Солоневича в дипломатических лагерях. После Второй мировой войны на территориях Германии, Австрии, Италии и Греции, не попавших в зону оккупации Советской Армии, возникли лагеря бывших жителей СССР и стран Восточной Европы, насильственно депортированных фашистами или ушедших с ними добровольно, так называемых перемещенных лиц, или «дипломатов» (от английского displaced persons). История «дипломатов» – наименее исследованная область истории русской эмиграции, в том числе и из-за редкости документальных источников по теме не только в России, но и за рубежом. Поэтому подлинные документы, собранные В.В. Иофе, имеют большое значение для исследователей. В деле №1 содержится машинописный текст отчета о состоявшемся в 1949 г. в Бельгии съезде перемещенных лиц для руководства Российской общевоинского союза (РОВС), обвинения Б.Л. Солоневича в контактах с советской разведкой. Дело включает также его открытые письма 1949 года в свою защиту, постановление суда чести «Общества взаимопомощи Ди-Пи российского происхождения», рукописные справки об этой организации и т.д. Эти документы дополняют копии статей о судебной тяжбе между Б.Л. Солоневичем и редактором журнала «Часовой» В.В. Ореховым за 1954 г. из альманаха «Владимирский вестник» (Сан-Паулу, Бразилия), которого не имеет ни одна российская библиотека.

В описи №2 отражены ксерокопии, распечатки и рукописи книг, статей и полученных из Интернета материалов о жизни и деятельности И.Л., Б.Л. и Ю.И. Солоневичей. Наиболее интересны ксерокопии книг, отсутствующих даже в крупнейших российских библиотеках, в частности «В союзе с Троцким: правда о братьях Солоневичах» Б. Чернавина (Прага, 1937), «Не могу молчать! «Наша газета», Эмиграция, Р.О.В.С. и И.Л. Солоневич» Б. Солоневича (Париж, 1939), «Нашим друзьям» (Б.м., 1940) и «Четыре года» (Б.м., 1938) И. Солоневича. Смысловым продолжением последнего печатного источника является дело «Ксероксы обложек книг за авторством членов семьи Солоневичей (Ивана, Бориса, Тамары и Юрия)» за 1930–1950-е гг. Остальные материалы папки – работы об И.Л. Солоневиче. Например, дело «Ксероксы из газет "Голос России" (София) за 1930-е гг. и "Наша страна" (Буэнос-Айрес) за 1950–1980-е гг., относящиеся к творчеству, идеологии и жизни И.Л. Солоневича и его семьи». Обе газеты редко встречаются в отечественных библиотеках, и поэтому статья о взрыве в редакции «Голоса России»⁵ и воспоминания об И.Л. Солоневиче его

⁵ Памяти убиенных: [Т.В. Солоневич, Н.П. Михайлов] // Голос России (София). 1938. 8 марта. С. 1.

сына⁶ важны для исследователей. Дело «Эмигрантские материалы» состоит из ксерокопий статей (например, И.Л. Солоневич «Россия и гитлеризм» из альманаха «Вече» 1995. №55) и воспоминаний об И.Л. Солоневиче⁷, а также ксерокопий книг, статей из российской прессы и материалов, полученных из Интернета 1990-х годов, относящихся к творчеству и жизни И.Л. Солоневича. Это, прежде всего, копии «Политических тезисов российского народно-имперского (штабс-капитанского) движения»⁸ и блестящей публицистической статьи «Великая Фальшивка Февраля»⁹. Незаурядной личности И.Л. Солоневича и его творческому наследию посвящено немало статей в журналах, разделов и глав в книгах¹⁰, но они, как правило, касаются его духовного наследия¹¹. Исключение составляют две статьи. Первая – «Иван Солоневич возвращается с чужбины»¹² – специалиста по изучению стран Латинской Америки, выступающего под псевдонимом Н.Никандров, не только базируется на архивных материалах (очевидно, ЦА ФСБ России), но цитирует многочисленные беседы автора с сотрудником МГБ–КГБ, курировавшим Аргентину, Уругвай и лично И.Л. Солоневича. Вторая статья петрозаводского литературоведа, доктора филологических наук Е.Г. Сойни¹³ основана на документах фонда Солоневича из Национального архива Финляндии.

Много лет мечтой В.В. Иофе было опубликовать наиболее интересные документы из фонда «Братья Солоневичи». Нельзя, конечно, сказать, что сразу, но его близкие и друзья постарались выполнить его волю. Было выбрано пять самых интересных и важных документов биографического характера, связанных

⁶ Солоневич Ю.И. Вспоминая Батьку... // Наша страна (Бузнос-Айрес) 1991. 9 ноября. С.2–3.

⁷ Ширяев Б. (Альмов А.) Ди-Пи в Италии: записи продавца кукол. Бузнос-Айрес, 1952. С. 167–168; Могилиянский М.И. Жизнь прожить: Сб. воспоминаний, очерков, интервью, эссе, статей. Монреаль; М., 1995. С.40–43.

⁸ Наш современник. 1992. №12. С.139–159.

⁹ Бежин луг. 1992. №1. С.137–158.

¹⁰ Алексеев О. Одиссея Ивана Солоневича, неукротимого борца и русского писателя // Русский рубеж. 1991. №5. С. 6–7; Бородай А.Ю. И.Л. Солоневич и его работа «Народная монархия» // Русская философия: зарубежные исследования. М., 1994. С.106–121; Зернов И.Н. И.Л. Солоневич и его «Народная монархия» // Держава. 1996. №2(5). С.83–88; Кутузов Б. Несгибаемый Иван // Встреча. 1997. №6. С.30–33; Иллюзии монархизма: от Ильиных до И.Солоневича // Волкогонова О.Д. Образ России в философии русского зарубежья. М., 1998. С.205–268; Юриспруденция русской эмиграции: И.Л. Солоневич // Азарин Н.М. История юридической мысли России. М., 1999. С.305–518; Державный инстинкт народа (И.Л. Солоневич о русской идеи) // Сохряков Ю.И. Национальная идея в отечественной публицистике XIX–XX вв. М., 2000. С.227–238.

¹¹ Наиболее полная работа об историографии жизни творчества И.Л. Солоневича: Чистяков К.А. И.Л. Солоневич в современной историографии // И.Л. Солоневич – идеолог Народной Монархии. Материалы II науч.-практич. конф. – СПб.: Рос. Имперск. Союз-Орден, ред. газ. Монархист, 2005. С.35–52.

¹² Никандров Н. Иван Солоневич возвращается с чужбины // Латинская Америка. 1997. №2. С.87–100.

¹³ Сойни Е.Г. Иван Солоневич в Финляндии // Гуманитарные исследования в Карелии. Петрозаводск, 2000. С.138–143; То же // И.Л. Солоневич – идеолог Народной Монархии. Материалы I науч.-практич. конф. – СПб.: Рос. Имперск. Союз-Орден, ред. газ. Монархист, 2004. С.24–29.

ных с мифами и легендами, сложившимися вокруг братьев Солоневичей. Прежде всего, это ксерокопии из Архива УФСБ по СПб. и Лен. области, сделанные лично В.В. Иофе: протокол допроса С.Н. Никитина, выдавшего все подробности неудачного побега семьи Солоневичей и их друзей в 1933 году и обвинительное заключение от 25 ноября 1933 г. этой группы. Представленные документы наглядно опровергают многие мифы и легенды, долгие годы ходившие и публиковавшие в Русском Зарубежье о первом побеге из СССР братьев Солоневичей. Три других документа – это ксерокопии, сделанные В.В. Иофе в Хельсинки, материалов финской полиции по факту перехода Б.Л. Солоневичем границы из архива полиции VALPO Национального архива Финляндии. Их перевод с финского языка и публикуется впервые. В последнем документе задается сакральный вопрос, мучающий исследователей до сих пор, – это одновременный побег братьев из разных мест. Сомнения, вызванные этим эпизодом бурной жизни братьев Солоневичей, позволили предположить финским следователям, «что целью прибытия в Финляндию Бориса Солоневича является попытка отправиться отсюда в Германию в качестве агента большевиков».

Нужно отметить, что вышесказанное предположение вызывало бурные споры. В.В. Иофе считал, что Б.Л. Солоневич был агентом НКВД, а Ивана и Юрия отпустили для прикрытия, и поэтому они точно не советские шпионы. На эту версию работает и скора с Борисом с Иваном в Болгарии в конце 1930-х гг. из-за РОВСа, послевоенные обвинения уже в Бельгии Б.Л. Солоневича дипломатами в контактах с советской разведкой и судебная тяжба по тому же поводу между Б.Л. Солоневичем и редактором журнала «Часовой» В.В. Ореховым в начале 1950-х. П.Н. Базанов занимает нейтральную позицию. С одной стороны одновременный побег – это действительно более чем странно, с другой в русской эмиграции обвинения политических оппонентов в сотрудничестве с советскими спецслужбами встречаются чаще, чем «сам дурак». Документы на мой взгляд интерес с точки зрения рождения легенды, первого слуха, который преследовал Бориса Лукьяновича почти до самой смерти. Автор комментариев И.П. Воронин напротив считает, что никаких доказательств финская полиция не нашла, и, следовательно, Б.Л. Солоневич не агент ОГПУ–НКВД, а мнения других эмигрантов необъективны и пристрастны. Читатель сам на основании документов сделает нужные выводы.

Мнение финской полиции быстро стало известно русским эмигрантам. Уже 20 декабря 1936 г. координатор диверсионной и шпионской деятельности военных и политических организаций русской эмиграции генерал-майор Северин Цезаревич Доброльский (1881–1946)¹⁴ писал своему другу, главе РОВС

¹⁴ О нем см. подробнее: Базанов П.Н. Северин Доброльский и его журнал «Клич» // Российское Зарубежье в Финляндии между двумя мировыми войнами. – СПб., 2004. С.84–95.; Базанов П.Н. Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции / СПб. гос. ун-т культуры и искусств. – СПб., 2004. С.226–230.

Е.К. Миллеру, у которого в годы Гражданской войны был генеральным прокурором в Архангельске. «Еще и последний раз я прошу обратить внимание на “знатных братьев”, работа которых вам кажется полезной. В Гельсингфорсе я был с визитом у весьма компетентного в этом лица, которое, со слов директора дружественной фирмы (Начальник финской разведки – примечание Б.В. Прянишникова), имеет серьезные подозрения, считая, что мы имеем дело с опытными провокаторами, преследующими цель захвата эмигрантской активности, задачу, с которой они справляются блестяще»¹⁵. Эту же информацию, только более подробно, повторяет в своей книге современный российский журналист Н. Никандров, подтверждая и передачу доверительной информации финнами С.Ц. Добровольскому¹⁶. Правда, автор ни на какие источники не ссылается и тут же приписывает генерал-майору руководство РОВСом в Финляндии. Через несколько страниц Н. Никандров повторяет ту же информацию с неточными биографическими сведениями о С.Ц. Добровольском¹⁷, но называет источник информации – подполковник Мальберг из 2-го отдела Генштаба Финляндии¹⁸, затем называется должность подполковника Мальберга (выделено мной – П.Б.) – заместитель начальника отдела и прямо утверждается: «Полученные на Солоневичей “компрометирующие материалы” финская контрразведка и полиция передавали Добровольскому¹⁹. Последний, в свою очередь, передавал информацию друзьям – руководителям РОВС: Е.К. Миллеру в Париж и полковнику К.А. Фоссу и генерал-майору М.М. Зинкевичу в Софию и другим, в одном из писем была фраза о братьях Солоневичах: «Это подозрительные люди, вполне допускаю, что они являются провокаторами»²⁰. Все эти данные, приводимые Б.В. Прянишниковым и Н. Никандровым, подтверждаются и материалами из дел С.Ц. Добровольского в Национальном архиве Финляндии (архив полиции VALPO), в Архиве УФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области (меморандум из переданного финнами дела): «СКОБЛИНА интересовали СОЛОНЕВИЧИ. ДОБРОВОЛЬСКИЙ дал им отрицательную характеристику, а в штабе их считали агентами большевиков. Оба генерала считали странным появление обоих братьев СОЛОНЕВИЧЕЙ на границе одновременно и СКОБЛИНУ, кроме

¹⁵ Цит. по: Прянишников Б.В. Незримая паутина. 2-е изд. – Сипвер Спринг, 1979. С.338–339.

¹⁶ Никандров Н. Иван Солоневич: Народный монархист. – М.: Алгоритм, 2007. С.181.

¹⁷ Неверно указывая год смерти: 1947 вместо 1946, снова приписывая руководство РОВС в Финляндии (хотя сам Н. Никандров на с.216 приводит имя главы РОВС в этой стране – Владимира Алексеевича Альфрана) и утверждая, что С.Ц. Добровольский не поверил данным финской разведки, что Н.В. Скоблин – советский агент, в то время как генерал-майор не только оповестил Е.К. Миллера об этой информации, но и добавил о провале собственных агентов из-за Скоблина.

¹⁸ Никандров Н. Иван Солоневич: Народный монархист. – М.: Алгоритм, 2007. С.204–205.

¹⁹ Там же. С.246.

²⁰ Там же. С.262.

того, было известно, что Югославия, где принц Павел поддерживает антибольшевистские традиции, отказала им в транзитной визе²¹.

В Приложении находятся впервые публикуемые документы в хронологической последовательности. Они практически не известны исследователям²². Комментарии и примечания составлены петербургским журналистом И.П. Ворониным, признанным специалистом в творчестве И.Л. Солоневича.

Приложение 1

Протокол допроса Никитина Степана Никитича от 11 сентября 1933 г.

гор. Ленинград.

Протокол допроса НИКИТИНА, Степана Никитича, произведенного 11 сентября 1933 г. Уполномоченным 7 Отд. ЭКО ДОБРОТИНЫМ.

1. – НИКИТИН
2. – Степан Никитич.
3. – 1883 г.
4. – Сын кулака – кулаки уроженцы Печеры Эстонии – СССР.
5. – г. Москва, Просторная ул., д. № 18, кв. 2.
6. – Без определенных занятий.
7. – Отец Никита Иванович ИВАНОВ умер в Великолуцком уезде в 1921 г., мать Анна Петровна умерла в 1921 г., брат Василий Никитич НИКИТИН, 66 лет, был выслан на Урал, вернулся, наверное, Ленинградская обл. – Великолуцкий район, с. Мамлеево, брат Ефим Никитич – работает где-то в Ленинградской области, брат Яков Никитич работает в Ленинграде в закрытом ЗРК, прожив. Крюков канал, д. № 11, кв. 21, два брата в Эстонии, один торговец, другой крестьянин.
8. – Не имущий.
9. – 3-х классное Министерское училище в Печерах в Эстонии.
10. – б/парт.
11. –
12. – Не судился и под следствием не состоял.
13. – Не служил.

²¹ Архив УФСБ по СПб. и Лен. обл. Ф. арх.-след. деп. Д. П-№46544. Т1: Добровольский. Меморандум. Документ 32-6 от 11.05.1936 / [автор] И.С. Машинопись. Л.17.

²² С отдельными фрагментами документов работали: Чистяков К.А. Следственное дело в отношении Ивана Солоневича в архиве ФСБ // Имперское возрождение. – 2005. №3(4). С.29–38; То же // И.Л. Солоневич – идеолог Народной Монархии: Материалы III науч.-практ. конф. – СПб.: Рос. Имперск. Союз-Орден, ред. газ. Монархист. 2006. С.35–44, 3 с. обл.; См. его же комментарии к хн.: Солоневич И.Л. Россия в концлагере. – М.: РИМИС, 2005. 536 с.; Базанов П.Н. Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции / СПб. гос. ун-т культуры и искусств. – СПб., 2004. 430 с.

Знакомство мое с СОЛОНЕВИЧЕМ Иваном Лукьяновичем произошло в 1930 г. после возвращения из Германии, где я работал в Торгпредстве в качестве Главного кассира. Со мной вместе работала жена СОЛОНЕВИЧА Тамара Владимировна в качестве референта в Бюро прессы. Надо отметить, что жену СОЛОНЕВИЧА с 1928 года я знаю тогда, когда она вместе со мной выехала в Германию. Нас, т. е. меня с СОЛОНЕВИЧАМИ, объединяла общность антисоветских взглядов и вражда к существующему строю. Этому предшествовало еще и то, что я происхожу из кулацкой семьи, – братья мои раскулачены, а один брат находился в ссылке на Урале. Я видел, что Соввласть всячески притесняет и не дает свободно жить. В таких рамках велась неоднократно беседа с СОЛОНЕВИЧЕМ Иваном Лукьяновичем, который так же, как и все остальные, был враждебно настроен к Соввласти. Перед СОЛОНЕВИЧЕМ Иваном и мной в 1932 г. встал вопрос со всей остротой – покинуть пределы Советского Союза путем вооруженного перехода (нелегального) границы СССР. В первой половине 1932 г. СОЛОНЕВИЧ Иван Лукьянович организовал группу лиц, куда входили СОЛОНЕВИЧ Борис Лукьянович, СОЛОНЕВИЧ Юрий Иванович, я и ПЕЛЛИНГЕР Ирина Францисковна – жена Бориса Лукьяновича – на всю группу было 3 охотничьих ружья и с потребным количеством патрон. Район был выбран, где можно перейти границу – это Карелия, как местность, покрытая исключительно лесами и удобная для перехода. В случае появления пограничников и их намерения задержать – СОЛОНЕВИЧЕМ Иваном Лукьяновичем дана была инструкция разбежаться, лечь и открыть огонь – далее, отстреливаясь, осуществить переход границы. Двинулись в путь в конце Сентября 1932 г., не доходя границы около 20-ти верст, мы заблудились и решили выйти на дорогу, где встретили пограничника, последний указал на деревню, где можно переночевать, Ирине Францисковне ПЕЛЛИНГЕР оказал услугу, посадил ее на лошадь и довез до этой деревни, а мы шли пешком. На утро мы наняли колхозных лошадей и направились на ст. Кивач²³ – откуда выехали обратно в Москву. До осуществления нашего перехода СОЛОНЕВИЧ Иван Лукьянович развелся со своей женой Тамарой Владимировной. Последняя вышла замуж за германского подданного и уехала, легально получив германское подданство, в Германию. С ней СОЛОНЕВИЧ отправил ценности, которые имел, и одну пачку фотографических снимков секретного порядка. После неудавшегося перехода систематически СОЛОНЕВИЧ Иван Лукьянович поддерживал связь с бывшей женой – пользуясь услугами сотрудника Германского Посольства ВИРТ, который часто посещал квартиру СОЛОНЕВИЧА совместно со своей женой. Знаю, что через ВИРТ – СОЛОНЕВИЧ

²³ Станция Кивач – ныне не существует. «На расстоянии 432 верст (461 км) от Ленинграда находится станция Кивач, названная так по водопаду, находящемуся в 29 км от нее». Боч Г. Экскурсия на Север. – М. Л.: Госиздат, 1926.

отправлял секретную корреспонденцию — содержание коей от меня скрывал. Связь с Литовским послом СОЛОНЕВИЧ Иван Лукъянович имел через гражданку ПРЖИЯЛГОВСКУЮ Елену Леонардовну — последняя при мне заявила, что хорошо лично знакома с ЛИТОВСКИМ послом. Весной 1933 года СОЛОНЕВИЧ Иван Лукъянович вновь ставит вопрос о нелегальном переходе границы — через этот же маршрут и с теми же лицами. Первоначально переход был намечен в конце Июня м^{есяца}, но болезнь его сына Юрия²⁴ отложила это дело до Сентября м^{есяца}. План перехода был разработан следующим образом: СОЛОНЕВИЧ Иван Лукъянович дает телеграмму своей жене бывшей, чтобы она похлопотала о том, чтобы эту группу приняли финские власти.

Выслала к первому мести явки финским властям необходимую сумму денег. ПРЖИЯЛГОВСКАЯ благодаря связям с Литовским послом оповестила бы своих дочерей, проживающих в Литве. Группа вооружается, каким оружием, мне неизвестно. СОЛОНЕВИЧ ставил вопрос живым в руки не сдаваться — пускай двое из нас будут убиты, но не надо впадать в панику и идти напролом — рассыпаться в цепь и отстреливаться.

Признаю, что в 1932 г., когда я работал в Ленинграде, зашел в Эстонское консульство и в беседе с эстонским консулом, который лично принял меня и посоветовал мне переходить нелегально границу в районе Карелии, где менее опасно, так как в этом районе охраняется граница менее. Признаю также и то, что при встречах с сотрудником Германского посольства ВИРТ в силу своих антисоветских взглядов я информировал последнего о положении колхозного движения в СССР, говорили о ряде политических моментов в СССР с отрицательной стороны. Встреч у меня с ВИРТ было 4.

Показания верны, мною прочитаны, в чем и расписываюсь.

(НИКИТИН) <подпись отсутствует>

Допросил (ДОБРОТИН)

Верно: <подпись>

Комментарии

Показания С. Н. Никитина на допросе, который был произведен на следующий день после ареста группы беглецов, стали определяющими в формировании обвинений, предъявленных арестованным, а также позволили

²⁴ Ср. у И.Л. Солоневича: «Побег был отложен на июнь 1933 г 8 июня 1933 года, рано утром, моя belle-soeur Ирина поехала в Москву получать уже заказанные билеты. Но Юра, проснувшись, заявил, что у него какие-то боли в животе. Борис ощупал Юру, и оказалось что-то похожее на аппендицит. Борис поехал в Москву «отменять билеты», вызывал еще двух врачей, и к полудню все сомнения рассеялись: аппендицит. Везти сына в Москву, в больницу, на операцию по жутким подмосковным ухабам я не рискнул. Предстояло выждать конца припадка и потом делать операцию. Но во всяком случае побег был сорван второй раз» (Россия в концлагере. — София, 1938. С.19).

расширить список подследственных. В «России в концлагере» И. Л. Солоневич рисует следующую картину:

«Я уже потом, по дороге в лагерь, узнал, что со Степушкой обращались далеко не так великосветски, как со всеми нами. Тот же самый Добротин, который вот сейчас прямо лоснится от корректности, стучал кулаком по столу, крыл его матом, тыкал ему в нос кольтом и грозил «пристрелить, как дохлую собаку». Не знаю, почему именно как дохлую...

Степушка наворотил. Наворотил совершенно жуткой чепухи, запутав в ней и людей, которых он знал, и людей, которых он не знал. Он перепугался так, что стремительность его «показаний» прорвала все преграды элементарной логики, подхватила за собой Добротина и Добротин в этой чепухе утоп.

Что он утоп, мне стало ясно после первых же минут допроса. Его «агентурные данные» не стоили двух копеек; слежка за мной, как оказалось, была, но ничего путного и выслеживать не было; переписка моя, как оказалось, перлюстрировалась вся, но и из нее Добротин ухитрился выкопать только факты, разбивающие его собственную или, вернее, Степушкину теорию. Оставалась одна эта «теория» или, точнее, остов «романа», который я должен был облечь плотью и кровью, закрепить всю эту чепуху своей подписью, и тогда на руках у Добротина оказалось бы настоящее дело, на котором, может быть, можно было бы сделать карьеру и в котором увязло бы около десятка решительно ни в чем неповинных людей.

Если бы вся эта чепуха была сгруппирована хоть сколько-нибудь соответственно с человеческим мышлением, выбраться из нее было бы нелегко. Как никак знакомства с иностранцами у меня были. Связь с заграницей была. Все это само по себе уже достаточно предосудительно с советской точки зрения, ибо не только заграницу, но и каждого отдельного иностранца советская власть отгораживает китайской стеной от зрелица советской нищеты, а советского жителя – от буржуазных соблазнов.

Я до сих пор не знаю, как именно конструировался остов этого романа. Мне кажется, что Степушкин переполох вступил в социалистическое соревнование с добротинским рвением, и из обоих и в отдельности не слишком хитрых источников получился совсем уж противоестественный ублюдок. В одну нелепую кучу были свалены и Юрины товарищи по футболу, и та английская семья, которая приезжала ко мне в Салтыковку на Week End, и несколько знакомых журналистов, и мои поездки по России, и все, что хотите. Здесь не было никакой ни логической, ни хронологической увязки. Каждая «улика» вопиюще противоречила другой, и ничего не стоило доказать всю полную логическую бессмыслицу всего этого «романа». Но что было бы, если бы я ее доказал? В данном виде – это было варево, несъедобное даже для неприхотливого желудка ГПУ. Но если бы я указал Добротину на самые зияющие несообразности, – он устранил бы их, и в коллегию ОГПУ пошел бы обвинительный акт,

не лишенный хоть некоторой, самой отдаленной, доли правдоподобия. Этого правдоподобия было бы достаточно для создания нового «дела» и для ареста новых «шпионов» (Россия в концлагере. – София, 1938. С.28–29).

Приложение 2

«Обвинительное заключение от 25 ноября 1933 г.»

«УТВЕРЖДАЮ»

Полномочный Представитель
ОГПУ в ЛВО <подпись>
/МЕДВЕДЬ/²⁵

25 ноября 1933 г. г. Ленинград

по след<ственному> делу № 6632-33 г.²⁶ по обвинению к<онтр>-р<еволюционной> группы, занимавшейся шпионской деятельностью в пользу Германии и ставившей своей задачей вооруженный переход границы СССР, т. е. прест<уплениями>, пред<уморенными> ст<атями> 58-6, 58-10 и 59-10.

В Сентябре м<еся>це 1933 г. в ЭКО ПП ОГПУ в ЛВО²⁷ поступили сведения о том, что вооруженная группа лиц в количестве 6-ти человек, следя по пути к Финляндской границе в районе Карелии, собирается совершить вооруженный нелегальный переход границы СССР. Организатором вышеуказанной группы СОЛОНЕВИЧЕМ Иваном Лукьяновичем дана установка остальным участникам перехода без боя живым не сдаваться и с появлением пограничников открыть стрельбу и, отстреливаясь, осуществить переход границы.

²⁵ Медведь Филипп Демьянович (1889–1937) работал в органах ВЧК–ОГПУ–НКВД с 1918 г. Должность полпреда ОГПУ по Ленинградскому военному округу занимал с января 1930 г. по июль 1934 г. Затем начальник УНКВД Ленинградской области. В 1935 г. приговорен за «преступно-халатное отношение к своим обязанностям по охране госбезопасности» к 3 годам концлагеря. В 1937 г. вызван в Москву, через несколько месяцев вновь арестован и расстрелян. Реабилитирован посмертно.

²⁶ И.Л. Солоневич указывает другой номер дела – № 2248 (Россия в концлагере. София, 1938. С.32).

²⁷ ЭКО ПП ОГПУ в ЛВО – Экономический отдел Постоянного представительства Объединенного государственного политического управления в Ленинградском военном округе.

Срочно принятими мерами со стороны оперативных работников ЭКО ПП ОГПУ в ЛВО группы, возглавляемая СОЛОНЕВИЧЕМ Иваном, на пути следования была ликвидирована и обезоружена.

Следствием установлено:

1. ВОЗНИКНОВЕНИЕ КОНТРОЛЬНО-ЭВОЛЮЦИОННОЙ ГРУППИРОВКИ.

Начиная с 1927 года СОЛОНЕВИЧ Иван Лукьянович из г. Москвы несколько раз приезжал в г. Ленинград к гр. ПРЖИЯЛГОВСКОМУ Иосифу Антоновичу²⁸. Последнего он знал с 1912 года по гор. Вильно²⁹ – где оба проживали ранее. Квартира ПРЖИЯЛГОВСКОГО представляла из себя место, где устраивались сборища лиц к-р настроенных. На этих сборищах резко подвергались критике мероприятия Советской Власти, сеялись провокационные слухи и велись антисоветские беседы. По этому поводу обвиняемые СОЛОНЕВИЧ Иван и др. дают следующие показания:

«Я приезжал в Ленинград раз шесть или восемь и всегда останавливался на квартире ПРЖИЯЛГОВСКИХ, таким образом я имел возможность наблюдать общество, которое там собиралось. Это общество было настроено антисоветски. Все разговоры, поскольку они касались общественно-политических тем – носили характер резкой критики мероприятий Соввласти».

(Показания СОЛОНЕВИЧА И., лист дела 88)³⁰.

«Квартира моего мужа ПРЖИЯЛГОВСКОГО представляла из себя место, где собирались под видом вечеринок лица антисоветски настроенные. Надо отметить, что мой муж и я, в силу того обстоятельства, что Соввласть всячески нас притесняла, экономически мы терпели нужду и нам не давали в силу социального прошлого возможности работать спокойно – были настроены враждебно к существующему строю».

(См. показания обвиняемой ПРЖИЯЛГОВСКОЙ³¹, л. д. 103).

²⁸ Пржиялговский Иосиф Антонович (1886–?) – знакомый И.Л. Солоневича по Вильно, а затем по Петрограду. На момент ареста группы проживал в Мурманск около 8 месяцев после переезда из Ленинграда. Непосредственного участия в организации побега не принимал. Тем не менее был осужден на 3 года ссылки – по мнению И.Л. Солоневича, исключительно из-за своего вызывающего поведения на допросах. Дальнейшая судьба неизвестна. В «России в концлагере» упоминается по имени-отчеству, без указания фамилии.

²⁹ В Вильно И.Л. Солоневич жил с 1908 или 1909 по 1912 г.

³⁰ Есть веские основания полагать, что многие «показания» в деле группы И.Л. Солоневича были изобретены следствием. В «России в концлагере» Иван Лукьянин свидетельствует, что лишь однажды собственноручно изложил обстоятельства, сопутствовавшие неудавшемуся побегу, но они не устроили следователя. После этого организатор группы от дачи показаний отказался (см.: Россия в концлагере. – София, 1938. С.23–31).

³¹ Пржиялговская Елена Леонардовна (1888–?) – супруга И.А. Пржиялговского. В «России в концлагере» имеется как «г-жа Е.». Автор дает ей следующую характеристику: «Женщина из очень известной и очень богатой польской семьи, чрезвычайно энергичная, самовлюбленная и неумная. Такими бывает большинство женщин, считающих себя великими дипломатками» (Россия в концлагере. – София, 1938. С.23–31).

«ПРЖИЯЛГОВСКИЙ по поводу Соввласти высказывал, что мерзавцы везде насажали своих людей и ни черта не создают — мой пес и то умнее»³².

(Показания свидетеля АТЛЕР³³, см. л. д. 110).

2. НЕЛЕГАЛЬНЫЕ ВООРУЖЕННЫЕ ПЕРЕХОДЫ.

Весной 1932 года СОЛОНЕВИЧЕМ Иваном в г. Москве была организована группа лиц антисоветски настроенная, в большинстве своем ранее привлекавшаяся за к-р деятельность органами ОГПУ.

В состав группы входили:

1. СОЛОНЕВИЧ Иван Лукъянович,
2. СОЛОНЕВИЧ Борис Лукъянович³⁴,
3. СОЛОНЕВИЧ Юрий Иванович³⁵,
4. НИКИТИН Степан Никитич³⁶,
5. ПЕЛЛИНГЕР Ирина Францисковна³⁷.

Одной из задач, поставленных перед этой группой, являлся нелегальный вооруженный переход границы СССР. В осуществление поставленной задачи

³² В «России в концлагере» Иосиф Антонович по этому поводу возмущается: «Я уже совсем ничего не понимаю. Водку пьют везде, и разговоры такие везде разговаривают. Если бы за такие разговоры сажали, в Петербурге давно бы ни одной души живой не осталось. Потом выясняется: и кроме того вы обвиняйтесь в пособничестве попытке побега вашего товарища Солоневича» (Россия в концлагере. — София, 1938. С. 40).

³³ Атлер — неустановленное лицо.

³⁴ Солоневич Борис Лукъянович (1898–1991) — младший брат И.Л. Солоневича. Спортсмен, участник скакового движения, писатель, журналист. В 1920-х инспектор Черноморского флота по физкультуре и спорту. После Гражданской войны неоднократно подвергался арестам. В 1922 и 1926 г. был осужден за скакую деятельность. Второй срок сначала отбывал на Соловках, затем по состоянию здоровья лагерь был заменен ссылкой. Бежал за границу вместе с братом и племянником в 1934 г. Опубликовал, в том числе на иностранных языках, две книги воспоминаний («Молодежь и ГПУ», «На низовье»), а также ряд художественных произведений («Тайна Соловков», «Рука адмирала», «Женщина с винтовкой») и др.). С 1950 — редактор-издатель журнала «Родина», который выходил сначала в Бельгии, а затем в США.

³⁵ Солоневич Юрий Иванович (1915–2003) — единственный сын И. Л. Солоневича. Бежал за границу вместе с отцом и дядей, Б.Л. Солоневичем. Автор воспоминаний о жизни в СССР «Повесть о 22-х несчастях» (София, 1938). Художник, оформлял все прижизненные издания книг отца, на страницах «Голоса России» публиковались его карикатуры. Сначала 1950-х проживал в США, вскоре после смерти отца отошел от политической деятельности.

³⁶ Никитин Степан Никитич (1883–?) — в «России в концлагере» фигурирует под вымышленной фамилией «Степанов», имеется также Степушкин. «Пятый участник группы был более или менее случаен: старый бухгалтер Степанов (фамилия вымыщлена), у которого заграницей, в одном из лимитрофов, осталась вся его семья и все его родные, здесь, в СССР, потеряв жену, он остался один, как перст. Во всей организации побега он играл чисто пассивную роль, так сказать, роль багажа. В его честности мы были уверены точно так же, как и в его робости» (Россия в концлагере. — София, 1938. С. 19–20).

³⁷ Пеплингер Ирина Францисковна (1903–1938) — супруга Б.Л. Солоневича. Автор брошюры: Руководство работнице по физкультуре (М.: Рабочая газета, 1925); Здоровье физкультурницы (М.-Л.: Физкультура и туризм, 1930). За участие в попытке перехода границы получила первый срок, 11.05.1938 приговорена тройкой УНКВД по ДС к смертной казни за контрреволюционную деятельность, расстреляна 17 сентября того же года.

на ст~~анции~~³⁸ Салтыковка³⁸ близ Москвы, на квартире у организатора данной группы СОЛОНЕВИЧА Ивана систематически устраивались сборища со всеми участниками группы. На этих сборищах был разработан план перехода – в части использования связей с заграницей, которые бы обеспечивали успешность перехода за кордон. Обсуждался маршрут следования и вооружения группы.

По этому поводу обвиняемые в своих показаниях указывают:

«Мои политические взгляды на существующий строй начиная с 1932 года приняли явно враждебное отношение. Поводом к этому явилось то обстоятельство, что я не верил в коллективизацию и благополучный исход первой пятилетки. Я ждал, что после окончания первой пятилетки наступит улучшение трудящихся, находящихся на территории Советского Союза, на самом деле, по моему же наблюдению, Советская Власть дала не улучшение, а ухудшение. Эти обстоятельства заставили меня искать выход, и начиная с 1932 года я организовал группу лиц...»

...Определенно надо сказать, что эти люди в силу ряда репрессий, к ним применяемым Соввластью за к-р деятельность, были озлоблены на существующий строй. Единственным положением и выходом для меня и моей группы было эмигрирование за границу путем вооруженного нелегального перехода».

(Показания обвиняемого СОЛОНЕВИЧА Ивана, л. д. 9).

«Нас, т. е. меня с СОЛОНЕВИЧАМИ, объединяла общность антисоветских взглядов и вражда к существующему строю. Этому предшествовало то, что я происхожу из кулацкой семьи, братья мои раскулачены, один брат находится в ссылке на Урале. Я видел, что Соввласть всячески притесняет и не дает свободно жить.

Перед СОЛОНЕВИЧЕМ Иваном и мной в 1932 году встал вопрос со всей остротой покинуть пределы Советского Союза путем вооруженного нелегального перехода границы СССР. В первой половине 1932 г. СОЛОНЕВИЧ Иван Лукьянович организовал группу лиц, куда входили СОЛОНЕВИЧ Борис, СОЛОНЕВИЧ Юрий, я и ПЕЛЛИНГЕР».

(Показания обвиняемого НИКИТИНА, см. л. д. 32).

Аналогичные показания дают обвиняемые ПЕЛЛИНГЕР и СОЛОНЕВИЧ Юрий (см. л. д. 98 и 143).

В конце Сентября м~~еся~~^{ца} 1932 года СОЛОНЕВИЧ Иван с организованной им группой в количестве 4-х человек, вооружившись 3 охотничими ружьями, одним револьвером и потребным количеством патрон, отправился к намеченному месту перехода к Финляндской границе в районе Карелии. Вследствие

³⁸На станции Салтыковка (17-й километр Нижегородской железной дороги) И.Л. Солоневич с семьей жил с 1926 года до попытки побега, приведшей к аресту.

болезни в пути следования руководителя группы СОЛОНЕВИЧА Ивана близ границы переход был прерван. Как сам СОЛОНЕВИЧ, и остальные участники были вынуждены вернуться обратно в Москву³⁹.

«Моя болезнь и то обстоятельство, что вся группа заблудилась, мы вынуждены были выйти на дорогу и ехать назад».

(Показание СОЛОНЕВИЧА Ивана, см. л. д. 11).

В случае удачного перехода группы за кордон, в ограждение себя и группы быть выданным обратно Советским властям за кордоном – СОЛОНЕВИЧЕМ Иваном дается поручение одному из участников к-р группы НИКИТИНУ Степану, имеющему 2-х братьев в Эстонии, – завязать с ними связь через Эстонское консульство в Ленинграде, оповестив их о предполагаемом переходе границы, для того, чтобы последние засвидетельствовали политическую благонадежность всей группы по ту сторону границы. Поручение НИКИТИНЫМ было выполнено.

Данный факт характеризуется показаниями самих обвиняемых:

«Обсуждалась через участника группы НИКИТИНА связь с заграницей через Эстонского консула, последнему было дано поручение, которое он выполнил – посетив Эстонское консульство – вел переговоры с Эстонским Консулом о возможности поддержки нас на случай удачного перехода всей группы его братьями, находящимися в Эстонии».

(См. показания СОЛОНЕВИЧА Ивана, л. д. № 15).

³⁹ Ср. описание побега № 1 у И. Л. Солоневича: «Долгое время над нашими попытками побега висело нечто вроде фатума, рока, невезенья – называйте, как хотите. Первая попытка была сделана осенью 1932 года. Все было подготовлено очень неплохо, включая и разведку местности. Я предварительно поехал в Карелию, вооруженный, само собой разумеется, соответствующими документами, и выяснил там приблизительно все, что мне нужно было. Но благодаря некоторым чисто семейным обстоятельствам, мы не смогли выехать раньше конца сентября – время для Карелии совсем не подходящее, и перед нами встал вопрос: не лучше ли отложить все это предприятие до следующего года. Я справился в московском бюро погоды – из его сводок явствовало, что весь август и сентябрь в Карелии стояла исключительно сухая погода, не было ни одного дождя. Следовательно, угроза со стороны карельских болот отпадала, и мы двинулись. Московское бюро погоды оказалось, как в сущности следовало предполагать заранее, советским бюро погоды. В августе и сентябре в Карелии шли непрерывные дожди. Болота оказались совершенно непроходимыми. Мы четверо суток взляли и тонули в них и с великим трудом и риском выбирались обратно» (Россия в концлагере. – София, 1938. С 19).

Б. Л. Солоневич в своей книге «Молодежь и ГПУ» сообщает дополнительные подробности: «Неторопясь, как полагается мирным путешественникам, мы проплыли на лодке по реке Суне, достигли большого озера – Суо-Ярви и там, оставив лодку в прибрежных камышах, направились по лесу на запад, туда, где в 150 километрах была Финляндия. Мы думали пройти этот путь в 5–7 дней, но, вопреки справке Московской метеорологической станции о сухом лете, оказалось, что последние два месяца все время лили дожди, и обширные карельские болота и речки оказались почти непроходимыми.

Больше 5 дней мучились мы в этих лесах и болотах. Напряжение последних месяцев не прошло正宗 для брата – он разболелся настолько серьезно, что продолжать трудный путь было невозможно. А до границы, желанной границы, оставалось только 60 километров.

О том, чтобы оставить больного брата где-нибудь на дороге и уйти самому, не могло быть и речи.

Мы решили вернуться обратно. С тяжелым чувством прогрызща мы вышли на дорогу, удачно инсенировали заблудившуюся и растерявшуюся компанию и вернулись обратно» (Молодежь и ГПУ. Жизнь и борьба советской молодежи. – София: Голос России, 1937. – С. 411).

«Признаю, что в 1932 году, когда я был в Ленинграде, зашел в Эстонское консульство и в беседе с эстонским консулом – который лично принял меня – и посоветовал мне переходить границу нелегально в районе Карелии, где менее опасно».

(См. показания НИКИТИНА, л. д. № 33).

После неудачи по переходу границы в 1932 году, по независимым от участников группы причинам, – организатором СОЛОНЕВИЧЕМ Иваном в осуществление поставленной задачи, вновь ставится вопрос о переходе в 1933 году.

Узнав из неоднократных бесед с участницей антисоветской группировки в г. Ленинграде ПРЖИЯЛГОВСКОЙ Еленой, что таковая имеет имение в Литве и обширные связи за границей (через своего кузена КАЗАРИНОВА, проживающего в Вильно и имеющего прямую связь с Литовским послом БАЛТРУШАЙТИС⁴⁰), рассказал ей о своем намерении покинуть пределы Советского Союза с определенной группой лиц, разделяющих его мнение по этому вопросу и готовых перейти нелегально границу. Характерно отметить тот факт, что СОЛОНЕВИЧ лично сам был связан со своей женой, находящейся в Германии⁴¹. Желая использовать ПРЖИЯЛГОВСКУЮ для более успешного завершения поставленной задачи, СОЛОНЕВИЧ Иван, зная о ее антисоветских настроениях, пригласил ПРЖИЯЛГОВСКУЮ принять участие и примкнуть к группе. После ее согласия – СОЛОНЕВИЧ дал поручение ПРЖИЯЛГОВСКОЙ – зайти в Литовское консульство и узнать через посла БАЛТРУШАЙТИС – как за рубежом смотрят на перебежчиков, второй необходимости явилось узнать адрес сына посла – Юрия БАЛТРУШАЙТИСА⁴², с которым СОЛОНЕВИЧ Борис был знаком по прошлым скаутовским делам – это требовалось для того, чтобы Борис имел возможность получить рекомендацию для зарубежных властей. ПРЖИЯЛГОВСКАЯ дважды посетила литовского посла БАЛТРУШАЙТИСА и выполнила поручение СОЛОНЕВИЧА. В середине 1933 года снова начались периодические сборища

⁴⁰ Балтрушайтис Юргис Казимирович (1873–1944) – поэт-символист, переводчик. С 1918 г. работал в Лито Наркомпроса. Был председателем Московского Союза писателей, участвовал в работе издательства «Всемирная литература». С 1921 г., после получения Литвой независимости, занимал пост чрезвычайного посланника и полномочного представителя Литвы в Советской республике, а с 1932 г. совмещал этот пост с обязанностями представителя Ирана и Турции. В 1939 был назначен советником Литовского посольства в Париже. В 1942 г. вышел его сборник стихов на литовском языке – «Венок из слез».

⁴¹ Солоневин Тамара Владимировна (урожд. Воскресенская) (1894–1938) – первая жена И.Л. Солоневича. В 1911 г. закончила казачий институт благородных девиц в Новочеркасске, затем высшие женские курсы в Санкт-Петербурге. Преподавала французский язык в минской женской гимназии. В СССР работала переводчицей. В 1932 г., заключив фиктивный брак с иностранцем, легально выехала в Германию. В эмиграции вышли две книги ее воспоминаний: «Записки советской переводчицы» (София, 1937) и «Три года в берлинском торгпредстве» (София, 1938); обе были опубликованы на иностранных языках. Погибла 3.02.1938 от взрыва бомбы, присланной в редакцию газеты «Голос России» советскими спецслужбами.

⁴² Сын Ю.К. Балтрушайтиса, Юргис – впоследствии профессор Сорбонны, известный историк культуры и искусства.

на квартире СОЛОНЕВИЧА всех участников группы. Последовательно был выработан следующий маршрут следования группы от г. Москвы до ст⁴³анции Кивач по Мурманской жел^{езной} дор^{оге}, затем пешком или на подводе до с. Викшицы⁴⁴, далее на Юркоостров⁴⁴ и на запад к границе. Вновь даны были необходимые поручения участникам группы ПРЖИЯЛГОВСКОЙ и НИКИТИНУ. Поручение ПРЖИЯЛГОВСКОЙ заключалось в том, что она написала письмо своим дочерям, находящимся в Литве для того, чтобы последние на случай перехода границы обеспечили и заверили политическую благонадежность группы, похлопотали бы перед Финскими властями об оказании помощи группе через брата первого мужа МУРАВСКОГО, находящегося в настоящее время в Вильно, последний учился вместе с ПИЛСУДСКИМ⁴⁵ и был лично знаком. В письме, которое ПРЖИЯЛГОВСКОЙ было написано, было указано, чтобы дочери оказали также и приют быв^{шой} жене СОЛОНЕВИЧА – ПРЦЕВОЦНИ – в момент ее приезда из Германии в Литву для встречи группы. Поручение НИКИТИНА сводилось к тому, что им для помощи группе за рубежом было предпринято то, что братья его в Эстонии должны приготовить к месту первой явки заграницей 1.000 долларов. Гарантией за политическую благонадежность СОЛОНЕВИЧА Ивана и других лиц перед Финскими властями должны явиться две статьи, которые СОЛОНЕВИЧ намеревался поместить в заграничной прессе контрреволюционного содержания, особенно остро критикующие коллективизацию в СССР.

Наряду с этим были разработаны мероприятия по вооружению группы – из оружия участники имели 3 охотничьих ружья со специальными патронами, в количестве 70 шт. к ним, один браунинг с боевыми патронами, для борьбы на случай задержания при переходе. Вся группа шла под видом туристов, для какой цели СОЛОНЕВИЧ Иван оформил документы, вписав всех участников в маршрутную книжку. На пути следования к границе группа была арестована органами ОГПУ. Все это подтверждается нижеприведенными выдержками из показаний самих обвиняемых:

«Вернувшись в Москву, мы были огорчены неудачей, но все же не потеряли надежды на благополучный исход в 1933 г. Начало переговоров о нелегальном переходе в 1933 году началось с теми же лицами с изменением в сторону увеличения группы, к нам присоединилась ПРЖИЯЛГОВСКАЯ, у которой в Литве находились ее дочери и имелось имение. Далее, бра-

⁴³ Викшица или Викшицы – деревня в Кондопожском районе Карелии.

⁴⁴ Юркоостров – деревня в Кондопожском районе Карелии.

⁴⁵ Пилсудский Юзеф (1867–1935) – польский политический и государственный деятель, маршал, с 1918 г. – глава независимой Польши. Муравский – очевидно, имеется в виду Муравский Бронислав, окончивший 1-ю Виленскую гимназию с серебряной медалью в 1881 г. (Серебряков М. В. Исторический очерк столетнего существования Виленской 1-й гимназии. 1803–1903. Ч. I. Вильна, 1903). По данным того же источника, Пилсудский покинул стены гимназии в 1885 г.

тья НИКИТИНА должны приготовить к месту нашей явки заграницей 1000 долларов.

Установка Бориса на случай нашего задержания была дана группе – воспользоваться имеющимся оружием и, отстреливаясь, переходить границу».

(Показания обвиняемого СОЛОНЕВИЧА Ивана, л. д. 12).

«Связь с литовским послом СОЛОНЕВИЧ Иван поддерживал через гражданку ПРЖИЯЛГОВСКУЮ, последняя при мне заявила, что хорошо знакома с литовским послом.

Район был выбран, где можно перейти границу – это Карелия, как местность, покрытая исключительно лесами и удобная для перехода».

(Показания обвиняемого НИКИТИНА, см. л. д. 32 и 33).

«Я от имени БОРИСА просил ПРЖИЯЛГОВСКУЮ узнать адрес сына БАЛТРУШАЙТИСА Юрия, который якобы знает Бориса по скаутским делам и может дать ему рекомендацию. ПРЖИЯЛГОВСКАЯ же передавала, что ее кузен, проживающий в Ковно, оказался товарищем Литовского консула в Москве, что обеспечило ей прием у БАЛТРУШАЙТИСА».

(Показания СОЛОНЕВИЧА Ивана, см. л. д. 65).

«ПРЖИЯЛГОВСКАЯ должна была написать письмо своим дочерям, чтобы они заверили соответствующие власти о благонадежности группы за рубежом. Вооружение было в этот раз: 3 охотничьих ружья – одно пулевое и браунинг с потребным количеством патрон (точно не знаю). Группа шла под видом туристов, документы доставал Иван Лукьянович. Переход во второй раз не был осуществлен вследствие ареста всей группы органами ОГПУ. ПРЖИЯЛГОВСКАЯ, знаю, что была в Литовском консульстве у литовского посла БАЛТРУШАЙТИСА, с ее слов, обеспечивало ее прием самим послом имя кузена – которого лично знал посол. В беседе с послом она спросила, выдают ли перебежчиков заграницей, интеллигентов, на что посол ответил, что такую категорию людей заграницные власти не выдают. Далее разговор перешел о том, что ПРЖИЯЛГОВСКАЯ хочет идти нелегально за границу с СОЛОНЕВИЧЕМ, на что последний ответил, что он знает СОЛОНЕВИЧЕЙ по физкультуре».

(Показание ПЕЛЛИНГЕР, см. л. д. 99).

«В мой приезд в один из вечеров СОЛОНЕВИЧ Иван Лукьянович поведал, что у него готов план к вооруженному нелегальному переходу, что должна идти группа в количестве 6-ти человек.

Для того, чтобы обеспечить группу и заверить политическую благонадежность группы, он дал мне поручение, которое мною было выполнено, а именно написано письмо к моим дочерям в Вильно с тем, чтобы, когда приедет к ним бывшего жена СОЛОНЕВИЧА (находящаяся сейчас в Германии), оказали ей приют – кроме этого, через моего первого мужа МУРАВСКОГО, брат которого учился вместе с ПИЛСУДСКИМ, похлопотали бы перед Финскими властями об оказании помощи группе».

(Показания ПРЖИЯЛГОВСКОЙ, см. л. д. 104).

<3.> ШПИОНСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГРУППЫ.

В начале 1932 года СОЛОНЕВИЧ Иван Лукъянович через свою жену ПРЖЕВОЦНУ, длительное время работающую в Берлине в Торгпредстве, впоследствии принявшую германское подданство и оставшуюся в Германии⁴⁶ – познакомился с Германским сотрудником Посольства неким ВИРТ – с тех пор стал поддерживать периодическую связь как у себя на квартире, так и в Германском посольстве в Москве. Первые две встречи не носили никакого делового характера. В последующие встречи СОЛОНЕВИЧ Иван, разъезжающий по территории СССР, изучая места для литературной работы, как литератор – давал сведения секретного характера ВИРТ о строительстве Дагестана, о совхозах Киргизии и др., за что пользовался деньгами и услугами со стороны ВИРТ для отправки через германское посольство ценностей и секретной корреспонденции⁴⁷.

Позднее СОЛОНЕВИЧ Иван познакомил с ВИРТ одного из участников к-р группы НИКИТИНА Степана, последний работал в должности разъездного бухгалтера по колхозам Московской области и давал сведения ВИРТ о положении колхозного движения в СССР.

Обвиняемые по этому поводу дают следующие показания:

«По поводу шпионской деятельности в пользу Германии могу показать следующее. Познакомился с сотрудником Германского Посольства ВИРТ через свою жену Тамару Владимировну. Встреч у меня лично с ВИРТ было 8. Две у своей жены в Москве на Беговой ул., четыре у меня лично на даче в Салтыковке и две встречи по приглашению ВИРТ в Германском Посольстве.

В последующие встречи я информировал ВИРТ о строительстве в Дагестане, о положении русской Советской интеллигенции в материально-

⁴⁶ В советском торговом представительстве в Берлине Т.В. Солоневич работала в качестве переводчицы с 1928 по 1931 гг. «Осталась в Германии» – ошибка, на самом деле выехала туда из СССР в 1932 г.

⁴⁷ Очевидно, речь идет о фотографиях и личных вещах. Впоследствии фото публиковались в книгах Солоневичей, а также служили иллюстративным материалом для газет, издателем которых был И.Л. Солоневич.

бытовом отношении и о тех материальных лишениях, которые испытывает эта интеллигенция. Поведал ВИРТУ о совхозах Киргизии».

Далее:

«ВИРТ интересовался системой Управления совхозами, и я его информировал о роли и взаимоотношениях директората партичайки и профсоюзной организации».

(Показания СОЛОНЕВИЧА Ивана, см. л. д. 80).

«Знаю, что через ВИРТ – СОЛОНЕВИЧ отправлял секретную корреспонденцию, содержание коей от меня скрывал».

Далее:

«Признаю также и то, что при встречах с сотрудником Германского Посольства ВИРТ в силу своих антисоветских взглядов я информировал последнего о положении колхозного движения в СССР. Встреч у меня с ВИРТ было 4».

(Показания НИКИТИНА, см. л. д. 33 и 34).

«Мой отец СОЛОНЕВИЧ Иван брал у ВИРТ деньги в советской валюте, насколько сейчас припоминаю, 2 раза, в сумме от 100 до 400 рублей каждый раз».

(Показание СОЛОНЕВИЧА Юрия, см. л. д. № 116)⁴⁸.

«ВИРТ был в курсе нашего перехода границы СССР, вначале по-видимому через мою жену, впоследствии через меня лично. ВИРТ неоднократно оказывал мне услуги, а именно через него мною были переотправлены материалы, по которым, в случае удачного моего перехода границы, я собирался написать книгу, которая критиковала бы быт и колебания интеллигенции в Советском Союзе. Кроме этого, через него мною были направлены фотокарточки, виды Киргизии, Дагестана – негативы и т. д.».

(Показания СОЛОНЕВИЧА Ивана, см. л. д. 80 и 81).

«СОЛОНЕВИЧ Борис, находясь в Орле, занимался фотоснимками железнодорожных депо и разных сооружений. Фотокарточки направлял моему отцу, для просмотра и оценки работы».

(Показания СОЛОНЕВИЧА Юрия, см. л. д. № 117).

⁴⁸ По свидетельству И.Л. Солоневича, его сын Юрий вообще отказался от дачи показаний (см.: Россия в концлагере. – София, 1938. С.33).

«Признаю, что я от сотрудника Германского Посольства ВИРТ получал деньги два раза – второй раз в сумме 15 марок в инвалюте и 200 руб. совзнаками. Деньги ему не возвращал. В обеспечение денег, полученных от жены, я с ВИРТОМ направил кольцо с бриллиантом стоимостью в 2500 руб. Мой брат БОРИС присыпал мне фотокарточки, на которых были за- сняты железнодорожные мастерские и разные сооружения, имеющие стратегическое назначение».

(Показание СОЛОНЕВИЧА Ивана, см. л. д. № 122-121).

Обвиняемая ПРЖИЯЛГОВСКАЯ, пользуясь услугами Литовского консульства, переоправляла нелегально почту к своему кузену КАЗАРИНОВУ, находящемуся в Литве, и через консульство получила письма от КАЗАРИНОВА:

«На мое письмо, пересланное нелегально через консульство моему кузену КАЗАРИНОВУ, – ОКУЛИЧ⁴⁹ обратилась к консулу, который лично мне подал записку, написанную КАЗАРИНОВЫМ, в последней КАЗАРИНОВ сообщил адрес адвоката, ведущего дело насчет моего имения в Литве, и указал свой адрес».

(л. д. 113).

На основании вышеизложенного ОБВИНЯЮТСЯ:

1. СОЛОНЕВИЧ Иван Лукьянович, 1889 г. рожд^ения, сын волостного писаря, ур^{оженец} Гродненской губ^{ернии} и уезда, с. Новоселки, подданный СССР – по профессии свободный литератор – безработный – разведенный, имеет на своем иждивении сына в возрасте 18 лет, неимущий, по образованию высшего⁵⁰, б^ес^т/п^{артийный}., несудившийся, прожив^ающий – Москва, ст^{анция} Салтыковка, дача Руденко, –

в том, что занимался шпионской деятельностью в пользу Германии, являясь антисоветски настроенным, сорганизовал к-р группу лиц, поставившую своей целью дважды вооруженный нелегальный переход границы СССР. Имея непосредственную связь через германского сотрудника посольства ВИРТ – переправлял ценности и материалы своей жене в Германию с тем, чтобы при

⁴⁹ Казаринов и Окулич – неустановленные лица.

⁵⁰ Некоторые свои биографические данные И.Л. Солоневичу удалось скрыть от ГПУ, в частности – политическую деятельность отца, Л.М. Солоневича (1866–1938). Пытался он скрыть и тот факт, что имеет высшее образование – в анкете арестованного, заполненной с его слов, указано: «Окончил 2 курса университета», но, судя по тексту обвинительного заключения, не сумел. Относительно места рождения И.Л. Солоневича мнения исследователей его биографии до сих пор расходятся: различные архивные данные указывают 5 населенных пунктов Гродненской губернии, которые сам И.Л. в разных обстоятельствах своей жизни называл в качестве места рождения. Село Новоселки – один из них.

переходе границы приступить путем использования их в печати к компрометации Советского Союза,

т. е. в пр<еступлениях>, пр<едусмотренных> ст. ст. 58-6 и 58-10 УК.
ВИНОВНЫМ СЕБЯ ПРИЗНАЛ.

2. НИКИТИН Степан Никитич, 1883 г. рожд., – сын высланного кула-ка – уроженец Печеры-Эстонии – подданный СССР, прожив<ающий> г. Москва – Просторная ул., д. № 18, кв. 2 – без определенных занятий. Одинокий, неимущий – по образованию окончил 3-х классное Министерское училище в Печерах, б/п., несудившийся, –

в том, что, будучи участником к-р группы СОЛОНЕВИЧА Ивана, через ко-торого был знаком с сотрудником германского посольства ВИРТ, передавал све-дения шпионского характера, посещал Эстонское консульство для выполнения определенных поручений, даваемых организатором группы СОЛОНЕВИЧЕМ – принимал деятельное участие в вооруженном нелегальном переходе границы СССР. Настроен враждебно в Соввласти,

т. е. в пр<еступлениях>, пр<едусмотренных> ст. ст. 58-6 и 58-10 УК.
ВИНОВНЫМ СЕБЯ ПРИЗНАЛ.

3. СОЛОНЕВИЧ Борис Лукьянович, 1898 г., сын волостного писаря, рус-ский, подданства СССР, ур<оженец> Гродненской губ<ернии>, Пружанского у<езда>, дер. Рудники, проживающий г. Орел – Железнодорожная ул., д. № 12, ответственный секретарь Стрелкового Комитета ж<елезной> д<ороги>, же-нат, жена и 2-ое детей, неимущий, образование высшее, б/п., в 1926 г. осуж-ден Коллегией ОГПУ по ст. 58-4 УК на 5 л<ет> концлагеря. В 1932 г. по ст. 58-6 УК был под следствием – освобожден, в белой армии не служил, –

в том, что, находясь в ссылке в г. Орле – будучи антисоветски настроен-ным, был связан с шпионом КОРНИЛОВЫМ⁵¹ (ныне арестованным за шпионаж ОО ОГПУ – Москва), принимал активное участие в деятельности СОЛОНЕВИ-ЧА <Ивана> – последнему пересыпал фотоснимки Орловских депо и других сооружений, имеющих стратегическое значение, каковые использовались СО-ЛОНЕВИЧЕМ <Иваном> для шпионской цели. Участвовал на сборищах по по-воду вооруженного перехода границы, где давал участникам установку без боя при переходе не сдаваться,

т. е. пр<еступлениях>, пр<едусмотренных> ст. ст. 58-6 и 58-10 УК.

ВИНОВНЫМ СЕБЯ ПРИЗНАЛ ЧАСТИЧНО, изобличается показаниями остальных обвиняемых.

⁵¹ Корнилов – неустановленное лицо.

4. ПРЖИЯЛГОВСКАЯ Елена Леонардовна, 1888 г. рожд., из дворян, жена быв. судебного пристава, по национальности – литовка, ур^{оженка} Виленской губ^{ернии} и уезда, Моляцкой вол^{ости}, д. Инкерт, подданная СССР, прожив^{ающая} Ленинград, Гражданская ул., д. № 4, кв. 26, без определенных занятий, замужняя, на иждивении никого нет, в настоящее время в Литве имеет имение и 80 га земли, образование среднее, б/п., несудившаяся, –

в том, что, являясь активной участницей к-р группы СОЛОНЕВИЧА Ивана, во время неоднократных посещений Литовского Консульства выполняла различные поручения СОЛОНЕВИЧА, пользуясь знакомством с Литовским послом – БАЛТРУШАЙТИС, сама лично переправляла через консульство нелегальные письма в Латвию и обратно получала через консульство ответы. Являясь участницей к-р сборищ лиц антисоветски настроенных, происходящих у нее на квартире в Ленинграде и у организатора СОЛОНЕВИЧА в Москве,

т. е. пр^{еступлениях}, пр^{едусмотренных} ст. ст. 58-6 и 58-10 УК.

ВИНОВНОЙ СЕБЯ ПРИЗНАЛА.

5. СОЛОНЕВИЧ Юрий Иванович, 1915 г. рожд., сын свободного литератора, ур^{оженец} г. Москвы, русский, подд^{анный} СССР, прожив^{ающий} Москва, дача Руденко, ст^{анция} Салтыковка, без определенных занятий, холост, образование среднее, неимущий, б/п., несудившийся. До 1931 года проживал в Берлине, –

в том, что в силу антисоветских убеждений был активным участником к-р шпионской группы СОЛОНЕВИЧА Ивана, принимал участие в вооруженном переходе границы СССР, присутствовал на всех к-р сборищах участников группы, принимал непосредственное участие в вооружении группы путем изготовления боевых патрон для борьбы с лицами, охраняющими границы СССР,

т. е. пр^{еступлениях}, пр^{едусмотренных} ст. ст. 58-10 и 59-10 УК.

ВИНОВНЫМ СЕБЯ ПРИЗНАЛ.

6. ПЕЛЛИНГЕР Ирина Францисковна, 1903 г. рожд., из дворян, дочь генерала царской армии, отец ПЕЛЛИНГЕР Франциск в настоящее время Коллегией ОГПУ осужден на 5 лет – за вредительство, ур^{оженка} г. Киева, русская, отец поляк, прожив^{ающая} Москва, Бобруйские бараки, д. № 9, кв. 28, врач по физкультуре диспансера имени Х Октября, замужняя, имеет 2-х детей, неимущая, образование высшее, б/п., несудившаяся, –

в том, что будучи враждебно настроенная к существующему строю является участницей к-р группы СОЛОНЕВИЧА, принимала участие в вооруженном переходе границы СССР, а также в сборищах,

т. е. в пр^{еступлениях}, пр^{едусмотренных} ст. ст. 58-10 и 59-10 УК.

ВИНОВНОЙ СЕБЯ ПРИЗНАЛА.

7. ПРЖИЯЛГОВСКИЙ Иосиф Антонович, 1886 г., сын потомственного дворянина, уроженец Ковенской губ., г. Тельши, подд~~анный~~ СССР, по национальности литовец, в прошлом губернский секретарь Съезда Мировых Судей, прожив~~ающий~~ г. Мурманск, бухгалтер Окружного суда, женат, имеет жену, у жены имеется имение в Вильно, по образованию среднего, б/п., в 1921 г. судился по ст. 116, ч. 1 – 6 месяцев условно, снят с воинского учета, –

в том, что на своей квартире в г. Ленинграде устраивал к-р сбирали лиц антисоветски настроенных. На этих сбиралиах резко подвергались критике мероприятия Соввласти и сеялись провокационные слухи. Имел близкую связь с организатором к-р группы СОЛОНЕВИЧЕМ, последний неоднократно посещал вышеуказанные сбиралиа. Сам ПРЖИЯЛГОВСКИЙ во время сбиралий высказывал антисоветские взгляды,

т. е. в пр~~еступлениях~~, пр~~едусмотренных~~ ст. 58-10 УК.

ВИНОВНЫМ ПРИЗНАЛ СЕБЯ ЧАСТИЧНО, изобличается показаниями СОЛОНЕВИЧА Ивана, ПРЖИЯЛГОВСКОЙ и АТЛЕР.

Исходя из вышеизложенного и принимая во внимание, что виновность вышеуказанных обвиняемых доказана,

ПОСТАНОВИЛ:

Означенное следственное дело за № 6632-33 г. по обвинению СОЛОНЕВИЧА Ивана и др. направить через Прокурора по Надзору за органами ОГПУ на заключение и направление на Тройку ПП ОГПУ в ЛВО для внесудебного разбирательства.

Отобранное оружие и патроны конфисковать и сдать в оружейную мастерскую ПП ОГПУ в ЛВО.

УПОЛНОМОЧЕННЫЙ 7 ОТД. ЭКО <подпись> /ДОБРОТИН/⁵²

НАЧАЛЬНИК 7 ОТД. ЭКО <подпись> /ГЕРМАНОВ/

«СОГЛАСЕН» – НАЧ. ЭКО <подпись> /ЗВЕРЕВ/⁵³

ПРИМЕЧАНИЕ: Материалы в отношении остальных лиц, проходящих по делу – выделить для дальнейшей проработки.

⁵² Добротин выведен в «России в концлагере» под своей фамилией. И.Л. Солоневич сообщил также, что следователь руководил и операцией по захвату перебежчиков в вагоне поезда.

⁵³ Зверев Юlian Львович (1895–1938) – работник органов ВЧК–ОГПУ–НКВД с 1920 г. Должность начальника ЭКО ПП ОГПУ по ЛВО занимал с декабря 1932 по май 1934 гг. После этого переведен в Туркменскую ССР, сначала председателем местного ГПУ, затем наркомом внутренних дел республики. В 1937 г. арестован, в 1938 г. приговорен к высшей мере наказания и расстрелян. Реабилитирован посмертно.

СПРАВКА.

Обвиняемые содержатся под стражей в ДПЗ:

1. СОЛОНЕВИЧ Иван – с 10/IX с. г.
2. СОЛОНЕВИЧ Борис – с 10/IX с. г.
3. СОЛОНЕВИЧ Юрий – с 10/IX с. г.
4. НИКИТИН Степан – с 10/IX с. г.
5. ПЕЛЛИНГЕР Ирина – с 10/IX с. г.
6. ПРЖИЯЛГОВСКАЯ Елена – с 13/IX с. г.
7. ПРЖИЯЛГОВСКИЙ Иосиф – с 12/X с. г.

УПОЛНОМОЧЕННЫЙ 7 ОТД. ЭКО <подпись> /ДОБРОТИН/

Личные документы и переписка на проходящих в деле при сем прилагаются (9 пакетов).

С/уполном. 7-ЭКО <подпись неразборчива>
29/XI-33 г.

Комментарии

Обвинительное заключение по делу группы И. Л. Солоневича является своеобразным документальным дополнением к его книге «Россия в концлагере» – первым обстоятельным повествованием о ГУЛАГе в истории русской литературы. Написанная сразу после побега, она сначала была опубликована на страницах парижской эмигрантской газеты «Последние Новости», а затем выходила отдельными изданиями как на русском, так и на многих иностранных языках и имела в мире большой резонанс. Сопоставление двух текстов дает по-разному объемную картину событий, связанных с попытками побега (двумя безуспешными и одной удачной) семьи Солоневичей из СССР.

Главное, что отсутствует в обвинительном заключении, это упоминание о центральной фигуре неудачного побега 1933 года – Николае Артемьевиче Бабенко. По свидетельству И. Л. Солоневича, именно этот «бывший артиллерийский офицер» выдал всю группу чекистам, а скорее всего – изначально был «засланным казачком».

Вот что он пишет в «России в концлагере»: «За три недели до нашего отъезда в моей салтыковской голубятне, как снег на голову, появляется г-жа Е. (Е. Л. Пржиялговская – прим. комментатора), в сопровождении мистера Бабенко. Мистера Бабенко я знал по Питеру <...>. Я был удивлен этим неожиданным визитом, и я был еще более удивлен, когда г-жа Е. стала просить меня захватить с собой и ее. И не только ее, но и мистера Бабенко, который, дескать, является ее женихом или мужем, или почти мужем – кто там разберет при со-

ветской простоте нравов. Это еще не был удар, но это уже была опасность» (Россия в концлагере. – София, 1938. С.20).

Далее события, предшествовавшие аресту, разворачивались следующим образом: «В Питере нас должен был встретить Бабенко и присоединиться к нам. Поездка г-жи Е. отпала, так как у нее появилась возможность легального выезда через Интурист. Бабенко встретил нас и очень быстро и ловко устроил нам плац-пересадочные билеты до ст. Шуйская Мурманской ж. д. <...> Я как-то вяло отметил в уме и «оставил без последствий» тот факт, что вагон, на который Бабенко достал плацкарты, был последним, в хвосте поезда, что какими-то странными были номера плацкарт -- в разбивку: 3-ий, 6-ой, 8-ой и т. д., что главный кондуктор без всякой к этому необходимости заставил нас рассесться «согласно взятым плацкартам», хотя мы договорились с пассажирами о перемене мест. Да и пассажиры были странноваты... Вечером мы все собрались в одном купе. Бабенко разливал чай, и после чаю я, уже давно страдавший бессонницей, заснул как-то странно быстро, точно в омут провалился...» (Россия в концлагере. – София, 1938. С.21).

Опоясанные сноторванным, беглецы все-таки попытались сопротивляться аресту (младший брат Ивана Борис даже сломал одному чекисту руку), но отбиться от почти четырех десятков вооруженных людей не было никакой возможности. Роль Н. А. Бабенко в организации засады подтвердил уже на первом допросе и следователь:

«При имени Бабенко Добротин слегка улыбается.

– Ну, у Бабенки есть еще и своя история – по линии вредительства в Рыбпроме.

– Ага, так это он так заглаживает вредительство?

– Послушайте, – дипломатически намекает Добротин, – следствие ведь веду я, а не вы...» (Россия в концлагере. – София, 1938. С.25–26).

Приложение 3

Протокол допроса, составленный нижеподписавшимся следователем Сортавальского подотдела Центральной ссыкной полиции по нижеуказанному делу в Салминском карантинном лагере 10 августа 1934 г. № 100/34.

8 августа 1934 г. салминский пограничный отряд задержал в деревне Орусярви Салминской волости Бориса Солоневича, тайным образом бежавшего из Советской России. На следующий день (9.8.1934) в Салми⁵⁴ он был передан Сортавальному отделу Центральной ссыкной полиции.

⁵⁴ Салми – поселок на берегу Ладожского озера, ныне Питкярантского района Карелии, ближайший населенный пункт к советско-финской границе до 1939 г.

В Салми в вышеуказанную дату в присутствии начальника карантинного лагеря Константина Рётика и при содействии пастора Микко Михайлова в качестве переводчика допрашиваемый сообщил следующее:

Солоневич, Борис Лукьянович, врач, белорус, гражданин Советской России, родился 20.1.1898 в деревне Рудники Пружанского уезда Гродненской губернии, прописан там же, но последнее время содержался в концентрационном лагере ГПУ Свирьстроя в Лодейном Поле. Состоит в браке с Ириной, урожденной Беллингер⁵⁵, которая содержится в качестве ссыльной в каком-то сибирском концентрационном лагере на Дальнем Востоке. От брака есть дети: Георгий, около 6 лет, и Нина, около 4 лет, которые к своему счастью находятся, вероятно, в Москве. Родители: мастер молокозавода Лукьян Солоневич, около 70 лет⁵⁶, проживает в городе Ялта на Крымском полуострове, и Юлия, урожд. Ярушевич, скончалась⁵⁷. Есть один брат, Иван, журналист, около 43 лет, проживает в качестве ссыльного в Карелии, в концентрационном лагере г. Медвежьегорска. Сестер нет. Допрашиваемый грамотный, помимо русского языка, говорит также на польском, английском, французском и немногого на немецком, окончил 8 классов в Санкт-Петербургском классическом лицее, после этого учился 1,5 года в Санкт-Петербургском политехникуме, а также 4 года – в Московском университете для получения специальности врача⁵⁸. Материальное состояние плохое. Ранее не обвинялся и не отбывал наказания ни за какие преступления. От армии освобожден из-за плохого зрения. Отрицает свою причастность к каким-либо коммунистическим организациям в Советской России.

О своей прежней жизни допрашиваемый сообщил, что проживал у родителей в деревне Рудники Гродненской губернии с момента рождения по 1908 год, затем вместе с ними переехал в Вильно, откуда в 1912 году они переехали в Минск. Там допрашиваемый проживал до 1913 года, затем отправился продолжать обучение в Московском университете, позднее, в 1915 году, перевелся из Москвы в Санкт-Петербург. В 1917 году, когда произошла революция, допрашиваемому пришлось прервать обучение, и он уехал к отцу на Кубань, в город Майкоп, куда последний переехал из Минска. Там в 1918 году допрашиваемый примкнул к войскам, поднявшимся для борьбы против большевистского

⁵⁵ Так в тексте. Правильно: Пеллингер.

⁵⁶ Сопоневич Лукьян Михайлович (1866–1938) – до революции: редактор неофициальной части «Гродненских губернских ведомостей», затем издатель газеты «Белорусская жизнь» («Северо-Западная жизнь»). После революции жил в Ялте, в 1930-х сослан в Красноярский край, в феврале 1938 г. арестован, а в мае расстрелян. Один из пунктов обвинения – «поддерживал связь с нелегально бежавшими за границу сыновьями».

⁵⁷ Юлия Викентьевна Солоневич (урожденная Ярушевич) скончалась в мае 1915 г. «после непродолжительной, но тяжкой болезни (воспаление легких)».

⁵⁸ В анкете арестованного со слов Б.Л. Сопоневича указано: «Окончил физкульт. институт (экстерном)». В автобиографии, написанной в 1935 г.: «Закончил Московский Гос. институт по кафедре врачебного контроля над физкультурой».

правительства и возглавленным казачьим генералом Корниловым, генералом Покровским и генералом Врангелем, и принимал участие в боях в Южной части России, пока в 1920 году не был ранен вблизи Ходисинска⁵⁹ (Кубань), вследствие чего попал в больницу города Севастополь. Пробыв в больнице около 2 месяцев, допрашиваемый остался в Севастополе переводчиком английского языка в американском Красном кресте, т. к. был не в состоянии далее участвовать в сражениях. В октябре 1920 года ему пришлось по делам данного Красного креста отправиться в Константинополь. После его возвращения оттуда в конце этого же месяца большевики захватили Севастополь, и белогвардейские войска отступили. Несмотря на это, допрашиваемый остался в Севастополе, и, т. к. у большевиков не было точных сведений об его участии в восстании (это не удалось выяснить даже после многочисленных допросов), он был взят на должность спортивного инструктора, т.н. преподавателя физической культуры. Однако спокойной жизни у него не получилось, потому что ЧК всегда ходила за ним по пятам и время от времени задерживала его, но допрашиваемому удавалось выйти на свободу, т.к. он доказывал, что полуслепой человек не мог принимать участия в боях, и чувствовал, что этому утверждению верят, потому что зрение действительно было очень слабым. Несмотря на это, преследования продолжались, и весной 1922 года допрашиваемый бежал из Севастополя в Одессу, где появился под чужим именем австралийца Боба Гальвена и работал впоследствии тяжелоатлетом в одном из цирков в течение полугода⁶⁰. В конце лета того же года допрашиваемый, как владеющий английским языком, стал работать начальником распределительного отдела американского благотворительного комитета⁶¹, но долго пробыть в этой должности ему не пришлось, т. к. ЧК выследила его и арестовала в Одессе в конце ноября 1922 года. Он был осужден на 2 года тюремного заключения по обвинению в том, что, являясь спортивным инструктором, организовал скаутские группы для борьбы с большевистским правительством. Пробыв около года в Одесской тюрьме, в конце 1923 года допрашиваемый, благодаря стараниям знакомых и хорошему поведению, был освобожден и отправился в Севастополь, где устроился в ВМФ преподавателем физкультуры, пробыв в этой должности до лета 1925 года, когда при содействии ЧК его опять стали притеснять. На этот раз допрашиваемый

⁵⁹ Ходисинск имеется ввиду Хадыженск, город (с 1949) Краснодарского края, на реке Пшиш, близ железнодорожной станции Хадыженская.

⁶⁰ В своей книге «Молодежь и ГПУ» (София: Голос России, 1937. С. 111–112) Б.Л. Соловьевич подробно описывает свою встречу с борцом И.М. Поддубным, взявшим его в цирк.

⁶¹ Имеется в виду Американская администрация помощи (American Relief Administration), АРА (1919–1923) – организация, созданная с целью оказания продовольственной и другой помощи европейским странам, пострадавшим в Первой Мировой войне. Возглавлялась будущим президентом США Г.Гувером. В связи с голодом в Поволжье советское правительство в 1921 г. разрешило деятельность АРА в РСФСР. В 1923 г. деятельность АРА в советской республике была запрещена под предлогом ведения ее сотрудниками контрреволюционной деятельности.

сбежал в Москву, где устроился в этой же должности и успел проработать около года, пока 2.6.1926 Московское ОГПУ не арестовало его и не осудило на 5 лет тюремного заключения за контрреволюционные идеи среди скаутских организаций. В сентябре он был выслан на Соловецкие острова. Там допрашиваемый пробыл около 2 лет (до осени 1928 года), когда ему по причине слабого зрения было разрешено отправиться в Томский концентрационный лагерь, где он находился до конца 1930 года, получив затем разрешение на праве условного срока поселиться в Центральной России, в городе Орле, но обязуясь отмечаться 2 раза в месяц в местном ОГПУ. В Орле допрашиваемый начал работать фотокорреспондентом газеты, но 22.2.1932 по указанию Московского ОГПУ он был арестован и доставлен в Московскую тюрьму, где содержался в одиночной камере 5 месяцев, после чего в августе 1932 года был освобожден и выслан обратно в Орел. Тогда допрашиваемый решил бежать за границу и с этой целью поехал к своей жене и брату Ивану в Москву. Под видом развлекательной поездки они решили поехать в Карелию, на известный водопад Кивач, и попытаться оттуда тайно перейти на финскую сторону. Путешествие удалось, но в 60 км от финской границы, в лесочке близ деревни Линтуярви, у брата внезапно проявилось желудочное заболевание, поэтому им пришлось вернуться в Москву, откуда допрашиваемый выехал в Орел. Никто не узнал об их намерении эмигрировать. В августе 1933 года они повторили попытку, но 8.8.1933 в Ленинграде⁶² были арестованы и осуждены все на 8 лет тюремного заключения как контрреволюционеры и шпионы, главным образом из-за того, что состояли в переписке с двоюродной сестрой⁶³ Тамарой Прцевоцни, проживающей в Берлине. Брат попал в Карелию, в Медвежьеворский карантинный лагерь, жена – в Сибирь, а сам – в Свирьстройский карантинный лагерь, куда допрашиваемый был привезен из Ленинграда 14.1.1934. До побега в Финляндию допрашиваемый работал там врачом и начальником санитарного отдела.

О переходе в Финляндию допрашиваемый сообщил, что когда жизненные перспективы под гнетом советской системы и из-за постоянных преследований и арестов стали ничтожными, он решил еще раз попытаться выбраться из России. С этой целью допрашиваемый начал копить понемногу продукты, добыв компас и, накопив немного запасов, 27.7.1934 сам написал записку о том, что на какой-то ближайшей строительной площадке произошел несчастный случай, и ему необходимо прибыть на место для оказания первой медицинской помощи; другим путем выбраться с территории лагеря было невозможно. Вооружившись этим, он отправился в дорогу, и, показав охранникам записку, без труда вышел за пределы лагеря. Переходя реку Свирь с помощью каких-то

⁶² Арест произошел, конечно, не в Ленинграде, а в пути – в поезде.

⁶³ Очевидная ошибка. Тамара Владимировна Солоневич (после фиктивного брака с немцем – Прцевоцни) – не двоюродная сестра, а невестка Б.Л. Солоневича.

мальчишкой, он быстро пошел по лесу в сторону финской границы. Старательно обходя все встречающиеся на пути жилые поселения и людей, дважды чуть не попал в руки солдатам, которые оба раза стреляли ему вдогон, но не попадали. Во второй раз с солдатами были собаки, которые наверняка бы вышли на его след, но, к счастью, пошел сильный дождь, который запутал следы. Вечером 8.8.1934 допрашиваемый на одной из тропинок заметил солдат, на которых была униформа, не похожая на советскую, и, решив, что они из Финляндии, он сдался им. Солдаты привели его в деревню, где один из служащих спросил через переводчика его личные данные. На следующий день, 9.8.1934, допрашиваемый по поручению солдат был доставлен в Салми на грузовом автомобиле.

Допрашиваемый утверждает, что решился на побег в Финляндию исключительно под давлением обстоятельств, из-за притеснений и арестов большевиками. Отрицает, что побег имеет политические цели – только спасение своей жизни.

Объяснил, что хочет попытаться уехать в Германию, к двоюродной сестре Тамаре Прцевоцни, которая проживает по адресу: Берлин, Северо-Запад 6, Альбрехтштрассе 22, потому что она знает о том, что допрашиваемый собирается бежать из Советской России в Финляндию, допрашиваемый просил сестру сообщить немецкому консульству в Финляндии, что он, попав в Финляндию, может обратиться в указанное консульство. Допрашиваемый заявил, что его имя известно в скаутских кругах Англии, Германии и Америки, т. к. в свое время он являлся одним из видных руководителей скаутского движения в России⁶⁴. Допрашиваемый не думает, что у него есть знакомые в Финляндии.

По прибытии в Финляндию у допрашиваемого, помимо одежды, находящейся на нем, были следующие вещи: 1 дорожная сумка, солдатская котомка с одеждой и продуктами, 1 кожаный планшет с карандашами и бумагой, 1 наручные часы, 1 стрелка компаса, 3 пары очков и 100 рублей денег.

Примечание: Борис Солоневич и далее будет содержаться под арестом в Салминском карантинном лагере до получения дальнейших указаний.

Подтверждаю:
/подпись неразборчива/

⁶⁴ В автобиографии, написанной в 1935, Б. Л. Солоневич сообщает, что в 1920 г. он был помощником и заместителем Старшего скаута России полковника О. И. Пантиухова.

Приложение 4

[Докладная записка] Представительство Центральной сыскной полиции в г.Йоэнсуу 16 августа 1934 г. в Главный отдел Центральной сыскной полиции № 817

Представительство Центральной сыскной № 195 1934, пост. 17.8.1934
полиции в г. Йоэнсуу⁶⁵ 525
16 августа 1934 г.
№ 817

В Главный отдел Центральной сыскной полиции

Пограничный отряд г. Йоэнсуу 12 числа текущего августа месяца задержал в Элинлампи (волость Иломантси⁶⁶) проникших в страну тайным путем следующих советских граждан:

Солоневич, Иван Лукьянович, кандидат юридических наук, редактор газеты, род. 1.11.1891 в Польше, в деревне Рудники Берского района Гродненской губернии, прописан в Москве, и его сын

Солоневич Юрий Иванович, студент, род. 15.10.1915 в Москве, прописан там же.

Если там найдутся какие-нибудь сведения о вышеуказанных лицах, прошу сообщить их в первую очередь нам.

Приложение 5

[Докладная записка] Сортавальский подотдел центральной сыскной полиции 17 августа 1934 г. Для сведения Главного отдела ЦСП под № 1745 в Представительство Центральной сыскной полиции в г. Йоэнсуу № 744.

СОРТАВАЛЬСКИЙ ПОДОТДЕЛ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ СЫСКНОЙ ПОЛИЦИИ

Для сведения Главного отдела
ЦСП под № 1745

17 августа 1934 г.

В Представительство Центральной
сыскной полиции в г. Йоэнсуу

№ 744

⁶⁵ Йоэнсуу (Йоэнсу) – столица губернии (ляни) Похьойс – Карьяла.

⁶⁶ Иломантси (Иломаненский погост) – самый восточный город Финляндии, неформальная «столица» православных карел.

Со ссылкой на запрос Представительства от 16.8.34 за № 818, в котором запрашиваются сведения о советских гражданах Иване Лукьяновиче Солоневиче и его сыне Юрии Солоневиче, задержанных 18.8.34 в Иломантси в связи с тайным пересечением границы, подотдел сообщает, что брат указанного Ивана Солоневича, врач Борис Солоневич, задержанный 8.8.34 в Салми при переходе границы, при допросе сообщил следующее:

Родители: мастер молокозавода Лукиан Солоневич, около 70 лет, проживает в Крыме, в городе Ялта, и Юлия, урожд. Ярушевич, скончалась. Есть брат, Иван, журналист, около 43 лет, проживает в качестве ссыльного в Карелии, в концентрационном лагере г.Медвежьегорска. Допрашиваемый окончил 8 классов в Санкт-Петербургском классическом лицее, учился 1,5 года в Санкт-Петербургском политехникуме, а также 4 года – в Московском университете на врача. От армии освобожден из-за плохого зрения. Не входил ни в какие коммунистические организации.

В 1908 году вместе с родителями переехал из деревни Рудники Гродненской губернии в Вильно, откуда в 1912 году – в Минск, в 1913 году отправился на учебу в Московский университет, и в 1915 году перевелся в Санкт-Петербург. Прервал обучение в 1917 году, когда произошла революция, и уехал к отцу на Кубань, в город Майкоп, куда последний переехал из Минска. Там в 1918 году примкнул к войскам Корнилова, Покровского и Врангеля для борьбы против большевиков. Был ранен в бою на Кубани и попал в Севастопольскую больницу. В Севастополе работал переводчиком английского языка в американском Красном кресте. В октябре 1920 года ему пришлось по делам Красного креста отправиться в Константинополь. После его возвращения оттуда в конце этого же месяца большевики захватили Севастополь. Остался в Севастополе, а у большевиков не было точных сведений о его пребывании в рядах восставших (это не удалось выяснить даже после многочисленных допросов), и он был взят на должность «преподавателя физической культуры», т. е. спортивного инструктора. Однако ЧК всегда ходила за ним по пятам и время от времени задерживала его, но допрашиваемому удавалось выйти на свободу, т. к. он доказывал, что полуслепой человек не мог принимать участия в боях. Преследования все-таки продолжались, и весной 1922 года допрашиваемый бежал из Севастополя в Одессу, где появился под чужим именем австралийца Боба Гальвена и работал тяжелоатлетом в цирке в течение полугода. В конце лета того же года, как владеющий английским языком, стал работать начальником распределительного отдела американского благотворительно комитета, но долго пробыть в этой должности ему не пришлось, т. к. ЧК выследила его и арестовала в Одессе в конце ноября 1922 года. Он был осужден на 2 года тюремного заключения по обвинению в том, что, являясь спортивным инструктором, организовал скаутские группы для борьбы с большевиками. Пробыв около года в Одесской тюрьме, в конце 1923 года благодаря стараниям знакомых и хорошему поведению,

был освобожден и отправился в Севастополь, где устроился в ВМФ преподавателем физкультуры. Пробыл в этой должности до лета 1925 года, когда опять начались притеснения ЧК. На этот раз сбежал в Москву, где устроился в этой же должности и успел проработать около года, пока 2.6.1926 Московское ГПУ не арестовало его и не осудило на 5 лет тюремного заключения за контрреволюционные идеи среди скаутских организаций. В сентябре 1926 года был выслан на Соловецкие острова. Там пробыл 2 года (до осени 1928 года), когда по причине слабого зрения был отправлен в Томский концентрационный лагерь. Находился там до конца 1930 года, получив затем разрешение на праве условного срока поселиться в Центральной России, в городе Орле, но обязуясь отмечаться 2 раза в месяц в местном ОГПУ.

В Орле допрашиваемый начал работать фотокорреспондентом газеты, но 22.2.1932 по указанию Московского ГПУ он был арестован и доставлен в Московскую тюрьму, где содержался в одиночной камере 5 месяцев, после чего в августе 1932 года был освобожден и возвращен в Орел. Там допрашиваемый решил бежать за границу и с этой целью поехал к своей жене и брату Ивану в Москву. Под видом развлекательной поездки они решили поехать на известный водопад Кивач и попытаться оттуда тайно перейти в Финляндию. Путешествие удалось, но в 60 км от финской границы, в лесочке близ деревни Линтуярви, у брата внезапно проявилось желудочное заболевание, поэтому им пришлось вернуться в Москву, откуда допрашиваемый выехал в Орел. Никто не узнал об их намерении эмигрировать. В августе 1933 года они повторили попытку, но 8 августа 1933 г. в Ленинграде были арестованы и осуждены все на 8 лет тюремного заключения как контрреволюционеры и шпионы, главным образом из-за того, что состояли в переписке с двоюродной сестрой Тамарой Прцевоцни, проживающей в Берлине. Брат попал в Медвежьегорский карантинный лагерь, жена допрашиваемого – в Сибирь, а сам – в Свирьстройский карантинный лагерь, куда он был привезен из Ленинграда 14.1.1934. До побега в Финляндию работал там врачом и начальником санитарного отдела.

Допрашиваемый объяснил, что хочет уехать в Германию, к двоюродной сестре Тамаре Прцевоцни, которая проживает по адресу: Берлин, Северо-Запад 6, Альбрехтштрассе 22. Она знает о том, что допрашиваемый собирался бежать в Финляндию, т. к. он просил сестру сообщить немецкому консульству в Финляндии, что, попав в Финляндию, он может обратиться в указанное консульство. Допрашиваемый заявил, что его имя известно в скаутских кругах Англии, Германии и Америки, т. к. в свое время он являлся одним из видных руководителей скаутского движения в России (во время большевистского правления – т. н. пионерские лагеря).

На основании рассказа Солоневича можно сравнить, насколько показания братьев совпадают. Есть основания узнать на допросах у Ивана Солоневича, что он еще знает о жизни брата. Есть причины подозревать, что целью прибытия

в Финляндию Бориса Солоневича является попытка отправиться отсюда в Германию в качестве агента большевиков. Интересным является факт одновременного побега братьев с разных мест. Борис С^{олоневич} будет отправлен 21 числа текущего месяца в Выборгскую губернскую тюрьму для ожидания вынесения решения по делу.

Вперед... в прошлое:

**О.Н. Кен о социальной архаике в СССР
и постсоветской России**

Биография ученого – его мысли, идеи, концепции, с ними он, уйдя, остается, покинув современников, продолжает с ними говорить. Такая биография не в пример самой неожиданной и авантюрной бывает захватывающе интересной, поучительной, полезной в широком общественном смысле.

Прошло без малого пять месяцев после ухода Олега Николаевича Кена, и вслед за паузой, которая была вызвана этой безвременной кончиной, ошеломившей всех его единомышленников, коллег, друзей, учеников, снова зазвучала его негромкая, безупречная по своей композиции и аргументации, обращенная ко всем нам речь. Началась публикация наследия историка, которая, судя по объему оставшегося в рукописях, хочется думать, будет долгой. Инициатором выступил наш славный еженедельник «Дело», с которым дружил и где печатался О.Н. Кен. В номерах за 11, 17, 24 марта появилась подготовленная еще за несколько лет до смерти статья исследователя «После революции – что?».

Статья эта крайне актуальна, если не сказать злободневна. В ней, в частности, выявлены и очень точно обозначены черты социальной архаики, обступившие нас в последние годы настоящим чистоколом.

Это прежде всего так называемая «русская» идентичность, занявшая место истматовской доктрины. Определение «русская», конечно, более чем условно, так как речь идет об «идентичности», вываренной в имперском котле и в значительной мере потерявшей свой национальный характер. Таким образом, это псевдо-, квази-, а по сути лженациональная идентичность. Но в любом случае подобный подход означает ставку на отрицание культурного, то есть внеприродного начала, зов в сферу природы, первобытных инстинктов, крови. Это ненависть к другому, чужому, не своему, просто по каким-то причинам непонятному. В конкретно-политическом плане это такая балансировка между социальными силами, которая, как справедливо писал О.Н. Кен, эксплуатирует «патернистские инстинкты и национальные фобии усталого общества». В такой ситуации возникает непреодолимая потребность найти вождя, поводыря, опереться на личную диктатуру, силой которой можно было бы любоваться. Возникает единство поводыря и зверя, в нашем случае олицетворенного неизменным героем фольклора медведем. Собственно народ в подавляющем большинстве и является собой такого медведя, но не лесного хищника, предсказать действия которого невозможно, а дрессированного, покорного, циркового.

Упомянутое единство крепит и материализует относительное экономическое благополучие, основанное на продаже углеводородного сырья, остатков доисторических биот, древностей геологии. Ведь и это, согласитесь, элемент архаики, да еще какой! Такая ситуация придает власти немалую силу, способность, когда нужно, подавлять недовольство и одновременно в определенной степени и пропорциях покупать расположение общества, культивировать состояние известной эйфории, развлекать людей, отвлекать их от излишних раздумий и сомнений.

Выстроенной системе нельзя отказать в логике. Создан просторный склад театральных декораций и бугафорского реквизита. Здесь Совет Федерации и Госдума, прокуратура и суды, правительство и губернаторы, телекомпании и пресса, партии и крупный бизнес и т.п. Здесь все спокойно и, как принято выражаться, «под контролем». Чиновники и журналисты на жаловании, бизнесмены бюрократизированы. Предусмотрена и минимальная «вентиляция» системы. В основном для внешнего имиджа. А изнутри эти струйки воздуха заглатывает такое ничтожное меньшинство, что с ним можно и не считаться. Жалобные стоны доносятся лишь из пенитенциарной и армейской сфер, но их пресекают в первом случае местные «авторитеты», а во втором – так называемые «деды».

Что же мы наблюдаем в результате? Гипертрофированный государственный контроль лишил оппозиционную часть российского общества какого-либо представительства в органах власти. Поклонение людей стабильности как некой

ценности самой по себе иллюзорно и обманчиво, ибо стабильность предусматривает ни что иное, как стабильное развитие начал гражданственности, а этого нет. Наконец, отсутствие реальных политических противовесов исполнительной власти обрекает проводимые ею реформы на уродливое фискальное исполнение, а то и полный провал.

Архаика наблюдается буквально во всем, например, в «неукротимой тяге высших представителей режима к уголовному жаргону – хранителю архаической простоты мира, где господствуют насилие и иерархия, и к мужественным прибауткам, отражающим казарменный опыт сексуальной жизни».

Вот, собственно, снабженная минимальным комментарием суть названной выше статьи О.Н.Кена, трактующей, в частности, упомянутый частокол социальной архаики, за который и выглянуть-то непросто.

Однако рассматриваемый текст много богаче по содержанию и, что особенно важно, побуждает думать, рассуждать, спорить. Сложившаяся ныне система воспоследовала за двумя, как это понимал Олег Николаевич, революционными циклами, за великой российской революцией, охватывающей хронологическое пространство с февраля 1917 по конец 1980-х годов и второй революцией, продолжавшейся с конца 1980-х по конец 1990-х годов. Феномен творческой судьбы О.Н. Кена связан с событиями советской действительности, которые он воспринимал как часть великой российской революции и тщательно изучал, а также с перепетиями недавней революции, которая предоставила ему такую возможность и факт которой ныне на все лады отрицается, либо стыдливо комуфлируется словом «перестройка».

О.Н. Кен родился 13 марта 1960 года в Орске, в семье выпускников филологического факультета местного педагогического института. Расположенный без малого в трехстах километрах от Оренбурга, этот город со временем своего основания (в 30-х годах XVIII в.) был пристанищем ссыльных. Таким он оказался и для деда Олега Николая Генриховича Кена, арестованного в 1938 г. по делу известного советского военачальника Р.П. Эйдемана, до 1947 года отбывшего срок в вятских лагерях, а затем работавшего на орском Южно-Уральском машиностроительном заводе.

Олег формировался и переживал пору становления в интеллектуальной среде. Таких, как Николай Кен, в Орске было немало, так что, несмотря на расположившуюся сразу за городской чертой бескрайнюю и безлюдную казахстанскую степь, его школьные годы прошли отнюдь не в провинциальном захолустье. Затем были два курса истфака в Орловском пединституте и в итоге, в 1981 году – диплом с отличием, полученный уже по окончании истфака Ленинградского Педагогического института им. А.И.Герцена.

Решение посвятить себя изучению межвоенного лихолетия появилось у Олега Николаевича как естественное продолжение раздумий о жизни своих близких, виденном и слышанном в детстве и юности, как реакция на гнетущее

политическое безвременье и холодные ветры из прошлого, подморозившие противоречивую хрущевскую оттепель, которую он по молодости лет не застал. В Ленинграде Кен-студент стал любимым учеником Елены Александровны Андреевской, потомственного вузовского педагога (ее мать, Наталья Владимировна Андреевская, была выдающимся отечественным историком-методистом, а отец, профессор А.Е. Курдявцев, одним из первых ленинградских медиевистов-испанистов) и тонкого знатока Запада новейшего времени.

В течение всей своей историографической жизни О.Н. Кен оставался верен первоначальному хронологическому выбору. Между тем если дипломное сочинение и защищенная в 1990 году кандидатская диссертация были посвящены внешней политике Великобритании первой половины 1930-х годов, то уже вскоре, в начале 1990-х, когда начали открываться архивы советской эпохи, то есть мир, существовавший не просто за семью печатями, а в каком-то другом измерении, Олег Николаевич страстно, не щадя себя, отдался их изучению. Ему было все равно, что академическая карьера, как говорят, не задалась, что вместо очной аспирантуры с ее легализованным научным досугом он был вынужден довольствоваться с поискательством и зарабатывать учительским трудом, а потом долгие годы пребывать на организационно-технической должности в петербургском Европейском университете. Зато одновременно с появлением доступа в некогда секретные архивы стало реальностью получение грантов для осуществления задуманных исторических реконструкций. И начало 1990-х – 2000-е годы были для Кена-текстолога, археографа, исследователя, автора временем по-настоящему счастливым. Неустанная и напряженная работа в московских архивах, две длительные и весьма плодотворные поездки в США, а также в Великобританию, Францию, Бельгию, Швецию, Финляндию, Польшу, Чехию, Венгрию, Эстонию, даже в Индию – все это в значительной степени обогащало источниковую базу, расширяло кругозор, знакомило с новыми людьми.

В 2004 году в Санкт-Петербургском институте истории РАН О.Н. Кен защитил докторскую диссертацию «Мобилизационное планирование в контексте внутренней политики и международного положения СССР, 1927–1935 гг.». С 1996 года одна за другой выходили его монографии «Коллективная безопасность или изоляция? Советская внешняя политика и Польша, 1930–1935», написанная по-английски во время работы в США, «Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными соседними государствами. Ч. I. 1928–1934» (2000, в соавторстве с А.И. Рупасовым), «Мобилизационное планирование и политические решения. Конец 1920-х – середина 1930-х гг.» (2002), положенная в основу упомянутой диссертации, «Москва и пакт о ненападении с Польшей (1930–1932 гг.)» (2003), «Швеция в политике Москвы. 1930–1950-е годы» (2005, в соавторстве с А.И. Рупасовым и Л.Самуэльсоном). О.Н. Кен печатался в журналах «Клио», «Неприкосновенный запас», еженедельнике «Дело», десят-

ки мастерски написанных статей и многостраничных аналитических рецензий были выложены на его сайте в Интернете.

Однако формальный статус Олега Николаевича разительно не соответствовал его реальным достижениям. Администраторы от науки, как это часто бывает, продолжали «не замечать» блестящего исследователя, менее всего склонного афишировать свои успехи. Лишь поздней осенью 2005 года О.Н. Кен пришел на кафедру всеобщей истории РГПУ, где в прошлом трудились Е.А. Андреевская, Ю.В. Егоров и другие его учителя. А за считанные месяцы до смерти в связи с неожиданно открывшейся вакансии автор этих строк не без труда уговорил Олега Николаевича взять на себя обязанности заведующего этой кафедрой.

Значение вклада О.Н. Кена в нашу историографию и вообще в историческую науку состоит в том, что он предложил новые подходы к исследованию советской действительности – целого материка социальной архаики XX в. Смысл нового строя, начавшего утверждаться в России с 1917 года, он осознал «как полную противоположность не только Старому порядку, но самой стихии человеческого существования». Он понял, что новый режим пошел по пути отмены всех веками устоявшихся запретов и традиций – сословных, классовых, национальных, религиозных, семейных, сексуальных... попросту человеческих. И эта попытка «возвращения в рай» завершилась стабилизацией на несравненно более низком от исходного уровне – рабском. Впервые эту констатацию предложил недавно скончавшийся блестящий социолог Всеволод Михайлович Вильчек в своей книге «Алгоритмы истории».

О.Н. Кен показал, как эволюционизировал уникальный государственный организм, как он шел к своему апогею, приходившемуся как раз на вторую половину 30-х годов, как в недрах советского Левиафана измельчалось в историческую пыль все, выходившее за пределы прихотливо изменчивой, маниакально подозрительной и абсолютно непреклонной воле Вождя. Одновременно парадоксальный советский мир должен был взаимодействовать с миром, сохранившим традиции и запреты, отвечать на его вызовы, предлагать и отвергать варианты развития. И этот-то, международный, аспект разворачивавшейся драмы, пожалуй, занимал Олега Николаевича больше всего.

О.Н. Кен предложил новые источниковые приемы обращения с советской документацией с тем, чтобы минимизировать исследовательский «ущерб» в связи с недостатком многих материалов, разорванностью архивов, закрытостью значительного их числа. Собственно он утвердил новаторский жанр исторического исследования – «опыт комментария» с тем, чтобы «разговорить», скажем, протоколы Политбюро ЦК ВКП(б) и многие другие виды источников.. Адекватную информацию он пытался извлекать, преодолевая их секретность, лаконизм или многословие, нарочитое отсутствие ясности и мотивировок, сознательный отказ от обобщений, присущую им систему сигналов, таинственность, невнятность, иносказательность и бесконечное множество других особенностей. Такой

анализ источников позволял приоткрывать всегда загадочную тайну их синтеза и показывать сакральную суть советского мифотворчества, архаизацию методов управления, теснейшее, как и вообще в мифологическом знании, переплетение военно-политического, хозяйственно-административного и партийно-идеологического руководства, внешнеэкономический характер производственно-правовых отношений, непонимание Вождем и его ближайшим окружением подлинных причин международного кризиса, приведшего к войне, несоответствие большевистской системы власти и непростой военно-промышленной машины, сложившейся в стране.

О.Н. Кен обладал одним чрезвычайно важным и притягательным качеством. Он был человеком исключительной научной честности. Включив советскую эпоху в хронологическое пространство великой российской революции, О.Н. Кен не утаил, как мы уже отмечали выше, что она «явилась возвратом в антикапиталистическую архаику», что ей был органически чужд западноевропейский революционно-политический словарь — термидор, бонапартизм, реставрация, что на исходе прошлого столетия наша страна оказалась перед задачами, с которыми она в него вошла — утверждение свободной рыночной экономики, политической демократии и т.п., что на глазах наших современников все созданное Октябрьем обратилось в прах: и общественная собственность, и плановое хозяйство, и морально-политическое единство новой исторической общности людей, наконец, что у Октября не могло быть будущего. И не оказалось, добавлю я со всей определенностью очевидца.

Так что же это за «революция», которая заводит в тупик, с итогами которой приходится расставаться, пытаясь из этого тупика задом и выходя на исходные позиции, поросшие за давностью лет высоким лесом? Что же это за «революция», поправшая, как мы знаем, все человеческое и опустившая общество до состояния рабства? Что же это за «революция», в итоге которой в системе разделения труда, по наблюдениям В.М. Вильчека, преобладали идеологические отношения, право на труд являлось обязанностью, торговля — распределением, выборы — проверкой лояльности, свобода — необходимостью, исследовательская деятельность — науковерой, искусство — государственной мифологией и так далее до бесконечности?

Мне думается, что Олег Кен сам себя поправил. Советская эпоха не являлась частью «великой революции» и не являлась революцией как таковой. С октября 1917 до конца 1980-х годов наша страна пережила, учитывая темп общецивилизационного развития, практически вековую полосу контрреволюции. А события конца 1980-х — конца 1990-х годов были, на наш взгляд, третьей революцией или третьим этапом каскада российских революций, если первые два соотнести с 1905–1907 и февралем 1917 года.

Напрасно власти с такой тревогой взирали на политические процессы, протекающие на Украине и в Грузии. Там идут буржуазные преобразования, ко-

торые не коснутся России. Российский революционный цикл завершен, но черты советской архаики оказались неистребимыми. Страх перед ними побуждает Киев и Тбилиси, стремясь в НАТО, искать защиты у Запада, а негативная реакция на это Москвы лишь усиливает центробежные тенденции в политике бывших советских республик. Преемственность советской и постсоветской реальностей, увы, очевидна. Ведь совсем не случайно, что шестидесятник В.М. Вильчек и О.Н. Кен, в 1960 году только родившийся, не сговариваясь, писали об одном и том же. Первый, что большевики установили в стране посуги оккупационный режим, а второй — что нынешняя исполнительная власть «объявила себя на осадном положении» и действует «в режиме публичной спецоперации». Подчеркнем, такие выводы сделаны не сторонними, равнодушными людьми, бросавшими недобрый взгляд на нашу действительность. Оба они, я хорошо знал обоих, были в самом высоком смысле слова патриотами России, бескорыстными, честно, напряженно работали на благо своей страны, никогда не помышляли о том, чтобы ее покинуть, и почти одновременно легли в ее землю.

Хочу надеяться, что это выступление было попыткой своеобразного диалога с Олегом Николаевичем Кеном. Значимость его личности, сделанного им и уже опубликованного, и того, чему предстоит появиться, будут звать к продолжению такого диалога.

Б.Комиссаров

СОДЕРЖАНИЕ

Мартин Малек Военная биография Гюнтера Грасса или (Не)преодоление собственного прошлого.....	3
Борис Беленкин Смерть в окружении: Ополчение как способ «исправления» биографии.....	12
Петр Митцнер Русские писатели в довоенной Польше: Проблема польских источников	25
Анна Шор-Чудновская До мельчайших подробностей: Роман-документ «Дневники» как пример сопротивления.....	33
Анна Колодушко Биография репрессированного партийца	40
Галина Орлова Смерть как биографический факт: Об одном утраченном мотиве малого политического некролога	51
Наталия Демина Этос российской социологии 1977–2007 гг.: Контент-анализ некрологов и юбилейных статей	59
Андрей Алексеев Память индивидуальная и коллективная, семейная и историческая (актуальная проблема соотношения)	72
Наиля Бекжанова, Анна Жабрева, Наиле Сидоренко Профессия как объект биографирования. На примере отечественных биографических и библиографических словарей и справочников 1956–2000 гг.....	90

Константин Дивисенко Биографии молодых в собрании Биографического фонда	100
Алена Козлова «Любовь под знаком ЧСИР»: Влияние травматического опыта семейной истории на женскую судьбу второго поколения	111
Наталья Баженова Труды ученых Академии наук СССР блокадного периода: Проблема анонимности.....	123
Екатерина Махотина «Палач» или «Жертва»?: Развитие дискурса о жертвах сталинизма в немецком обществе на примере спора о музеефикации Спецлагеря 7/1 в Мемориальном комплексе Заксенхаузен	131
Максим Скороходов Научная биография как исследовательский жанр	139
Ирина Островская Героизация неизвестности: Образы репрессированных родителей в устных воспоминаниях детей.....	148
Нина Цветаева О чем говорят «человеческие документы»: Переоценка ценностей в эпоху перемен	156
Наталья Колесник Реконструкция биографий необычных людей	166
Юлия Крашенинникова Семейный архив: Специфика составления биографии. На примере семейного архива Крашенинниковых	174
Нина Пономарева Николай Васильевич Здобнов (1888–1942): Право на имя	183

Дмитрий Смирнов «Осознание видений» под натиском лишений: Вальтер Беньямин в работе над «Пассажами» в 1934–1940 годах.....	188
Анна Желнина, Татьяна Баarendova, Александра Касаткина, Анастасия Рогова, Анна Клепикова Большое событие как обряд перехода. Закрытие Европейского Университета в биографии его слушателей: «Мы» и внешний мир	197
Петр Базанов Братья Солоневичи: документы и легенды (На основе коллекции В.В. Иофе НИЦ «Мемориал»)	206
Вперед... в прошлое: О.Н. Кен о социальной архаике в СССР и постсоветской России	241

Научно-информационный центр «Мемориал», Санкт-Петербург
Европейский университет в Санкт-Петербурге

ПРАВО НА ИМЯ **Биографика 20 века**

Шестые чтения памяти Вениамина Иофе
16–18 апреля 2008
Сборник докладов

Обложка: А. Ходот

НИЦ «Мемориал»: Санкт-Петербург, 191002, ул. Рубинштейна 23, оф. 103

Подписано в печать 13.04.2009

Формат 60 X 90 / 16

Бумага офсетная. Печать офсетная. Тираж 300 экз.

Заказ № 1246

Отпечатано в ООО «Аллегро»

196084, Санкт-Петербург, ул. Коли Томчака, д. 28

Тел./факс: (812) 388-9000

e-mail: beresta@mail.wplus.net